

Ленинградский государственный университет
имени А. С. Пушкина

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

**№ 3
серия история**

Санкт-Петербург
2008

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 3
Основан в 2006 году
серия история

Учредитель Ленинградский государственный университет имени
А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов (главный редактор),
Е. С. Нарышкина (зам. главного редактора),
Н. В. Поздеева (отв. секретарь),
Л. Л. Букин, Т. В. Мальцева, Г. П. Чепуренко

Редакционный совет:

В. А. Верременко, доктор исторических наук, доцент;
В. С. Волков, доктор исторических наук, профессор;
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор;
А. В. Похилюк, доктор исторических наук, профессор;
Т. М. Смирнова, доктор исторических наук, профессор;
В. В. Фортунатов, доктор исторических наук, профессор;
М. И. Фролов, доктор исторических наук, профессор

Отв. редактор А. А. Беляева

Редактор А. А. Титова

Технический редактор Н. В. Чернышева

Свидетельство о регистрации **ПИ № ФС77-23714**

Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург, г. Пушкин,

Петербургское шоссе, д.10

Тел/факс (812)476-90-34

<http://www.lengu.ru>

©Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А.С. Пушкина, 2008

Содержание

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Н. Ю. Иванченко

Положение населения на оккупированных территориях
Восточной Карелии в 1941 – начале 1942 г. 5

Г. Я. Мурадова

Мобилизация женщин на территории Северо-Запада
в годы Великой Отечественной войны..... 17

О. А. Вакурова

Общественно-организаторская работа интеллигенции
в условиях перехода предприятий
на массовый выпуск оборонной продукции 27

М. Н. Шишкина

Формирование ключевых компетентностей
в ходе изучения темы «Деятельность ученых в блокадном Ленинграде» 42

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

В. Н. Бенда

Предпосылки к основанию русского инженерного корпуса 53

Л. Ю. Гусман

«Тоска по политической жизни» в России «эпохи Великих реформ»
и ее отражение в подцензурной печати начала 1860-х гг..... 65

О. А. Яковлева

К вопросу об особенностях функционирования избирательной системы
Российской империи в начале XX в. (на примере выборов депутатов
в III Государственную Думу в Приамурье) 72

И. А. Тропов

Местные советы в 1917–1920-е гг.: особенности структуры и деятельности 81

Т. Ю. Бойкова

«Стать культурным»: досуг ленинградских рабочих
в конце 1920-х – 1930-е гг. 93

О. В. Капустина

К вопросу об образе жизни советских пенсионеров в 1950–1980 гг. XX в.
(на основе анализа произведений советских поэтов
и «политических» анекдотов)..... 106

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

А. А. Шевченко

К вопросу об освобождении рабов в Римской империи
в IV–VI вв. на основании юридических источников 119

П. А. Гостенков

Ж. Кайо в период Агадирского кризиса 131

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Н. Д. Козлов

Россия в XX веке

Анисков В.Т. Советская Россия от становления, исторического величия,
до надлома вех. В контексте ярославского краеведения 151

Сведения об авторах..... 155

CONTENTS

The Great Patriotic War Problems

N.Y. Ivanchenko

The position of the occupied population of Karelia
in 1941 – the beginning of 1942 years..... 5

G.Y. Muradova

The women's mobilization on territory of north west in Great Patriotic War..... 17

O.A. Vakurova

The social-organizing work of intelligentsia in the conditions
of transferring of factories on the mass output of the defence production..... 27

M.N. Shishkina

The formation of the key competences in the study of the topic:
«The work of scientists in the blockaded Leningrad» 42

Russian History Pages

V.N. Benda

Background to the base of Russian engineering corps 53

L.Y. Gusman

«Nostalgia on politics» of Russia in «The Epoch of the Great Reforms»
and its reflection in censored press in the early 1860s 65

O.A. Yakovleva

To a question about the features of the electoral system operation
of the Russian empire at the beginning of XX century
(for example, the election of deputies in the III State Duma in Priamur'e) 72

I.A. Tropov

Local soviets in 1917 – 1920: features of structure and activity..... 81

T.Y. Boykova

«To become cultural»: leisure of Leningrad's workers
in the late 1920's – 1930s..... 93

O.V. Kapustina

To a question about the Soviet way of life of pensioners
in the 1950–1980s (based on the analysis of works of Soviet poets
and «political» jokes) 106

World history

A.A. Shevchenko

To a question about the release of slaves in the Roman Empire
in the IV-VI centuries based on legal sources..... 119

A.V. Gostenkov

J. Cayo during the Agadir crisis 131

Reviews

N.D. Kozlov

Russia in 20th century

Aniskov V. T. The Soviet Russia from formation, historical greatness,
to a break of marks. In a context of the Yaroslavl study of local lore 151

About authors 155

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

УДК 94(470.22).084.8

ББК 63.3(2Рос-К2р)622-9

*Н. Ю. Иванченко **

Положение населения на оккупированных территориях Восточной Карелии в 1941 – начале 1942 г.

В статье рассматриваются особенности деятельности оккупационной администрации, реализовавшие планы присоединения территории и вхождения национального населения Восточной Карелии в состав Великой Финляндии. В практических действиях это проявилось в изоляции большей части русского населения, в худшем продовольственном обеспечении «некоренных» жителей, в лишении детей инонационального населения права на образование, в общей направленности пропагандистской деятельности. Работа органов военного управления на начальном этапе оккупации была направлена на осуществление задачи создания Великой Финляндии.

The article exposes the peculiarities of the activity of occupational administration, where were used the plans of connection of the territory and joining the national population of Eastern Karelia to the Great Finland. In the practical actions it was used in the isolation of the most of Russian population in the worst ensuring with the provision of the “unnative” population the right to get the education, in the general purposefulness of the propaganda. The work of the authorities of the military government on the initial stage of the occupation was turned on the realization of the main mission of the Great Finland’s creation.

Ключевые слова: оккупационная администрация, продовольственное обеспечение, трудовые ресурсы, трудовая повинность, национальная политика, паек, нормирование продовольствия, заключенные, выселение, школы.

* **Иванченко Нелли Юрьевна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры управления персоналом, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, член-корреспондент академии Военно-исторических наук.

The key words: the occupational administration, the ensuring with provision, the labour resources, the labour obligation, the national politics , the ration ,the rate settings of the provision, the prisoners, the eviction, the schools.

В 1941 – начале 1942 г. на оккупированной территории Восточной Карелии установилась и начала функционировать система военного управления.

Подготовка к возможному присоединению советской Карелии к Финляндии началась еще в апреле 1941 г. По поручению президента Р. Рюти под предстоящую аннексию была подведена «правовая основа», изложенная в работах: Я. Яаккола «Восточный вопрос Финляндии» и В. Ауэри и Э. Ютиккала «Жизненное пространство Финляндии». На переговорах о сотрудничестве с Германией 25–26 мая 1941 г. и в дальнейшем обсуждались границы территориальных приращений Финляндии. С конца июня 1941 г. началась разработка оккупационной системы. Была продумана организация военного управления, утвержденная приказом главнокомандующего К.Г. Маннергейма от 15 июля 1941 г. и выработаны основные принципы деятельности в Восточной Карелии: развитие этой территории как равноправной части республики и обращение особого внимания на положение «национального» населения, которое считалось будущими гражданами Великой Финляндии, тогда как русских планировалось выселить за ее пределы.

Комендантом военного управления был назначен В.А. Котилайнен. Под его руководством работал штаб военного управления Восточной Карелии. Непосредственно на оккупированной территории были образованы окружные и подчинявшиеся им районные штабы. Волостями руководили коменданты, в деревнях были избраны или назначены старосты.

Первостепенной задачей органов управления было установление контроля над населением. С этой целью к концу 1941 г. была проведена перепись, лица старше 15 лет получили олескелулупа – разрешение на проживание в данной местности, были предприняты режимные ограничения и ущемление свободы передвижения.

Началось осуществление переселенческой политики. На стадии становления режима основными причинами были такие факторы,

как необходимость удаления населения из районов, прилегающих к линии фронта, потребность в перераспределении трудовых ресурсов, подготовка «некоренных» жителей к выселению за пределы района, а также обеспечение контроля за ними. Перегруппировки свободного населения в начальный период были локальными, основное внимание было уделено созданию концентрационных или «переселенческих» лагерей, где в мае 1942 г. находилось около 23 тыс. человек.

Началась экономическая деятельность военного управления. В сельском хозяйстве велась подготовка к созданию самостоятельных земледельческих хозяйств представителей коренных национальностей, однако на первых порах была сохранена старая коллективная организация труда. Кроме сельхозработ, население привлекалось к выполнению различных трудовых повинностей, связанных с восстановительными работами, строительством и обслуживанием органов военного управления. Восстанавливались промышленные предприятия. Для организации лесозаготовительных и оборонных работ были созданы трудовые лагеря. На лесозаготовках в марте 1942 г. работало 5821 человек, причем надо отметить, что лесоматериалы использовались не только в Восточной Карелии, но и реализовывались в Финляндии. Из промыслов главное значение придавалось рыболовству. Создавались рыболовецкие артели, но при этом разрешалась и ловля для домашних нужд.

На этапе наступления за снабжение местных жителей отвечали военные подразделения. Для постоянной торговой деятельности и обеспечения продовольствием свободного населения Восточной Карелии была основана монопольная компания (акционерное общество) «Вако». Договор о ее создании был подписан 12 августа 1941 г. фирмами «Туко», «Кеско», «Сок», и «Отк». Исполнительным директором компании в течение всего периода оккупации был лейтенант Аарне Коскало. 16 августа 1941 г. главнокомандующий дал «Вако» разрешение на деятельность и ввел двух офицеров в его правление в качестве представителей штаба военного управления. Компания платила 5 % налог с оборота. Уже 18 сентября в Видлице был открыт первый магазин, а к концу 1941 г. «Вако» имела 65 ра-

бочих точек в Восточной Карелии, из которых 47 были магазинами [5, с. 45; 4, с. 226]. Если учесть, что под управлением находилось 18 населенных районов [4, с. 486], то в среднем на район приходилось 2–3 магазина. В Петрозаводске в первой половине 1942 г. их было пять: два – на улице Ленина, по одному – на шоссе 1 мая, на улице Гоголя и на улице Вытегорской [1. Оп. 1. Д. 176. Л. 78].

Приказом коменданта военного управления от 31 августа 1941 г. было введено нормирование продовольствия. Предполагалось, что количество выдаваемых по нормам продуктов в восточной Карелии будет тем же, что и в Финляндии. В связи с этим решением была введена карточная система [5: 46; 4: 228]. Карточки выдавались периодически, в Паданах, например, первого и пятнадцатого числа каждого месяца [3. Оп. 1. Д. 95. Л. 15].

Неодинаковые размеры норм выдачи продовольствия разным группам населения можно считать проявлением финской национальной политики. Первоначально лица коренных национальностей получали в день 300 г хлеба, который часто заменялся мукой, и 400 г сахара в месяц. Русским выдавалось лишь 200 г хлеба в день и 250 г сахара в месяц. Работающим представителям обеих национальных групп выдавалось дополнительно 150 г хлеба в день. В октябре 1941 г. сахарная норма была увеличена: карелам – до 500 г, русским – до 300 г. В ноябре – декабре 1941 г. карелам было выделено 7,7 кг муки, 1 кг сахара, 150 г маргарина и 15 кг картофеля в месяц. Русские получали почти такое же количество продовольствия, однако муки им выдавалось всего 6 кг в месяц. Работающие получали дополнительный паек в размере 4,5 кг муки и 350 г маргарина в месяц. В начале 1942 г. эти нормы остались в силе, правда, возникли трудности с картофелем. Там, где он имелся в наличии, норма была уменьшена до 10 кг в месяц. Значительное ухудшение положения с продовольственным обеспечением произошло весной – летом 1942 г. В апреле, например, всем группам населения выдавалось лишь 165 г муки в день, картофель не выдавался совсем [5, с. 46–47; 4, с. 228–229].

В первое время продукты выдавались бесплатно. Так, в Паданах, продовольствие распределялось как среди работающих, так и

среди неработающих. При этом власти предупреждали, что в дальнейшем будет удержана соответствующая сумма из заработков [3. Оп. 1. Д. 95. Л. 14].

Наряду с продовольственными существовали также промтоварные карточки. После захвата районов финны начали продавать товары, оставшиеся в советских магазинах. Затем появились и финские промтовары. В Олонецком районе цены, установленные на финские изделия, были более высокими. В подтверждение этому приведем следующий пример: если трофейный «грубошерстный костюм» стоил 250 марок, то финская «рабочая верхняя рубашка» – 160 марок [3. Оп. Д. 56. Л. 19; Д. 117. Л. 7 об.].

Видимо ситуация с промышленными товарами была довольно нестабильной, так, например, в Шелтозерском районе отоварить карточки было попросту нечем [3. Оп. 1. Д. 105. Л. 16]. С другой стороны, источники не отмечают отсутствия предметов первой необходимости, в продаже имелись, например, спички, ножи, нитки, пуговицы и другие [3. Оп. 1. Д. 3. Л. 10; Д. 117. Л. 7 об.; Д. 212. Л. 12]. Интересно сопоставить цены на продукты и товары с заработной платой. Что касается цен, то они были примерно одинаковыми на всей оккупированной территории. Источники приводят следующие примеры: продукты: 1 кг хлеба – 5 марок, 1 кг соли – 15 марок, 1 кг сахара – 15 марок, 1 кг маргарина – 12 марок, 1 кг мяса – 15 марок, 1 коробка спичек – 1 марка, 1 пачка сигарет – 12,5 марок, 1 перочинный нож – 10 марок, 1 финский нож – 17–100 марок, 1 туфли – 140 марок. Сеппяля отмечает, что лицам финских национальностей зарплата выплачивалась по расценкам, действовавшим в Финляндии, тогда как русские получали лишь половину от этой суммы [5. с. 51]. Мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть эту информацию. В донесениях приводятся следующие размеры зарплаты [3. Оп. 1. Д. 3. Л. 14]: за 5–8 м в час полевых работ – 35–40 марок в день; за 5–8 м в час вырубki кустарника – 24 марок в день, за 40 м за один воз вырубki и подвозки дров – 25–40 марок в день, за 40 м за 1 воз работы на слюдяной фабрике – 25–40 марок в день [3. Оп. 1. Д. 3. Л. 10, 14; Д. 117. Л. 7 об.; Д. 111. Л. 19; 2: Оп. 3. Д. 435. Л. 2].

Можно привести также данные о доходах, которые получали местные жители, занимавшиеся рыболовством и продажей молока [2. Оп. 3. Д. 435. Л. 104 об.; 3: Оп. 1. Д. 103. Л. 7].: За 1 л молока давали 4–5 марок, за 1 кг рыбы сиг – 40–45 марок, за 1 кг ряпушки – 30–35 марок, за 1 кг плотвы – 15–20 марок, за 1 кг икры – 70–75 марок. В условиях недостатка и нормирования товаров такое соотношение цен и зарплаты привело к обесцениванию денег. Уже в августе 1942 г. жители Шелтозерского района показывали ходокам хранившиеся в сундуках пачки денег по 2000–3000 марок [3. Оп. 1. Д. 111. Л. 20], на которые было просто нечего купить. Поэтому, когда разведчики предлагали «денежную помощь» своим информаторам, то часто получали отказ с заявлением, что «эти деньги не стоят той бумаги, которая на них затрачена» [3. Оп. 1. Д. 105. Л. 31]. Впоследствии власти пытались различными способами вновь пустить эти запасы в оборот. В донесениях приводилось большое количество примеров, свидетельствующих о том, что неверно было бы приводить информацию о положении населения к одному знаменателю.

Как отмечается в докладной записке ЦК КП(б) КФ ССР, в период с 1 по 20 октября 1941 г., т. е. после захвата Петрозаводска, в городе «наблюдалось полное безвластие», и появилась прекрасная возможность для мародерства. Поэтому некоторые лица, занимаясь грабежом оставшегося в жилых домах имущества, сосредоточили у себя значительные запасы. «Эта категория хорошо обеспечена и недовольства не выражает», – резюмировали составители докладной [3. Оп. 1. Д. 105. Л. 9]. Таким образом, положение свободного населения определялось не только действиями властей, но и сопутствующими обстоятельствами.

В значительно более худшем положении оказались заключенные. Осенью 1941 г. лагеря еще не были ограждены, за исключением лагеря в Видлице. По сведениям А. Лайне, жители Ильинского лагеря могли, получив разрешение, «автостопом ездить в гости в Олонец». В октябре приказом по седьмому армейскому корпусу заключенные были помечены красными нарукавными нашивками шириной около 5 см [3. Оп. 1. Д. 3. Л. 9]. По введенному в мае 1942 г. уставу лагерей, контакты заключенных с гражданскими лицами были

запрещены, однако, по письменному разрешению начальника лагеря можно было навестить своих родственников. Правда, как пишет Лайне, эти разрешения способствовали расшатыванию внутрилагерного порядка, поэтому их выдачу старались ограничить [4, с. 119]. Фактически лагеря были огороженными и охраняемыми жилыми районами. Достаточно сказать, что в Петрозаводском лагере № 6 находилось 127 бараков.

Докладная записка ЦК ВКП(б) КФ ССР дает следующую информацию о внутренней организации Петрозаводских лагерей. Комендантом назначались старшие домов, которые должны были следить за порядком в домах и квартирах и ежедневно докладывать коменданту о происшествиях. Старший имелся и в каждой квартире. Комендантом лагеря № 2 был Валентин М., бывший парторг из Подпороржья. Речь, вероятно, шла о том, что лагерное начальство использовало представителей заключенных для внутренней организации. В том же лагере № 2 по ночам к охране прибавлялась еще «самоохрана» заключенных в количестве четырех человек. Рабочий день начинался с семи часов утра, когда бригады отправлялись к местам работы. Длился он с 8 до 16 часов с 20–30-минутным перерывом на обед. Заключенные работали на онегзаводе, хлебозаводе, электростанции, обслуживали полицию и т. п. После 18.00 ч передвижения по лагерю прекращались. Применялись телесные наказания, особенно часто – за выход за пределы лагеря [1: Оп. 1. Д. 176. Л. 79-81].

Труд заключенных стал оплачиваемым с декабря 1941 г., когда главнокомандующий утвердил расценки, в соответствии с которыми мужчины в лагерях получали 9 марок в день [5. с. 51]. Что касается продовольственного обеспечения, то в лагерях существовало сначала два, а с января 1942 г. три типа норм. Норму А получали неработающие, норму В – работающие, норма С выдавалась выполняющим особо тяжелые работы и находящимся на лечении. С начала 1942 г. всем заключенным коренных национальностей стали выдавать норму С. Интересно, что финские историки приводят размеры норм в пересчете на калории. Видимо, это вызвано тем, что часто недостающие продукты, заменялись продуктами, имевшимися

в наличии, например, пойманной рыбой. Существовала инструкция, предусматривавшая выдачу заключенным продуктов, не годных в употребление финнам. Наименьшая норма А, которую в июне 1942 г. получало 97 % жителей лагерей, составляла 1500–2000 калорий в день. В октябре 1942 г. эта норма была ликвидирована. Пайек В составлял 2145–2500 калорий. После отказа от нормы А такой паек стали получать 70 % заключенных. Норма С была стабильной на протяжении всего времени оккупации – 2800 калорий [4, с. 101].

Вследствие скудности и противоречивости источников трудно определить, какими в действительности были размеры продовольственных пайков заключенных. Можно лишь сказать, что в результате недостаточного обеспечения продуктами питания к лету 1942 г. резко возросла смертность среди переселенных в лагеря [4, с. 101].

Было введено нормирование продовольствия, для организации которого населению выдавались карточки. Нормы продовольственных пайков «коренного» населения были выше, чем «национального». По карточкам велась и продажа промышленных товаров. В условиях ограниченного количества и нормирования товаров и продуктов установленное соотношение цен и зарплаты привело к середине 1942 г. к обесцениванию денег.

Экономическое положение свободного населения не было однородным, но можно сказать, что для этой категории был обеспечен по крайней мере минимальный прожиточный уровень. В гораздо более сложном положении оказались заключенные, получавшие чисто условную зарплату и не имевшие дополнительных средств к существованию. Именно на них тяжелее всего отразились продовольственные трудности середины 1942 г., что привело к резкому скачку смертности. Таким образом, в сравнении со свободным населением заключенные оказались не только гораздо более ограниченными в правах, но и, не имея дополнительных источников существования, намного хуже снабжались продовольствием.

Уже с первых месяцев оккупации началась культурно-просветительская и пропагандистская деятельность. Открытием народных школ для детей «национального» населения было положено начало организации системы просвещения в Восточной Карелии.

Издавались газеты и выпускались радиопередачи. Население было охвачено сферой религиозного влияния. В целом работа в этой области была направлена на то, чтобы внушить карелам идею об их неразрывной связи с Финляндией.

Культурно-просветительская и пропагандистская работа проводилась по нескольким каналам, в частности: обучение, пресса и радио, деятельность церковных общин, культурно-развлекательная работа, переименование географических названий и финнизация личных имен. Важным в этой области являлось непосредственное общение представителей режима и населения.

Предложения о временной системе школьного обучения в Восточной Карелии были подготовлены в штабе военного управления уже 21 августа 1941 г. Выдвигались две цели данной работы: во-первых, воспитание детей в финском национальном духе, во-вторых, искоренение в их среде коммунистического влияния. Осенью 1941 г. началась подготовка организации народных школ в Восточной Карелии. Для этого в Восточной Финляндии был объявлен набор учителей, в ходе которого из 630 претендентов было отобрано 128, из них 49 человек готовились к работе с младшими школьниками, а 79 со старшими. Кроме того, с целью последующего использования были взяты на учет советские учителя, оставшиеся на оккупированной территории. Всего их оказалось 136 человек, причем 130 были лицами коренных национальностей. С 3 по 9 ноября 1941 г. для финских учителей, которым предстояло работать в Восточной Карелии, были организованы курсы в Хельсинском университете. Особое внимание было уделено Восточно-Карельской истории, географии, диалектам и местным условиям [5, с. 92–93].

Уже в конце ноября, т. е. буквально через пару недель, после окончания курсов в оккупированных районах было открыто 46 народных школ, в которых начали обучаться 4823 ученика. В это же время за счет помощника коменданта военного управления Рагнара Нордстрема 14 молодых восточных карел были отправлены на учебу в Финляндию [5, с. 94]. К концу марта 1942 г. численность учащихся школ увеличилась и достигла 5470 чел., или 63,3 % детей национального населения. Нужно отметить, что до конца 1943 г.

обучение затрагивало лишь детей финских национальностей, хотя, по всей видимости, на местах допускались исключения из этого правила [5. с. 94]. В русских же районах, например в Заонежье, школы в этот период не работали [3. Оп. 1. Д. 3. Л. 30].

Наши источники описывают школьную систему следующим образом. Учеба в сельской школе длилась четыре года, причем, первый год считался подготовительным. Эти школы давали лишь начальное образование. Обучение велось на финском языке, разговоры в школе на русском были наказуемы. Преподавались такие предметы, как: письмо, чтение, арифметика, «Закон божий», пение, физкультура. Часто встречались сообщения о применении физических наказаний [3. Оп. 3. Д. 435. Л. 49].

В № 23 оккупационной газеты «Северное слово» от 13 июня 1942 г. была опубликована статья «Вести из Восточной Карелии», в которой, в частности, давался обзор деятельности школ. Сообщалось о том, что у детей пробуждается интерес к Финляндии, ведется переписка с учениками финских народных школ. Из Финляндии для карельских школьников было прислано много игрушек и одежды. Учеников, кроме всего прочего, приучали к «чистоплотности и вежливости». Приводилась информация о том, что детей карелов обучают чисто финскому правописанию и языку, и им трудно привыкнуть произносить слова и звуки не на карельский, а на финский манер. Сложно сделать окончательный вывод, но, на наш взгляд, такое массовое переучивание в случае успешного завершения эксперимента по созданию Великой Финляндии привело бы к вытеснению карельского языка, а в совокупности с другими мероприятиями – к ассимиляции карелов в финской среде.

В Петрозаводске на начальном этапе работали две народные школы: на шоссе 1 мая – в здании школы № 6 и на Зареке – около домов онегзавода. В школе с. Шокша Шелтозерского района для детей было организовано ежедневное питание [3. Оп. 1. Д. 105. Л. 11-12].

Началась культмассовая работа. По деревням разъезжали кинопередвижки, а в Петрозаводске в здании Каргостеатра был размещен кинотеатр [3. Оп. 1. Д. 3. Л. 10]. Неожиданный для финнов

эффект произвела демонстрация пропагандистского киножурнала в Видлице зимой 1942 г. Были показаны пленные красноармейцы, но они в своих добротных шубах выглядели гораздо лучше, чем легко одетые финны, на что соответственно и прореагировали зрители [2. Оп. 3. Д. 435. Л. 47].

Началась клубная работа. Так, в деревне Житно-Ручей был организован детский драмкружок [3. Оп. 1. Д. 111. Л. 20]. Устраивались широко практикуемые впоследствии поездки в Финляндию. Состоялись поездки учащихся петрозаводских школ в Хельсинки и Турку. После второго путешествия школьники делились впечатлениями в печати и на школьных собраниях [3. Оп. 1. Д. 117. Л. 11 об.].

Был предпринят ряд мер с целью ликвидации символов советского периода и каких-либо напоминаний о нем. В августе 1941 г. отдел просвещения штаба военного управления, который, в частности, занимался вопросом географических названий Восточной Карелии, предложил переименовать Петрозаводск и Кемь соответственно в Aanis Linna («Олонецкая крепость») и Vienanlinna («Беломорская крепость»). Это обосновывалось тем, что Петрозаводск – название русского происхождения, а что касается Кеми, то в Великофинляндском государстве не могло быть двух городов с одинаковыми названиями. Новые наименования предполагалось ввести в употребление сразу после захвата городов. Так и случилось с Петрозаводском, который с 1 октября 1941 г. стал называться Ээнислинна. Планам переименования Кеми не суждено было воплотиться, так как этот город так и не был завоеван [5, с. 103].

Произошли изменения и в названиях улиц. Осенью 1941 г. штаб военного управления послал окружным штабам письмо о рекомендуемых названиях улиц в Восточной Карелии и приказал районным штабам прислать списки предлагаемых переименований. Первый перечень был получен в январе 1942 г. от Медвежьегорского районного штаба, причем многие из предполагаемых названий были связаны с наименованиями военных формирований армейскими командирами. Новые названия улиц утверждались в 1942–1943 гг., а на начальном этапе были сохранены старые названия [5. с. 103–104; 2. Оп. 3. Д. 435. Л. 104 об.]

Началась более широко развернутая впоследствии кампания по замене русских личных имен на финские. Уже осенью 1941 г. Олонецкий окружной штаб потребовал от священников объяснить национальному населению, дававшему при крещении детям русские имена, что такие имена в Великой Финляндии невозможны [З. Оп. 1. Д. 117. Л. 6].

Таким образом, стержнем пропагандистской и культурно-просветительской работы было распространение великодержавных идей, внушение национальному населению убеждений о его тесной связи с Финляндией.

Анализируя работу военного управления на начальном этапе оккупации, можно сделать вывод о том, что основным принципом деятельности администрации в этот период было содействие осуществлению главной цели – созданию Великой Финляндии. Это было особенно актуально именно на этапе становления режима, когда действительно верили в возможность осуществления этой цели. Для этого, с одной стороны, различными средствами завоевывались симпатии национального населения, с другой – велась подготовка выселения русских, являвшихся чужаками в Великой Финляндии. Соответственно к ним и относились. Впоследствии с затягиванием войны положение конкретного и «ненационального» населения начало выравниваться. При этом важно подчеркнуть, что несмотря на всю привлекательность режима для карелов и других представителей коренных национальностей, создание Великой Финляндии не оставляло возможности для сохранения их национального своеобразия.

Во всех сферах деятельности оккупационной администрации получили отражение планы присоединения территории и вхождения национального населения Восточной Карелии в состав Великой Финляндии. В практических действиях это проявилось в изоляции большей части русского населения, в худшем продовольственном обеспечении «некоренных» жителей, в лишении детей инонационального населения права на образование, в общей направленности пропагандистской деятельности. Таким образом, работа органов военного управления на начальном этапе оккупации была направлена на осуществление главной задачи – создание Великой Финляндии.

Список литературы

1. Национальный архив Республики Карелия (НАРК). П.Ф. – 213.
2. НАРК. П.Ф. – 1229.
3. НАРК. П.Ф. – 2730.
4. Laine A., Laine A. Suur- Suomen kanded kasvot. – Helsinki, 1962.
5. Seppala H. Suomi miehittajanna 1941-1944. – Helsinki, 1989.

УДК 94(470.2).084.8

ББК 63.3(235.0)622-9

*Г. Я. Мурадова **

Мобилизация женщин на территории Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны

В данной статье рассматривается проблема мобилизации женщин на территории Северо-Запада. Работа написана на базе материалов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива историко-политической документов Санкт-Петербурга, Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда.

In this article the question of women's mobilization on territory of north-west is considered. The work is written on base of materials from Central State Archives of Saint Petersburg, Central State Archives of Historical Political Documentation of Saint Petersburg, State Memorial museum of defence and siege of Leningrad.

Ключевые слова: мобилизация, женщины, Великая Отечественная война, Северо-Запад, Ленинград, блокада, войска, патриотизм, оборона, героизм.

Key words: Mobilization, women, Great Patriotic War, north-west, Leningrad, siege, force, patriotism, defence, heroism.

«Война – дело мужское». Однако в XX столетии участие женщин в войне, причём не только в качестве медицинского персонала, но и с оружием в руках, становится реальностью. Особенно массовым это явление стало в период Великой Отечественной войны.

* **Мурадова Гульнара Якубовна**, аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина.

Каждый день этой войны уносил все новые жертвы (на советско-германском фронте погибало ежедневно восемь тысяч человек, в течение всей войны ежемесячно на фронт направляли для восполнения потерь около 600 тыс. человек) [11, с. 29, 32]. Требовалось все время изыскивать новые военные и трудовые ресурсы.

Конституция СССР (1936) подтвердила наличие в стране равноправия женщин и вместе с этим наложило на них соответствующие обязанности, не делая скидки на их «исключительность». К тому же государство, партийные, комсомольские и другие организации опирались на патриотический подъем женщин, использовали их добровольные устремления.

В первые дни войны 27 тыс. девушек только из Ленинграда добровольно ушли на фронт [5, с. 186]. В дальнейшем численность женщин-военнослужащих значительно возросла. Так, в январе 1944 г. на Ленинградском фронте только девушек-комсомолок было 28 тысяч [14. Оп. 2. Д. 7. Л. 19]. В народном ополчении было 40 тыс. женщин. Свыше 17 тыс. девушек записались в части МПВО.

Уже первые известия о вероломном вторжении фашистских войск в пределы нашей страны вызвали у женщин безграничное чувство патриотизма. На собраниях и митингах они заявляли о готовности встать на защиту Отечества, отдать Родине все свои силы, а если потребуется и жизнь. Женщины и девушки шли в партийные и комсомольские организации, в военные комиссариаты и там добивались отправки на фронт. В справке военного отдела ГК ВКП (б) от 13 марта 1942 г. говорилось: «С 30 июня 1941 года началась работа по отбору женщин медицинскими сестрами и сандружинницами в части армии народного ополчения, в истребительные батальоны, партизанские отряды и в части Ленфронта. 1941 г. – 31 925 девушек» [14. Оп. 12. Д. 13. Л. 92].

Среди добровольцев, подавших заявление об отправке в действующую армию, до 50 % ходатайств было от женщин [9, с. 120]. В своем заявлении ленинградка Вера Лутина писала, что два ее брата – зенитчик и танкист – сражались на фронте. На одном из боевых самолетов воевал ее муж летчик. «Значит, и мое место на фронте, заявляла она. – Без отрыва от производства я окончила курсы мед-

сестер. Прошу комсомольскую организацию отправить меня в действующую армию» [4. Д. 451. Л. 5]. И подобных заявлений было много. Чтобы передать настроение и атмосферу тех первых военных дней, когда молодые девушки приходили добровольцами в ряды Красного Креста, не лишним будет привести воспоминание одной из девушек: «В восемь часов утра, так и не сказав ничего дома, я поехала в райком Красного Креста. Несмотря на ранний час, в большом дворе стояла длинная очередь. Здесь были и взрослые девушки, и совсем юные – по четырнадцать – пятнадцать, с цветными бантиками в косичках. Стоял невообразимый шум. Когда я заняла свое место в очереди, из двери вышли две опечаленные девочки. Им отказали в приеме из-за возраста. Все взволновались. Одна из девушек сбегала в магазин и принесла целый пакет шпилек. Бантики снимались и прятались, косы укладывались причудливыми коронами. Однако хитрость удалась немногим. Девочки, которым отказали в приеме, плакали, бросали на землю не нужные теперь шпильки и грозили куда-то жаловаться. Меня выручил высокий рост и санитарная подготовка. Сразу назначили командиром отдельной санитарной дружины» [10, с. 9–10].

Но одних добровольцев, призванных на фронт, было, конечно, недостаточно. Центральный Комитет партии возглавил организацию сил для отпора агрессору. Государственный Комитет Обороны сосредоточил в своих руках всю полноту власти в стране, определяя общий характер и направление вооруженной борьбы, военные и политические задачи армии и флота. Его постановления были обязательны для партийных, советских, военных, профсоюзных, комсомольских организаций, всех граждан. Необходимость призыва большого количества женщин была обусловлена тем, что в связи с созданием многомиллионных армий, развитием техники, вооружения, большими потерями на фронте привлечение женщин на военную службу становится велением времени, необходимой потребностью. И вот уже сотни тысяч женщин различных возрастов и специальностей находятся в действующей армии: на машинах зенитных установок, в войсках связи, снайперами, за штурвалом самолета и рычагами управления танком, в матросских бушлатах и с

флажками управления регулировщика в руках, практически не было той военной специальности, в которой женщины не сражалась бы вместе с мужчинами за свое Отечество в 1941–1945 гг. По указанию ЦК ВКП (б) и ГКО ЦК ВЛКСМ провел 73 мобилизации, по которым были направлены в Вооруженные силы выше 550 тысяч девушек [3, с. 54].

Учитывая важность медицинского обслуживания в действующей Армии, под госпитали были переданы здания больниц, школ, клубов, и некоторых других учреждений. Уже в июле 1941 г. в стране началось формирование 1600 эвакуационных госпиталей [3, с. 54].

Кроме того, в различных городах страны женщины через Красный Крест готовились к уходу за ранеными и больными воинами. Тысячи заявлений было подано в организацию Красного Креста.

В начале Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в медицинские учреждения пришло свыше 225 тыс. сандружиниц и активисток Российского Общества Красного Креста [9, с. 148]. Ленинград за первые два года войны дал армии и гражданским медицинским учреждениям 8860 медицинских сестер, 14 638 сандружиниц и 636165 значкистов ГСО [17. Оп. 2. Д. 31. Л. 15].

8 октября 1941 г. Нарком обороны издает приказ о формировании женского авиационного полка ВВС Краснознаменной армии: 588-го ночного бомбардировочного авиаполка, 587-го авиаполка дневных бомбардировщиков и 586-го истребительного авиаполка ПВО. Формирование их было поручено Герою Советского Союза М.М. Расковой, прославленной летчице.

В тяжелейшем 1942 г. особенно интенсивно проводилась мобилизация женщин в армию во все виды Вооруженных сил и роды войск. В марте 1942 г. ЦК ВКП(б) обратился к советским женщинам и девушкам с призывом овладеть военными специальностями. В постановлении говорилось: «ЦК ВКП(б) выражает свою твердую уверенность в том, что женщины Советского Союза мобилизуют все свои творческие силы, всю свою энергию на дальнейшее укрепление военной мощи нашей Родины и вместе со всем советским народом будут бороться за полный разгром немецко-фашистских захватчиков» [7, с. 72].

На базе Центральной школы инструкторов-снайперов при Главном управлении Всеобуча НКО действовали курсы по подготовке женщин-снайперов. Многие женщины постигли искусство снайперской стрельбы прямо на фронте, проходя обучение в частях и соединениях действующей армии. Женщины-снайперы воевали на всех фронтах, уничтожая немало врагов. 3 ноября 1943 г. вышло постановление ГОКО № 2470сс «О формировании женской добровольческой стрелковой бригады», где было указано: «Идя навстречу желаниям женщин с оружием в руках защищать свое отечество, свою социалистическую Родину, Государственный Комитет Обороны постановил сформировать в Московском военном округе женскую добровольческую стрелковую бригаду» [5, с. 208]. Комплектовалась эта бригада «комсомолками и некомсомолками путем тщательного отбора из числа добровольно изъявивших желание служить в действующей армии» [5, с. 208].

25 марта 1942 г. во исполнение постановления Государственного Комитета Обороны СССР вышло Постановление ГОКО-№ 1488сс от 25 марта 1942 г. «О мобилизации девушек-комсомолок в части ПВО». Согласно этому документу необходимо было «заменить в войсках противовоздушной обороны территории страны 100 тыс. красноармейцев женщинами для замещения должностей: телефонистов, радистов, прибористов зенитной артиллерии, разведчиков-наблюдателей за воздухом зенитной артиллерии и постов службы ВНОС, некоторых номеров прожекторных станций, зенитных пулеметов и аэростатов заграждения, а также разных специалистов подразделений обслуживания» [15. Оп. 1. Д. 25. Л. 63]. 100 тыс. девушек-комсомолок в возрасте 19–25 лет, из них 40 % с полным средним образованием и остальные с образованием не ниже 5–7 классов, направлялись в следующие войска: а) в зенитную артиллерию – 45 тыс., б) в зенитно-пулеметные части – 3 тыс., в) в зенитно-прожекторные части – 7 тыс., г) в части аэростатов воздушного заграждения – 5 тыс., д) в части службы ВНОС - 40.000 [15. Оп. 1. Д. 25. Л. 64]. Определялись и сроки мобилизации в зависимости от родов войск: а) в подразделениях обслуживания – немедленно после призыва; б) специалистов в частях зенитной артиллерии – не

позднее чем через полтора месяца после призыва; в) специалистов зенитно-прожекторных частей – через два месяца после призыва; г) специалистов аэростатов заграждения – через полтора месяца после призыва; д) пулеметчиков – через полтора месяца после призыва; е) наблюдателей-телефонистов постов службы ВНОС – через два месяца после призыва [15. Оп. 1. Д. 25. Л. 64]. Необходимо отметить, что, кроме медицины, больше, чем в ПВО, ни в одном из родов войск не служило такое большое количество женщин.

На период обучения в частях ПВО мобилизованных девушек-комсомолок было выделено НКО 100 тыс. полуторамесячных пайков [15: Оп. 1. Д. 26. Л. 14]. В месячный срок было приказано изготовить 90 тыс. комплектов обмундирования для мобилизуемых девушек-комсомолок [16. Оп. 1. Д. 36. Л. 21].

В октябре 1942 г. по решению Государственного Комитета Обороны была проведена вторая мобилизация женщин в войска ПВО. Уже весной 1942 г. свыше 9 тыс. девушек и женщин стали бойцами Ленинградской армии ПВО [17. Оп. 26. Д. 15. Л. 3]. Бойцами сталинградского корпуса ПВО стали более 8 тыс. женщин, в особой московской армии ПВО служило более 20 тыс. женщин-бойцов, командиров, политработников [6, с. 158]. К январю 1943 г. в эти войска пришли 123884 девушки-добровольца [5, с. 201]. К лету же 1943 г. общее количество женщин в войсках противовоздушной обороны составляло 37 % [6. с. 162]. А всего с апреля 1942 по май 1945 г. в войсках ПВО служило 300 тыс. женщин [2. с. 87].

Мобилизация женщин в ПВО позволила не только увеличить численный состав войск противовоздушной обороны, высвободить большое количество мужчин, годных к строевой службе, что имело в те годы первостепенное значение, но и внесла качественные изменения в отношении возраста. Эти меры были приняты в связи с тем, что в боевых частях ПВО к весне 1942 г. имел место значительный некомплект личного состава. Так, например, в созданной 7 апреля 1942 г. Ленинградской армии ПВО некомплект личного состава составлял 13429 чел. [1. с. 55]. В результате принятых мер количество женщин в войсках ПВО страны росло быстрыми темпами. В Ленинградскую армию ПВО по призыву горкома ВЛКСМ только в мае – апреле 1942 г. было направлено 3638 девушек комсомолок [8. с. 113].

В 1942 г. продолжались массовые мобилизации женщин во все рода войск, в том числе и в войска связи. Приказом народного комиссара обороны СССР от 13 апреля 1942 г. № 0276 «О замене в фронтовых, армейских и запасных частях связи и тыловых узлах связи красноармейцев женщинами» на различные фронты для замены красноармейцев было направлено около 6 тыс. женщин. В запасные части и на курсы подготовки специалистов связи зачислено 24 тыс. женщин. В 1941–1945 гг. женщины составляли 12 % личного состава войск связи, а в отдельных подразделениях до 80 % [12, с. 12–13].

Ленинградское училище связи подготовило немало женщин-командиров подразделений связи, большинство которых служило в действующей армии. Обучали женщин-связистов различные училища связи, отдельные запасные полки связи, радиошколы, различные школы радиоспециалистов. Тысячи женщин проходили обучение на пятых курсах КВО, которые начали действовать уже в сентябре 1941 г., а в ноябре 107 курсантам за успешные показатели в учебе была объявлена благодарность [5, с. 206].

Приказом наркома обороны № 0297 «О замене в тыловых частях и учреждениях ВВС КА военнослужащих мужчин женщинами» от 19 апреля 1942 г. 40 тысяч женщин мобилизовались для замены красноармейцев в ВВС [17. Оп. 26. Д. 15. Л. 3]. Женщины назначались специалистами связи, шоферами, на склады, делопроизводителями, писарями, товарами, библиотекарями, бухгалтерами и на другие должности в административно-хозяйственную службу, кроме того, на должности стрелков-вооруженцев.

Мобилизованные девушки, назначаемые на должности красноармейцев, входящие в состав строевого расчета подразделений (артиллеристы, пулеметчики, прожектористы, аэростатчики, связисты, вносовцы, разведчики), обеспечивались всеми видами довольствия наравне с военнослужащими [15. Оп. 1. Д. 25. Л. 64]. А девушки, назначаемые на административно-хозяйственные должности (писари, делопроизводители, кладовщики, повара, фельдшера, санитары, санинструктора, портные) содержались как вольнонаемные [15. Оп. 1. Д. 25. Л. 64].

4 июня 1942 г. вышел приказ народного комиссара обороны СССР № 0459 о замене отдельных должностей в автобронетанковых военно-учебных заведениях и в тыловых учреждениях Красной армии военнотружущих мужчин вольнонаемным составом и женщинами [5, с. 216].

Трудное лето 1942 г. Огромная территория Советской страны захвачена агрессором. Положение с каждым днем все сложнее и сложнее. В целях подготовки политсостава из числа женщин-коммунисток при Окружном военно-политическом училище Ленинградского военного округа приказом народного комиссара обороны СССР от 15 июля 1942 г. № 0555 организуются для женщин двухмесячные курсы с количеством курсантов до 200 человек [5, с. 217].

21 ноября 1942 г. был издан приказ народного комиссара обороны СССР № 0902 о начальной подготовке женщин в комсомольско-молодежных спецподразделениях Всевобуча. Для военной подготовки женщин при Всевобуче были созданы комсомольско-молодежные подразделения, в которых они обучались военным специальностям. В этих группах за годы войны без отрыва от производства военную подготовку прошли выше 222 тысяч женщин, из них 6097 получили специальность минометчиц, 12318 станковых и ручных пулеметчиц, 15290 автоматчиц, 29509 – связисток и 11061 специалистов для подразделений военно-автомобильных дорог [5, с. 219].

Замена женщинами мужчин, годных к строевой службе по многим специальностям проводилось постоянно. Их направляли в различные виды вооруженных сил. Служили женщины и в Военно-морском флоте. 5 мая 1942 г. был издан приказ № 0365 «О мобилизации девушек-комсомолок и некомсомолок-добровольцев в Военно-морской флот». В 1942 г. в ВМФ было уже 25 тыс. женщин различных специальностей: медиков, связистов, монографов, шоферов, писарей и т. д. В связи с увеличением числа женщин в ВМФ 10 мая 1942 г. Главное политическое управление ВМФ опубликовало специальную директиву об организации политической работы с мобилизованными девушками [5, с. 220].

5 октября 1943 г. вышло распоряжение, согласно которому 4,2 тыс. женщины мобилизовывались для работы на артиллерийских базах и складах [13. с. 482]. А 16 мая 1944 г. вышло постановление «О призыве в армию 25 тыс. женщин-добровольцев» [13, с. 512].

Женщины воевали бесстрашно, отчаянно, смело, но все же были не только воинами, но и любящими, любимыми, желавшими иметь семью и детей. Заключались браки, женщины становились матерями. Воин с ребенком на руках – немалая проблема, требовавшая для ее решения принятия ряда нормативных документов. Так, в 1942–1944 гг. вышли постановления Совета народных комиссаров СССР, Указы Президиума Верховного Совета СССР, определявшие порядок выдачи пособий, отпусков по беременности и родам женщинам-военнослужащим, работницам вольнонаемного состава, а также уволенным из Красной армии и ВМФ по беременности; предоставления льгот беременным женщинам [9, с. 168]. Это в определенной мере способствовало сохранению здоровья женщин и восстановлению численности населения страны.

В трудные военные годы, в тяжелейших фронтовых условиях учитывались нужды женщин-воинов: согласно постановлению «Об отпуске продовольственных, госпитальных и фуражных пайков для Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД и ПВО» им отпускалось дополнительно мыло, некурящим вместо табачного довольствия выдавали шоколад или конфеты [15. Оп. 1. Д. 27. Л. 162].

По окончании войны прошла массовая демобилизация солдат и офицеров. Демобилизовывались и женщины-военнослужащие. Они возвращались к нормальной гражданской жизни, к мирному труду, к восстановлению разрушенных городов, хозяйства, получали возможность завести семью. Количество женщин в вооруженных силах резко сократилось. Однако они оставались на военной службе в армии, преподавателями в военных учебных заведениях.

Интересную параллель между Великой Отечественной войной и предыдущими войнами проводит Ю.И. Иванова в своей монографии «Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах»: «Готов-

ность русских женщин встать на защиту родины проявлялась в любые времена. Но тогда, пробивая себе дорогу на фронт, женщины выступали только как добровольцы, действовали от своего лица, только по своей инициативе. В Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. мобилизация сотен тысяч женщин в армию осуществлялась на основании приказов народного комиссара обороны СССР, хотя принцип добровольности сохранялся наряду с мобилизацией» [5, с. 206].

Список литературы

1. Богачев В.П. Во главе защиты социалистического Отечества. – Л., 1985.
2. Вестник противовоздушной обороны. – 1977. – № 2.
3. Во главе защиты советской Родины. Очерк деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны. – М., 1984.
4. Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда (ГММОБЛ) РФ. Оп. 1
5. Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. – М., 2002.
6. Источник победы. – М., 1985.
7. Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне. Июнь 1941–1945 гг. – М., 1970.
8. Мильченко Н.П. Залпы над Невой. – М., 1983.
9. Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. – М., 1974.
10. Левченко И.Н. Повесть о военных годах. – М., 1965.
11. Население России в XX веке. – Т. 2. – М., 1990.
12. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня – 1942 г. – Т. 13. – М., 1997.
13. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 – 1967. – Т. 1-2. – М., 1968.
14. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб) Ф.25.
15. ЦГАИПД СПб., Ф. 644.
16. ЦГАИПД СПб., Ф. 655.
17. Центральный государственный архив С.-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. 4886.

О. А. Вакурова *

Общественно-организаторская работа интеллигенции в условиях перехода предприятий на массовый выпуск оборонной продукции

Отечественная интеллигенция с первых дней Великой Отечественной войны не только встала в ряды воюющего народа, но и выступила мощным социальным ресурсом интенсификации и повышения уровня мобильности функционирования в условиях военного времени советской общественно-политической системы во всех ее важнейших звеньях: государственном, партийно-политическом, социальном. Отметим производственные умения и общественно-организаторский талант советской интеллигенции, ее умение путем проявления хозяйственной инициативы оперативно определить и внедрить рациональные формы организации труда. Благодаря многоплановой организаторской, в том числе и общественно-организаторской работе инженерно-технических работников коллективы эвакуируемых предприятий сумели в кратчайшие сроки демонтировать ценное оборудование и направиться вместе с ним по месту назначения.

The patriotic intelligentsia from the first days of the Great Patriotic war, not only joined to the rows of the belligerent people, but became the powerful social resource of intensification and promotion of level of mobilization of function in the conditions of military time of soviet state-political system in all its most important links: state, Party-political, social. Let us mark the production abilities the social-organizing talent of soviet intelligentsia, its ability by displaying the economic initiative to determine and instill the rational forms of the labour organization. Thanks to diversified organizational and social work of engineering-technical workers, the work collectives of evacuated factories were able in the limited periods to dismantle precious facilities and to go with it to the place of destination.

Ключевые слова: интеллигенция; Великая Отечественная война; промышленные предприятия; народное хозяйство; организации труда; военная и гражданская продукция; социалистические соревнования.

* **Вакурова Ольга Александровна**, кандидат исторических наук, Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова, член-корреспондент Академии военно-исторических наук.

The key words: intelligentsia, the Great Patriotic war, the industrial establishments, the national economy, the labour organization, the military and civil production, the socialistic competitions.

Переход на массовый выпуск оборонной продукции предприятиями в первый период войны происходил в условиях сложнейшей военной и социальной обстановки. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения районы были переведены на чрезвычайный режим управления и организации производства [16. с. 210–211].

В соответствии с постановлением этого высшего законодательного органа страны сотни тысяч военнообязанных призывных возрастов ушли с производственных участков и вступили в ряды действующей армии. Среди них было большое количество высококвалифицированных рабочих с машиностроительных и текстильных предприятий, большой отряд инженерно-технических работников. Этот процесс во многом затруднил оперативную перестройку заводов и комбинатов на массовый выпуск оборонной продукции. И только принятые меры по подготовке трудовых резервов позволили несколько ослабить остроту проблемы.

В условиях начавшейся Великой Отечественной войны ведущие промышленные предприятия Верхнего Поволжья были срочно переведены на мобилизационные условия работы. Так, Костромской завод «Рабочий металлист» уже 24 июня 1941 г. получил приказ наркома общего машиностроения П.И. Паршина об осуществлении такой перестройки. Под руководством инженерно-технических работников конструкторского бюро, отделов главного инженера и главного механика оперативно были изменены технологические схемы работы предприятия. Увеличение производства минометов и других боеприпасов было произведено за счет частичного свертывания производства гражданской продукции и перехода на 11-часовой рабочий день при двухсменном режиме [1, с. 98]. Такая кардинальная перестройка нередко приводила к дисбалансу уже сформировавшихся систем производства оборонной продукции в регионе. Особенно пострадали от стремления все и вся перевести

на выпуск вооружения предприятия текстильной, обувной промышленности, выпускающие рубашечное полотно, обмундирование, кирзовые сапоги и ботинки. Это нарушило сложившиеся связи между предприятиями. За этой перестройкой не всегда успевали пере-квалифицировать рабочих и инженерно-технический состав, полностью обеспечивать сырьем и другими ресурсами.

Дополнительное перенапряжение в работе предприятий Верхнего Поволжья, переходивших на выпуск оборонной продукции, создавало то обстоятельство, что вместе с эвакуированными на их производственные площади заводами и фабриками костромские, ивановские и ярославские предприятия автоматически получали и их плановые задания. Так, механические мастерские г. Костромы, разместив на своей территории оборудование завода № 9 из г. Ржева Калининской области приняли и его план по производству в сентябре 1941 г. тысячи 45-мм осколочных снарядов. В ноябре назначенному на должность главного инженера предприятия доценту механического факультета Костромского текстильного института М.И. Худых пришлось столкнуться с 15-кратным увеличением государственного задания.

Красноречивым свидетельством того, как проходили в Костроме прием, размещение и организация работы этого эвакуированного предприятия, говорит докладная записка, поступившая от руководства завода в Костромской горком ВКП(б). В ней было сказано о том, что первый эшелон с оборудованием прибыл в город 5 сентября 1941 г., последний – 14 сентября. И уже с 18 сентября были выполнены первые операции по выпуску боеприпасов. Благодаря передаче станков и приборов с костромских предприятий, переходу инженерно-технических работников с машиностроительных заводов и текстильных фабрик, проведших большую общественно-организаторскую работу по привлечению на работу и обучению новым технологиям рабочих-станочников, с 24 сентября важный для обеспечения боеприпасами действующей армии завод полностью приступил к работе [10. Оп. 1. Д. 660. Л. 15].

Особую сложность и большие затруднения в работе создавали массированные налеты гитлеровской авиации на крупнейшие ма-

шиностроительные, химические, резинотехнические заводы Верхнего Поволжья, гидроузлы и железнодорожные станции Октябрьской и Северной железных дорог. Наиболее интенсивными они были в дни развернувшихся в сентябре – декабре 1941 г. оборонительных сражений под Москвой. Не проходило ни одного дня и ни одной ночи без объявления воздушной тревоги в городах Рыбинске, Ярославле, Александрове, Коврове и др. 19 ноября 1941 г. начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Франц Гальдер после совещания в ставке Гитлера записал в своем дневнике: «Операция в районе Москвы должна иметь целью полное окружение вражеских дивизий путем согласованных наступательных действий, а не фронтальное оттеснение противника. Конечная цель – выход на рубеж Ярославль – Рыбинск (а возможно, Вологда) – остается прежней, если подвоз снабжения и погода позволят достигнуть этой цели» [9, с. 509–510].

Наиболее ожесточенным бомбардировкам в те дни подверглись крупнейшие военно-промышленные предприятия Верхнего Поволжья: Рыбинский авиамоторный, Ярославские электромеханический, моторный, шинный заводы, Ковровский пулеметный, Заволжский и Кинешемский химические заводы. Только в районе Ярославского резинокомбината было сброшено свыше тысячи фугасных и трех тысяч зажигательных бомб. Для предотвращения окончательного разрушения и уничтожения этих предприятий Совет по эвакуации уже 16 октября принял решение о начале их планомерного перебазирования в восточные районы страны, в том числе в города Киров, Златоуст, Уфу, Омск. Благодаря многоплановой организаторской в том числе и общественно-организаторской работе инженерно-технических работников коллективы эвакуируемых предприятий сумели за 10 и менее суток демонтировать ценное оборудование и направиться вместе с ним по месту назначения. Поэтому очень часто гитлеровские асы бомбили пустые корпуса эвакуированных заводов. Так произошло, в частности, с Рыбинским авиационным заводом. В то время, когда они хвастались, что «уничтожили лучший авиационный завод большевиков», предприятие уже вело монтаж прибывшего оборудования в Башкирии.

Взбешенные этими и другими просчетами гитлеровцы со всей яростью обрушились на паровозные депо и железнодорожные станции. В районе Рыбинска–Ярославля немецкие бомбардировщики разрушили 69 станций, три паровозных депо, 15 с половиной километров железнодорожных путей [19, 141; 27. Оп. 224. Д. 1416. Л. 111].

Несмотря на непосредственную близость фронта, в отдельные периоды она составляла менее 200 км, предприятия Верхнего Поволжья успешно наращивали выпуск вооружения и боеприпасов, осваивали производство их новых образцов. Примером общественно-организаторской работы инженерно-технических кадров в этот период стало творческое содружество двух крупнейших оборонных предприятий региона – Ярославского автозавода и Костромского завода «Рабочий металлист» по выпуску очень востребованных на фронте пистолетов-пулеметов (ППШ). Уже в феврале 1942 г. плановое задание заводам составило 20 тыс. комплектов в месяц. По утвержденному Ярославским комитетом обороны плану производственной кооперации автозаводцы изготовляли для производства необходимые чертежи, обеспечивали изготовление автоматов, высококвалифицированные специалисты-оружейники консультировали, помогали костромичам в изготовлении наиболее сложных узлов и деталей.

Важнейшим проявлением общественно-организаторской работы представителей инженерно-технической интеллигенции Верхнего Поволжья в первый период Великой Отечественной войны стала региональная взаимопомощь и взаимовыручка коллективов крупнейших промышленных предприятий при организации выпуска сложнейших узлов и деталей тех или иных оборонных изделий. Это наглядно видно на примере процесса увеличения выпуска резинотехнических изделий.

Сверхплановые поставки металлических изделий и оборудования с Костромского завода им. Л.Б. Красина Ярославским механическим заводам № 1 и № 2, «Резинотехники» и шинному позволила предприятиям-поставщикам необходимой фронту военной продукции увеличить изготовление шин для автомашин-тягачей, аэроста-

тов наблюдения, воздушных заграждений. Это было обеспечено за счет мобилизации технологических ресурсов, привлечения к перестройке на военный лад заводских производственных активов.

Не последнюю роль в этом деле сыграла общественно-организаторская работа интеллигенции по обеспечению ударного труда больших и малых производственных коллективов, движений стахановцев, ударников и двухсотников. Во многом благодаря профессионально-организаторской и воспитательной работе с рабочими массовых профессий в заводских цехах опытных инженеров и конструкторов, производственный и личный гражданский авторитет которых в Верхневолжье как одном из старых промышленных районов страны традиционно непререкаем, в ходе развернувшегося в первые месяцы войны на предприятиях региона социалистического соревнования удалось преодолеть формализм и «показуху». Этими бюрократическими болезнями богатое социальными ресурсами движение станочников болело с середины 30-х годов и угрожало погубить и разрушить многие социально-производственные инициативы и начинания.

Наверное, вследствие этих обстоятельств в Верхнем Поволжье одним из первых в стране возникло и успешно развивалось движение комсомольско-молодежных производственных бригад. Участниками социалистического соревнования здесь становились как перевыполнявшие при поддержке специалистов среднего командного звена в 2–3 раза нормы выработки молодые рабочие, так и сами молодежные бригады как производственные коллективы. Работая с ними, инженеры, техники, технологи успешно решили много производственно-организационных задач перехода в начале войны на массовый выпуск военной продукции.

В разгар битвы под Москвой, 2 сентября 1941 г., на одном из ведущих прифронтовых оборонных заводов Верхнего Поволжья – Ковровском инструментальном заводе им. Киркиж – провели первый слет молодых рабочих двухсотников. В ходе его подготовки и проведения специалисты производства предприятия и молодые станочники пришли к единому мнению о том, что бригадный метод организации труда является одним из наиболее эффективных в по-

иске и определении скрытых резервов повышения производительности работы в заводских цехах. Выявленные заводчанами социальные ресурсы были высоко оценены партийными и комсомольскими органами Ивановской области, в состав которой тогда входил г. Ковров. Обком ВЛКСМ, призывая рабочих и специалистов других предприятий перенять опыт ковровцев, особое внимание обратил на роль созданных ими фронтовых комсомольско-молодежных бригад и комсомольских сигнальных постов в организации рациональной и эффективной работы на узких участках производства [23, с. 122].

Инициативное движение молодых рабочих, развернувшееся под руководством инженеров-оружейников, подхватили в других отраслях экономики края. Спустя полгода, 30 мая 1942 г., тот же комсомольский орган принял постановление об учреждении переходящего Красного знамени лучшей фронтовой комсомольско-молодежной бригаде текстильного предприятия. Здесь усилиями специалистов производства предприятий, инициаторов движения – Ивановского меланжевого комбината и Ковровской фабрики им. Абельмана – прядильщикам и ткачам помогли за счет лучшей организации труда и выявлении каждой из бригад социальных резервов создать и открыть коллективные счета сверхплановой продукции [3, с. 81].

Направление наиболее опытных и инициативных специалистов производства на решающие участки социального обеспечения процесса наращивания выпуска оборонной продукции не явилось проявлением давления тоталитарного режима на интеллигенцию, как считает сегодня целый ряд отечественных и иностранных историков. Главной причиной расширения сферы социально-организаторской деятельности специалистов народного хозяйства на производстве в годы войны стала их возросшая трудовая активность, которая направилась на решение ключевых вопросов социального функционирования набирающего высокие темпы выпуска военной продукции регионального производства.

Как показала организаторская практика начального периода Великой Отечественной войны, высокоэффективной формой разви-

тия творческой трудовой инициативы и повышения уровня общественно-организаторской работы инженерно-технических кадров на производстве являлось социалистическое соревнование между крупными промышленными предприятиями. В начале мая 1942 г. Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило предложение металлургов, авиастроителей и танкостроителей об организации Всесоюзного социалистического соревнования. 22 мая Президиум ВЦСПС призвал профсоюзные организации принять активное участие в развертывании этого движения [11. Оп. 24. Д. 151. Л. 32]. Одними из первых включились во Всесоюзное социалистическое соревнование труженники Верхней Волги. В начале июня было одобрено обращение коллективов Ивановского меланжевого и Орехово-Зуевского хлопчатобумажного комбинатов, ярославских заводов – шинного и синтетического каучука – об организации соревнования по отраслям промышленности.

Партийные комитеты призвали инженерно-технических работников помочь коммунистам определить действенные формы руководства соревнованием. Ивановский обком партии провел ряд совещаний с руководителями текстильных фабрик, детально разобравших причины отставания на ряде крупных предприятий: низкая производительность труда, неритмичность снабжения сырьем, не всегда достаточная квалификация кадров, недостаточный контроль со стороны руководства [7. Оп. 14. Д. 10. Л. 258-259]. Инженеры и техники единодушно высказывались за развитие движения фронтowych бригад. Наряду с этим подчеркивалось, что улучшение организации труда поможет увеличить ряды «двухсотников» и многостаночников. Усиление организационной помощи командиров производства соревнующимся было признано важнейшим направлением общественно-организаторской работы на производстве. Так, пленум Сталинского райкома партии г. Иваново предложил инженерно-техническим работникам повседневно помогать рабочим в борьбе за повышение производительности труда, установить контроль за выполнением принятых обязательств [5. Оп. 1. Д. 1849. Л. 44].

Показательна работа коллектива Ново-Ивановской мануфактуры. Руководство фабрики по рекомендации специалистов предприятия пересмотрело расстановку кадров на предприятии. На решающие участки производства были направлены молодые энергичные работники. По их предложению фронтовые бригады были укреплены наиболее квалифицированными кадрами ткачей и прядильщиц. Секретарь Ивановского горкома партии Б.А. Борисов писал о работе руководителей этой фабрики, что «инженеры и техники не только сами изыскивали способы повышения производительности труда, но и старались побудить на творческие поиски работниц» [2, с. 165]. Под руководством парторганизаций были упорядочены технологические режимы, налажен ежедневный учет выработки. Опытные работницы Е.М. Михеева, П.П. Пузарева возглавили соревнование. Коллектив фабрики не только приостановил намечавшееся было отставание, но и восстановил свою былую славу, дав сверх плана 100 тыс. метров ткани. За работу в июне предприятие было удостоено второй премии во Всесоюзном социалистическом соревновании [21. 24 июня; 12 июля].

Так же работали и другие специалисты. На Собинской текстильной фабрики «Коммунистический авангард» они добились резкого повышения действенности производственных совещаний в социалистическом соревновании станочников [6. Оп. 1. Д. 73. Л. 26]. В Ярославской области специалисты производства ежемесячно анализировали результаты соревнования, выдвигая перед его участниками первоочередные задачи [20. 24 мая]. Исходя из этих фактов можно сделать вывод о том, что привлечение инженерно-технических работников к развертыванию социалистического соревнования на Верхней Волге рассматривалось в 1941–1942 гг. как действенное средство борьбы за развитие военного производства.

Партийные организации направляли интеллигенцию на оказание помощи соревнованию тружеников села так же, как и к состязанию рабочих коллективов, в деле совершенствования организации труда, в повышении оперативности управления. Еще летом 1941 г. Ярославский обком партии одобрил опыт составления рабочих планов по звеньям агрономами Некоузского района [23. 10 авг.]. Эта

работа организационно окрепла в ходе выполнения постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1941 г. о создании политотделов в МТС и совхозах [14, с. 36]. В Некрасовской и Вятской МТС Ярославской области политработники привлекли сельских специалистов к участию в работе по руководству полеводческими и животноводческими бригадами.

В процессе перехода народного хозяйства на поточный выпуск важнейших видов военной продукции роль Всесоюзного социалистического соревнования значительно возросла как действенной формы повышения социальной активности тружеников тыла. Производственно-технические конференции соревнующихся, проведенные специалистами производства, помогли передовикам производства выявить новые возможности повышения производительности их труда, рационализации производства.

Газета «Правда» от 14 мая 1942 г. в передовой статье «Завоевать Знамя Государственного Комитета Обороны – великая честь», посвященной началу Всесоюзного социалистического соревнования, призвала руководителей производства сделать все, чтобы оно стало массовым и объединило миллионы людей для усиления помощи фронту. Внимание инженеров и техников промышленных предприятий, учреждений, более чем 20 отраслей народного хозяйства было, прежде всего, обращено на совершенствование организации труда. Секретарь Ярославского обкома ВКП(б) А.Н. Ларионов, выступая на собрании городского актива в июле 1942 г., подчеркнул: «Опыт передовых предприятий свидетельствует, что, возглавив социалистическое соревнование, командиры производства стали лучше руководить своими участками» [22. 23 июля].

Спустя год Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов (ВЦСПС) в июне 1943 г. провел совещание представителей ЦК отраслевых профсоюзов, на котором был проанализирован опыт по внедрению поточного метода на производстве. Эффективной формой общественно-организаторской работы интеллигенции на крупнейших текстильных предприятиях Верхнего Поволжья, таких как Ивановский меланжевый, Костромской льнокомбинат, зарекомендовали себя производственно-

технические совещания. На них были обсуждены тысячи рационализаторских предложений, поступивших от производственников. Представлению предложений предшествовали общественные смотры организации труда, беседы с передовиками производства в Красных уголках, выступления рабочих на секциях научно-технических конференций. Итогом этой работы стали 12,3 млн рационализаторских предложений, из которых 9 млн были приняты в производство. Экономия от их внедрения, по данным большинства отраслевых профсоюзов, составила 3,3 млрд руб. [4, с. 591].

Во всем многообразии форм общественно-организаторская работа интеллигенции на производстве наиболее ярко проявилась в организационной, технологической помощи комсомольско-молодежным бригадам. В Верхневолжье широкое распространение получило шефство молодых специалистов над этими мобильными трудовыми коллективами. Ярославский обком партии призвал инженерно-технических работников последовать примеру молодых специалистов механосборочного цеха автозавода, творчески помогающим 12 комсомольско-молодежным бригадам, способствующим оперативному освоению ими новейших технологий военного времени. Сотни молодых специалистов были направлены на ранее отстававшие производственные участки. Общественно-организаторская практика молодых специалистов на производстве побуждала к оперативному обмену опытом работы по руководству комсомольско-молодежными бригадами. Костромской горком партии отметил, что регулярность таких встреч молодых командиров производства на одном из ведущих оборонных предприятий – заводе «Рабочий металлист» способствовала совершенствованию их работы по расстановке молодых станочников на рабочих местах в ходе производственных операций [15, с. 204].

Борьба за внутривзаводское и отраслевое соперничество между комсомольско-молодежными бригадами переросла во Всесоюзное социалистическое соревнование. В конце декабря 1943 г. вопрос о руководстве ими был обсужден в ЦК ВЛКСМ с участием представителей ведущих оборонно-промышленных наркоматов. На нем была подчеркнута необходимость усиления поддержки комсомольско-

молодежных бригад со стороны хозяйственных руководителей [17, с. 14 дек., 28 дек.]. Партийные комитеты Центрального промышленного района мобилизовали инженерно-технических работников на оказание всесторонней помощи участникам социалистического соревнования и всемерное распространение опыта таких передовиков социалистического соревнования, как комсомольско-молодежные бригады Екатерины Барышниковой с Первого Государственного подшипникового завода, Егора Агаркова с Челябинского завода транспортного машиностроения. Специалисты производства промышленных предприятий Верхнего Поволжья своей повседневной практикой по руководству комсомольско-молодежными бригадами оказали им содействие в более рациональной расстановке оборудования и освоении новых производственных приемов работы. С помощью опытных инженеров молодые передовики производства добились сокращения численного состава бригад в среднем с 7,8 до 5,8 чел. [25, с. 40]. А это означало высвобождение рабочих рук для организации новых, современных оборонных производств, увеличение объемов выпускаемой военной и гражданской продукции.

Итоги руководства специалистами производства комсомольско-молодежными бригадами 7 декабря 1943 г. в Москве подвело специальное совещание партийных, инженерно-технических работников, на котором обсуждался вопрос «О задачах хозяйственных, партийных, комсомольских и профсоюзных организаций в связи с новым движением молодежи» [18, с. 675].

На селе важнейшей формой поддержки интеллигенции трудовой инициативы сельских комсомольцев стало шефство сельских специалистов над звеньями и бригадами высокой урожайности. В Подмосковье они помогли организовать таким образом 4400 молодым сельским труженикам [12. 9 янв.]. Интересным был опыт ярославцев. Здесь по примеру агрономов Некоузского района сельские специалисты для звеньев и бригад высокой урожайности стали составлять примерные рабочие планы [23. 10 авг.]. После постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1941 г. о создании политотделов в МТС и совхозах их механики и инженеры нацелили сельских комсомольцев на изыскание внутренних резервов в ремон-

те машин. К весне 1942 г. шесть районов области, в том числе Буйский, Даниловский, Некрасовский, Угличский, на несколько недель раньше отремонтировали все тракторы. Активная общественно-организаторская работа сельской интеллигенции помогла политотделам МТС Ивановской области лучше увидеть социальные, производственно-технические ресурсы совхозов и сельскохозяйственных артелей. За каждой передовой полеводческой бригадой закрепили по 1–2 сельскохозяйственной машины, звеньям высокой урожайности помогли засеять обрабатываемые ими поля лучшими семенами [26, с. 83].

Агрономы главную ставку в работе с сельскохозяйственными артелями сделали на повышение авторитета молодых бригадиров и звеньевых, провели с ними краткосрочные курсы по обучению их новым сельскохозяйственным технологиям, попросили пожилых крестьян поделиться с молодыми бригадирами и звеньевыми своим богатым земледельческим опытом. Итогом работы стало повышение урожайности ржи, льна, картофеля, значительное увеличение поставок этих видов сельскохозяйственной продукции для фронта. Только в 1942 г. труженики села текстильного края направили на фронт 120 тыс. т картофеля, в 1943 г. – на 15 % больше. Аналогичная работа велась в соседней Ярославской области. Ивановцы и ярославцы в 1942–1943 гг. бесперебойно снабжали продовольствием пять ближних к ним фронтов: Калининский, Карельский, Северо-Западный, Ленинградский и Волховский [8. Оп. 1. Д. 3998. Л. 166; 28: 256].

Сельские специалисты, инженерно-технические работники широко использовали в ходе социалистического соревнования такой важный социальный ресурс, как вернувшиеся с фронта инвалиды Великой Отечественной войны. Двух – трех их встреч с рабочей и сельской молодежью было достаточно для того, чтобы пристыдить нерадивых, заставить интенсивней трудиться молодую пытливая мысль. Да и сами раненые фронтовики не раз демонстрировали свою трудовую сноровку, жажду к освоению новых профессий, приобретению производственных навыков.

Идя навстречу их пожеланиям, сельские специалисты Ярославской области обучили на кратких трехмесячных курсах при сельскохозяйственных техникумах более 200 демобилизованных по состоянию здоровья фронтовиков. Опытные агрономы и зоотехники познакомили их с основными чертами и особенностями организации земледелия и животноводства в Верхнем Поволжье. Затем они прошли под руководством специалистов сельского хозяйства двухнедельную практику в передовых хозяйствах Угличского, Костромского и Галичского районов. К концу 1943 г. кадровая ситуация в Верхнем Поволжье сложилась так, что более половины всех председателей колхозов и четвертая часть бригадиров и звеньевых являлись инвалидами войны. Аналогичное положение было и в других тыловых районах. Исходя из этого, становится понятным, почему такое широкое распространение получил в Волго-Вятском Центрально-Черноземном районах и в освобожденных районах Калининской, Орловской, Смоленской областей опыт работы сельских специалистов Ярославской области с инвалидами войны. В целом по Российской Федерации к этому времени к работе на земле приступили 563 тыс. инвалидов войны. Через год их число возросло до 907 тыс. человек [13, с. 615].

Как показал опыт, операционный базис войны определяется социальными ресурсами воюющей страны и источниками их пополнения. Отечественная интеллигенция с первых дней Великой Отечественной войны не только встала в ряды воюющего народа, но и выступила мощным социальным ресурсом интенсификации и повышения уровня мобильности функционирования в условиях военного времени советской общественно-политической системы во всех ее важнейших звеньях: государственном, партийно-политическом, социальном.

Список литературы

1. Анисков В.Т., Хаиров А.Р. История ВПК России в региональном аспекте: от начала первой до окончания Второй мировой войны. На примере Верхневолжья. – Ярославль: Изд-во Яросл. гос. ун-та им. П. Г. Демидова, 1996.
2. Борисов Б. А. Записки секретаря горкома. – М., 1964.

3. В бою и труде. Комсомольцы и молодежь Ивановской области в годы Великой Отечественной войны и послевоенного социалистического строительства (1941–1955 гг.): сб. док-тов и материалов. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд., 1972.
4. Великая Отечественная война 1941–1945: энцикл. – М.: Сов. энцикл., 1985.
5. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Ф. 31.
6. ГАИО – Ф. 277.
7. ГАИО – Ф. 327.
8. ГАИО. – Ф. 1510.
9. Гальдер Ф. Военный дневник. 1941–1942. / пер. с нем. И. Глаголева. – М.: ООО «Изд-во АСТ» – СПб.: Terra Fantastica, 2003.
10. Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). – Ф.2.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5451.
12. Известия. – 1945.
13. История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 6 т. – Т. 4. – М.: Воениздат, 1962.
14. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 8-е. изд.– Т. 6. – М.: Политиздат, 1971.
15. Кострома – фронту. – Ярославль: Верхне.-Волж. кн. изд-во, 1975.
16. Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 4: Вторая мировая война: документы и материалы. – 2-е изд. / отв. ред. М. В. Мягков. – М.: Наука, 2005.
17. Московский большевик. – 1943.
18. Очерки Московской организации КПСС. – Кн. 2 . – М.: Моск. Рабочий, 1985.
19. Патоличев Н. С. Испытание на зрелость. – М.: Мысль, 1997.
20. Правда. – 1943.
21. Рабочий край. – 1942.
22. Северный рабочий. – 1942.
23. Социалистическое земледелие. – 1941.
24. Трудящиеся Ивановской и Владимирской областей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: сб. док-тов. – Иваново: Обл. кн. изд-во, 1959.
25. Ученые записки Ивановского педагогического института им. Д.А. Фурманова. – Т. 83. – Иваново: Изд-во Ивановского пед. ин-та, 1970.
26. Ученые записки Ивановского педагогического института им. Д.А. Фурманова. – Т. 113. – Иваново: Изд-во Ивановского гос. пед. ин-та, 1972.
27. ЦДНИЯО – Ф. 272.
28. Ярославцы в годы Великой Отечественной войны. – Ярославль: Ярославское обл. кн. изд-во, 1960.

*М. Н. Шишкина **

**Формирование ключевых компетентностей
в ходе изучения темы «Деятельность ученых
в блокадном Ленинграде»**

В статье приводятся примеры некоторых разработок ученых блокадного Ленинграда, сделанных ими в первые месяцы войны. Говорится о возможности и целесообразности рассмотрения темы «Великая Отечественная война» на занятиях по физике как со школьниками, так и со студентами в вузах различного профиля с целью формирования гражданско-правовой компетентности и компетентности в сфере самостоятельной познавательной деятельности.

In article examples of some workings out of scientists of blockade Leningrad, made them in the first months of war are resulted. It is told about possibility and expediency of consideration of a theme "Great Patriotic War" on employment on the physicist, both with schoolboys, and with students in high schools of a various profile, for the purpose of formation of civil-law competence and competence of sphere of independent informative activity.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада, физика, ученые Ленинграда, компетентность.

The key words Great Patriotic War, blockade, physics, scientists of Leningrad, competence.

Современная социокультурная ситуация поставила перед системой образования задачи формирования универсальных знаний, умений, навыков, а также опыта самостоятельной деятельности и личной ответственности обучающихся. При этом основным результатом образовательной деятельности становится комплекс компетентностей в таких областях, как интеллектуальная, гражданская, правовая, коммуникационная, информационная и др.

* **Шишкина Марина Николаевна**, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры физики, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ».

Компетентность, на сегодняшний день являющаяся одной из целей как школьного, так и вузовского образования, представляет собой интегральную характеристику личности, которая определяет ее способность решать проблемы, возникающие в реальных жизненных ситуациях на основе полученных знаний.

По нашему мнению, для современного образования особенно актуальными являются компетентность в сфере самостоятельной познавательной деятельности и в сфере гражданско-общественной деятельности.

Первая из них основана на усвоении способов приобретения знаний из различных источников информации и развитии умений учащихся самостоятельности, самоорганизованности. Вторая предполагает формирование высокого уровня правовой культуры и принятие основополагающих правовых норм.

Компетентность в сфере самостоятельной познавательной деятельности будет формироваться более успешно, когда образовательный процесс уже не станет только процессом запоминания и воспроизведения сообщенных учащимся фактов, а за счет включения их в различную самостоятельную работу, превратится в процесс активного овладения различными знаниями.

Компетентность в сфере гражданско-общественной деятельности можно формировать посредством включения исторического материала в преподавание дисциплин естественно-научного цикла на всех уровнях обучения. Например, исторический подход в преподавании физики состоит в том, что факты из биографии ученых, ознакомление с их научной деятельностью, интересами, убеждениями позволяют раскрыть перед учащимися процесс формирования научных понятий и теорий.

Использование исторического материала на занятиях по любой учебной дисциплине, в том числе естественно-научной, является средством, позволяющим преподавателю решать основные задачи обучения:

- глубокое и осознанное усвоение основных явлений, законов и понятий;
- формирование научного мировоззрения учащихся;

- стимулирование появления интереса к данной учебной дисциплине;
- воспитание личности с активной жизненной позицией.

Познание окружающего нас мира исторично. Невозможно глубоко усвоить учебную дисциплину, например, физику – одну из фундаментальных наук о природе – без проникновения в историю ее развития. Выдающийся физик А. Эйнштейн писал: «Содержание науки можно постигать и анализировать, не вдаваясь в рассмотрение индивидуального развития ее создателей. Но при таком односторонне объективном изложении отдельные шаги будут казаться случайными удачами. Понимание того, как стали возможными эти шаги, достигается, лишь если проследить за умственным развитием индивидуумов, содействовавших выявлению этих шагов» [9, с. 81].

Примеры из истории науки позволяют формировать у учащихся некоторые элементы научного мышления, раскрывать общие принципы и закономерности научного познания. По нашему мнению, большее внимание на занятиях по физике как со школьниками, так и со студентами необходимо уделять рассмотрению науки XX в. в неразрывной связи с характеристикой данной исторической эпохи. Одним из судьбоносных событий этого времени является Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков и, на наш взгляд, ее рассмотрению необходимо уделять особое внимание не только на занятиях по истории.

Интересным нам видится рассмотрение вопроса о вкладе ученых в дело приближения победы советского народа над фашизмом. Для молодого поколения нашей страны – нынешних школьников и студентов – это событие – далекая история. Им, живущим при другом общественном строе, в мире, где господствует современная техника, вошедшая во все сферы человеческой деятельности, трудно да и, наверное, практически невозможно представить, какими были для нашего народа годы этой великой битвы. Современной молодежи да и нам, родившимся в послевоенное время, трудно в полной мере осознать, какой ценой была завоевана великая победа над врагом.

Остановимся более подробно на рассмотрении героического подвига ученых и жителей Ленинграда в годы блокады.

Оборона Ленинграда в годы Великой Отечественной войны относится к одной из самых главных страниц его истории. В ней, как в зеркале, наиболее четко отразились высокие, беспримерные моральные качества личности горожан.

Бессмертный подвиг ленинградцев в годы войны всегда будет вызывать гордость и восхищение. На протяжении девятиста дней город находился в кольце вражеской блокады. Огромные трудности и лишения при этом переживали его жители, но их воля не была сломлена, они мужественно боролись с врагом и отстояли родной город от фашистского вторжения.

К началу войны Ленинград был одним из ведущих научных и культурных центров нашей страны. Вся масса ленинградских ученых с величайшей готовностью включилась в борьбу с фашизмом. Наиболее весомый, главный вклад в оборону Ленинграда ученые внесли своими знаниями. Восьмидесятилетний академик М.А. Павлов в те дни писал о том, что все ученые горят желанием встать в ряды активных работников военной промышленности, полностью и до конца отдать свои знания и опыт для того, чтобы фашистская язва была уничтожена.

Основное внимание научных учреждений в годы Великой Отечественной войны было уделено трем главным направлениям:

- решению проблем, имеющих оборонное значение, поиску и конструированию средств вооружения;
- научно-технической поддержке промышленности для улучшения и освоения новых производств;
- мобилизации сырьевых ресурсов, замене дефицитных материалов имеющимся сырьем.

Исходя из требований времени, были пересмотрены темы исследовательских работ многих ученых и научно-исследовательских институтов. Теперь научная работа проводилась в тесной связи с производством, а ее результаты стали немедленно находить свое воплощение в создании новых видов оружия, боеприпасов, лекарственных препаратов и других средств защиты, необходимых жителям

блокадного города и всем военным служащим. Умение выдающихся ученых в кратчайший срок перейти к оборонно-практическим работам академик С.И. Вавилов расценивал как «характерную черту советской науки и советских ученых, всегда опирающихся на теорию и никогда нерывающихся с практикой»[1, с. 50].

Именно в это время разрешение проблем, связанных с обороной страны и города, приобрело комплексный, коллективный характер. Например, изучение отравляющих веществ проводили химики, физики, гидробиологи, физиологи. Задача борьбы с газовой гангреной решалась совместными усилиями физиков, биохимиков, микробиологов и гистологов.

Осуществление ленинградскими учеными в годы войны ряда крупных научно-исследовательских работ, которые имели как важное теоретическое, так и оборонно-практическое значение, оказалось возможным благодаря тесному творческому сотрудничеству множества ученых Ленинграда. Только в результате совместных усилий сплоченного коллектива научных работников можно было решать те же задачи, которые поставила перед ними война и оборона города.

Академик А.Ф. Иоффе, являясь одним из организаторов исследований в оборонной области, в ноябре 1942 г. отмечал: «С первых же дней Отечественной войны ленинградские ученые отдали себя целиком служению обороне. Сотни изобретенных новых боевых средств посыпались из лабораторий и заводов. Сразу же при содействии партийных организаций установилось тесное содружество между научными институтами и предприятиями. Удачные идеи поэтому быстро осуществлялись. Нигде и никогда я не видел таких стремительных темпов перехода научной идеи в практику, как в Ленинграде в месяцы войны»[2, с. 2].

Для иллюстрации сказанного, приведем лишь некоторые примеры работы ленинградских ученых во время Великой Отечественной войны.

Во все времена военные большое значение придавали маскировке. С первых дней войны на улицах Ленинграда трудились тысячи людей, маскировавших важнейшие военные, промышленные,

коммунальные и культурные объекты. Руководство маскировкой было возложено на главного архитектора города Н.В. Баранова [3]. Как было отмечено ранее, совместные усилия ученых, специализирующихся в разных областях знания, позволили добиться в этом деле наилучшего результата.

Большую работу в осуществлении маскировки объектов города провели ученые Ленинградского государственного оптического института, Ботанического института им. В. Л. Комарова, ленинградского отделения АН СССР, Ленинградского физико-технического института и других научных учреждений города.

Так, в Ботаническом институте интенсивно разрабатывали способы маскировки военных объектов живыми и специально окрашенными растениями: ветви деревьев обрабатывались специальным составом и передавались воинским частям в качестве маскировочного материала [4].

Для маскировки различных объектов города, в которой принимали активное участие ученые и инженеры Физико-технического института, недостаточно было нашить на маскировочные сети куски зеленой материи, очертаниями напоминающие деревья. Необходимо было найти такую окраску, которую не мог бы отличить от зелени деревьев ни человеческий глаз, ни оптический прибор даже при спектральном анализе. Найти подходящий состав оказалось очень не просто.

Большую помощь в этой работе оказала группа ученых Государственного оптического института под руководством Е.К. Пуцейко [6]. Эта группа занималась контролем оптического качества маскировочных материалов и покрытий для летних, осенних и зимних условий с целью исключения возможности демаскировки противником особо важных объектов в черте города.

Качество маскировочных материалов при этом определялось сравнением спектральных коэффициентов отражения различных поверхностей и фона, на котором объект должен быть замаскирован. Ученые группы контроля измеряли коэффициент отражения в различных областях спектра: видимой, ультрафиолетовой и инфракрасной.

У ленинградских предприятий, которые в это время занимались выпуском маскировочных покрытий, появилась возможность на основании исследований, проводимых учеными ГОИ, судить о его качестве. В результате многочисленных измерений было выяснено, что первые образцы маскировочных материалов под естественную зелень оказались непригодными, и лишь только после упорных поисковых работ предприятий под контролем ученых ГОИ удалось получить такие красители под естественную зелень, которые не дешифровались ни путем фотографирования, ни при визуальном наблюдении даже через специальные очки.

В дальнейшем работа ученых была продолжена и были найдены красители, соответствующие покрытиям с различными оттенками для маскировки в осеннее и зимнее время. Работа ученых ГОИ показала, что оптический контроль любых видов маскировочных материалов и покрытий был совершенно необходим для исключения грубых ошибок при маскировке.

После успешно проведенной учеными маскировки над всем районом Смольного, например, были раскинута маскировочные сетки, и весь этот большой городской квартал с воздуха казался группой садов и скверов. Благодаря окраске стен резко противоположными красками искусно изменялись внешний вид и контуры многих зданий, в которых находились стратегические объекты города. Эти здания становились не только невидимыми с воздуха, но и малозаметными для человека, находящегося рядом с ними.

В первые дни войны лаборатория Государственного института прикладной химии под руководством А.И. Заславского работала над военным заказом под условным названием «средства огнезащиты». В числе ученых, занимавшихся этим вопросом, был И.Э. Эттингер [10, с. 34–36]. Работникам лаборатории было поручено изучить науку о пожарах и разработать технологию их предупреждения. Ученым удалось установить температуру воспламенения дерева, выяснить, что скорость распространения пламени по дереву зависит от его направления.

Главная задача, успешно решенная работниками лаборатории, состояла в получении специального состава, которым можно обра-

ботать деревянные поверхности, чтобы повысить их пожароустойчивость. Трудность заключалась еще и в том, что необходимое для этих целей сырье должно было находиться в осажденном Ленинграде. Ученые предложили использовать для этих целей фосфаты, большой запас которых сохранился к началу войны на Невском химическом комбинате.

Работникам лаборатории предстояло преобразовать суперфосфат в вещество, удобное для пропитки древесины. После многочисленных экспериментов химиками был приготовлен раствор суперфосфата в воде, который после трехкратной обработки древесины позволял защищать ее от мгновенного возгорания.

29 июля 1941 г. после успешных испытаний огнестойкого состава Ленсовет принял решение об огнезащите города. Большое количество жителей Ленинграда поднялись в эти дни на чердаки домов и самоотверженно покрывали огнезащитным составом стропила и перекрытия. О высочайшей организованности горожан в это время говорит тот факт, что за месяц огнезащитным составом было обработано 90 % чердачных перекрытий и деревянных строений. Кроме жилых помещений и промышленных зданий, особой заботой были окружены исторические памятники и культурные сокровищницы, например, Эрмитаж, Русский музей, Пушкинский дом, Публичная библиотека. Все это ленинградцы успели сделать до того, когда на город упали первые вражеские бомбы.

Еще одной из важных задач, которая успешно решалась научными работниками и горожанами, была задача изыскания новых заменителей материалов для промышленности. Показательными в этом отношении стали неутомимые поиски учеными новых изоляционных материалов для высококачественных кабелей, применявшихся при создании мощных радиоустановок.

Уже в начале блокады на Ленинградском фронте имелись радиолокационные установки, первая из которых была разработана еще в 1934 г. в Ленинградском физико-техническом институте Д.А. Рожанским. В самом начале войны они были еще не очень совершенны, но только одни радары могли «увидеть» самолеты, летевшие бомбить Ленинград [7].

Для радиолокации потребовались специальные высококачественные кабели. Образцы коаксиального кабеля раздобыли на трофейной подводной лодке. Его изоляция была сделана из стирофлекса, который в Советском Союзе тогда не изготавливали. Научные сотрудники Физико-технического института П.П. Кобеко и Н. М. Рейнов изобрели новый теплостойкий материал с высокими электрическими характеристиками – эскапон, выпуск которого наладили в институте уже в августе 1941 г. [8]. Изготовленный из нового вида изоляции высококачественный кабель был в несколько раз дешевле иностранных и не уступал им по характеристикам и качеству.

Для получения эскапона ученые изготовили специальные пресс-формы. «Гоним эскапон, сколько успеваем», – сообщал П.П. Кобеко в письме за линию фронта [11, с. 92]. Лаборатории института давали промышленности города по 200–250 кг эскапона в сутки. Произведенная замена изоляционного кабеля позволила наладить безотказную работу автоматическим наводящим установкам в зенитках. Новый изоляционный материал был принят на вооружение Военно-морским флотом, применялся в авиации и танковой промышленности.

Серийный выпуск кабеля на эскапоне был поручен заводу «Севкабель», директором которого был Д.В. Быков. Вместе с работниками технического отдела завода ученые физтеха наладили массовое производство эскапоновых изоляторов, конструировали различные приспособления.

Сведения о том, что в блокадном Ленинграде изготовили высококачественный кабель на отечественной изоляции, быстро дошли до оборонных предприятий на Большой земле. Оттуда стали поступать просьбы изготовить эскапоновые детали. Радиолокационные установки, например, требовались и на фронте, и в тылу, а без высококачественного кабеля они не работали. Эскапон на самолетах отправляли из Ленинграда на Большую землю, а затем там было налажено его производство.

По заданию командования фронта научные работники Химико-технологического института, Института прикладной химии, Сланцевского института и Института пластмасс под руководством акаде-

мика А.А. Байкова разработали способы борьбы с воспламенением самолетов от зажигательно-разрывных пуль. Были предложены и испытаны новая конструкция бензобаков самолетов, огнестойкая ткань для покрытия самолета и способ предохранения от воспламенения бензина в бензобаках [5: Л. 12].

Начиная с первых дней войны, активизировали свою работу лаборатории научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений, специальных школ. Одна из задач, которая была поставлена и успешно решена работниками НИИ Ленинграда, это рецепт зажигательной жидкости и снаряжение ею бутылок. В течение нескольких дней ленинградцами было предложено несколько десятков образцов бутылок с зажигательной смесью. На вооружение были приняты образцы, изготовленные в Ленинградском институте прикладной химии и в Сланцевском институте [5. Л. 4–5].

Бригадой сотрудников кафедры общей химии Ленинградского текстильного института был разработан запал для этих бутылок, который обладал высокой надежностью и был прост в изготовлении. После испытаний запал был принят на вооружение, и его стали производить в лабораториях самого Текстильного института, Ленинградского университета им. А. А. Жданова, Педагогического института им. А.И. Герцена, Института связи и в других институтах. С 10 июля в этих институтах было организовано также массовое производство и бутылок с зажигательной смесью [3].

Нами рассмотрены лишь некоторые разработки ученых блокадного Ленинграда, выполненные ими в первые месяцы войны. Неоценимый вклад внесли ученые ленинградского филиала Физико-технического института при вводе в строй и эксплуатации Дороги жизни; при работе по размагничиванию кораблей всего Военно-морского флота.

Полностью разделяем точку зрения С.И. Вавилова, который говорил, что «советская наука не должна забыть тех ленинградских ученых, которые более двух лет под бомбами самолетов, в условиях голода, холода и невиданных лишений продолжали свою научную работу, читали лекции, писали книги. Последние силы они

отдавали на помощь бойцам, оборонявшим родной город» [6, с. 69]. Поэтому, считаем несомненно актуальным и важным обращение к рассмотренному материалу на занятиях как со школьниками, так и со студентами высших учебных заведений различного профиля.

Список литературы

1. Вавилов С.И. Новаторы советской физики // Вестн. Академии наук СССР. – 1942. – №4. – С.50.
2. Иоффе А.Ф. Ленинградские ученые в Отечественной войне // Лен. правда. – 1942. – 12 нояб.
3. Карасев А.В. Ленинградцы в годы блокады (1941–1943 гг.). – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.
4. Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. – М.: Наука, 1983. – 384 с.
5. ЛПА – Архив Ленинградского института прикладной химии. Ф. 25. Оп. 13а. Д. 24.
6. 50 лет Государственного Оптического института им. С. И. Вавилова: сб. ст. – Л.: Машиностроение, 1968.
7. Рейнов Н.М. Физики – учителя и друзья. – Л.: Лениздат, 1975.
8. Соболев Г.Л. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны – М.; Л.: Наука, 1966.
9. Эйнштейн А. Физика и реальность. – М.: Наука, 1965.
10. Эттингер И. Л. Город не горит... // Химия и жизнь. – 1984. – №1. – С. 34–36.
11. Юркевич Г. Ф. На земле мстиславщины возвращенный: Очерк жизни и научной деятельности П. П. Кобеко. – Минск: Навіка і Тэхніка, 1991.

УДК 94(47).053
ББК 63.3(2)511-68

В. Н. Бенда *

Предпосылки к основанию русского инженерного корпуса

В статье идет речь о проблемах инженерного характера, возникших в Российском государстве на втором этапе Северной войны, а также о последовательности и путях их разрешения, которые определялись ходом Северной войны.

Показаны трудности, с которыми пришлось столкнуться правительству Петра I в ходе закрепления России на землях побережья Балтийского моря и разрешения проблем с путями сообщения в государстве и в первую очередь водными. Характеризуются мероприятия Петра Великого и государственных органов в инженерной сфере в преддверии создания военно-специального учебного заведения по подготовке национальных инженерных кадров.

In clause there is a speech about problems of the engineering character, arisen in the Russian state at the second stage of Northern war, and also about sequence and ways of their sanction which were defined by a course of Northern war.

Difficulties with which it was necessary to collide Peter's I to government during fastening Russia on the grounds of coast of Baltic sea and to resolution of problems with means of communication in the state and first of all water are shown. Peter Velikogo's organizing activity and the state bodies on an engineering field of action before creation of a military-special educational institution on preparation of the national engineering staff is characterized.

Ключевые слова: Петр I, Северная война, инженерные проблемы, строительство портов, инженерных укреплений и крепостей, система водных каналов и шлюзов.

Keywords: Peter I, Northern war, engineering problems, construction of ports, engineering strengthenings and fortresses, system of water channels and sluices.

* **Бенда Владимир Николаевич**, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника отдела военно-гуманитарной подготовки учебного военного центра при Санкт-Петербургском государственном университете аэрокосмического приборостроения.

К началу второго десятилетия XVIII в., несмотря на то, что война России со Швецией вступила в свою решающую стадию, военно-политическая обстановка сложилась таким образом, что Россия в связи с явной угрозой турецкого вторжения на Украину вынуждена была сконцентрировать основные силы на юге страны. Наряду с этим постоянная угроза нападения шведов определила и другие важные задачи военного строительства, одной из которых было создание надежных инженерных укреплений как в Санкт-Петербурге, так и на его ближних и дальних подступах. Необходимо было также осуществлять обширный комплекс инженерных мероприятий для закрепления на землях, возвращенных России в Прибалтике. Все это должно было окончательно решить задачу выхода России к Балтийскому морю. В этой связи на первое место выдвигались мероприятия по строительству военного и торгового флота и созданию для него хороших баз. Основание Санкт-Петербурга и его морского форпоста – Кронштадта, строительство флота и инженерных укреплений поставили перед правительством Петра I ряд сложных инженерных проблем, последовательность решения которых определялась ходом Северной войны.

В начале XVIII в. традиционное представление и практика возведения крепостей и защитных сооружений вокруг городов в Западной Европе и России предусматривали создание вокруг города единой системы укреплений, состоящей из стен, башен, рвов и других сооружений, опоясывающих город. Такой системе защиты городов был присущ серьезный недостаток – разрушение противником этого кольца в одном месте приводило к тому, что враг оказывался внутри укреплений и овладевал ими и городом. Примененная же тактика защиты города и строительство системы укреплений Петербурга для того времени была новой и опрокидывала традиционное представление и практику возведения крепостей, существовавшую в тот период [8, с. 85–86].

Петром I было принято решение о создании вокруг Петербурга трех крепостей, одна из которых стояла на пути противника, угрожавшего Петербургу с моря. Это способствовало рассредоточению сил противника и вынуждало его отказываться от обычного проры-

ва, а следовательно, делало оборону устойчивой. С 1706 г. началось сооружение каменных бастионов и стен вокруг Петропавловской крепости, первоначально представлявшей собой земляную крепость. В 1707–1708 гг. на противоположной стороне Кронверского пролива, отделяющего Заячий остров, на котором находится крепость, от остальной территории Петроградской стороны, было построено дополнительное укрепление – Кронверк. Одновременно производились работы по укреплению Адмиралтейства. Обнесенное земляным валом с бастионами, палисадом, подъемными воротами и рогатками Адмиралтейство превратилось во вторую крепость Петербурга. На острове Котлин вместо временных началось сооружение постоянных укреплений. Построенные сооружения сделали город непреступным для врагов. В фортификации и военно-инженерном деле это был большой шаг вперед.

Второй базой для флота после Петербурга стал Кронштадт, где под защитой фортов, вооруженных мощной артиллерией, с 1713 г. началось строительство военной и купеческой гаваней. Это строительство велось путем сооружения деревянных молов, простиравшихся на 130 сажен, и путем постройки деревянных срубов, которые заполняли камнем, щебнем, землею и затем опускали в воду. Как видно из донесения А.Д. Меншикова, уже в 1716 г. было срублено деревянного молу «...в длину на 120 сажен, в вышину от воды на 9 футов» [6, с. 438]. Одновременно для усиления обороны рейда производились работы по увеличению протяжения Кронштадтского форта, сооружались Ивановская батарея на 10 24-х фунтовых пушек. Поскольку для устранения различных повреждений и текущего ремонта действующих больших кораблей «...других способов кроме валяния (с вытаскиванием на сушу хотя и с повреждением – В.Б.) не было» [10. Оп. 1. Д. 278. Л. 159], Петр I решил построить на острове Котлин специальные доки с бассейном, куда для производства ремонта могли бы одновременно заходить до 10–11 больших кораблей через каменный канал, соединяющий доки с гаванью воротами и сложной системой шлюзов. Строительство такого канала началось уже летом 1718 г. [12. Оп. 1. Д. 1. Л. 61]. Строительство каменного канала имени Петра Великого в Кронштадте было закончено в июле

1752 г., когда «...через отверстие шлюзных ворот в док одного канала 10 кораблей уже введено было» [12. Оп. 1. Д. 269. Л. 346]. Это сложное гидротехническое сооружение является выдающимся памятником русской инженерной мысли первой половины XVIII в.

Однако, осуществляя строительство военного и торгового порта на острове Котлин, Петр I отчетливо понимал, что у этого порта присутствовали и некоторые очень существенные недостатки, главным из которых было то, что Кронштадский рейд очень рано покрывался льдом и поздно вскрывался. Вода в рейде была слишком пресной, что было вредно для деревянных судов. Промеры глубины и другие исследования показали, что быстрое течение Невы несет с собой много ила, песка, засоряет рейд и делает его год от года мельче.

Когда в 1710 г. русские войска и моряки Балтийского флота комбинированным ударом с суши и с моря овладели важным приморским пунктом – Ревелем, Петр I сразу же решил использовать его в качестве базы и порта для военного флота и торговых кораблей. Но оказалось, что и у Ревельской гавани присутствовали значительные недостатки. Она была слишком узкой и на большом пространстве совершенно открытой для северных ветров. Сам Ревель был слабо укреплен с суши, а еще слабее с моря, в связи с чем, по выражению Петра I, «...за фортецию почестья не может». Тем не менее Петр решил приступить к сооружению в Ревеле военной и купеческой гаваней, а для их защиты – цитадели в центре гавани и выдвинутых в море отдельных мортирных батарей. После подготовки необходимых материалов 2 февраля 1714 г. произошла торжественная закладка новых сооружений Ревельской гавани, строительство которых особенно интенсивно осуществлялось в первой половине 1716 г., когда общее руководство работами возглавили А.Д. Меншиков и адмирал Ф.М. Апраксин [1. Оп. 1. Д. 165. Л. 52].

Вместе с тем строительство в Ревеле обширной и удобной гавани и форта для ее защиты сопровождалось рядом трудностей, связанных как со свойством грунта в прибрежных водах, так и с серьезным воздействием северных ветров, часто разрушавших воз-

веденные или находившиеся в работе сооружения. Особенно катастрофичными были последствия от бури, разразившейся над Ревелем осенью 1716 г., во время которой были разбиты корабли «Фортуна» и «Антоний», а многие другие корабли получили повреждения, гавань же практически полностью была разрушена. В результате работу по сооружению гавани пришлось начинать заново [5, с. 176]. Направленный в Ревель для руководства работами по исправлению повреждений Ф.М. Апраксин сообщал 5 апреля 1717 г., что «...зачато новой гавани на 85 сажен французских сделано» [6, с. 457].

Руководивший в 1718 г. Ревельскими работами командир артиллерийского полка генерал-майор Гинтер доносил Меншикову: «...ныне уже вся новая гаванная работа на берегу срублена и вина в том нынешняя непостоянная погода, что невозможно было в воду опустить» [6, с. 458].

Огорченный тяжелыми последствиями бури 1716 г., неудовлетворенный местоположением и возможностями Ревельской гавани, техническими трудностями по ее расширению и оборудованию, Петр I продолжал поиски нового места на побережье, где можно было бы соорудить для Балтийского флота обширную, защищенную от ветров гавань, из которой в любое время года могли бы выходить корабли. Он лично осмотрел все южное побережье Финского залива и остановил свое внимание на Рогервитском заливе, расположенном между мысом Пакерорт и двумя лежащими на одной параллели островами: Большим и Малым Роге на расстоянии 48 верст от Ревеля и 407 верст от Санкт-Петербурга. Длина залива от линии, соединяющей мыс Пакерорт с северным мысом острова М. Роге к югу до материка, около 12 верст. Ширина между островом М. Роге и мысом Пакерорт в начале и в конце – 4,5 версты, а в середине, в самом узком месте – 1200 сажен [5, с. 175].

Осмотрев и исследовав залив, Петр I поручил инженер-полковнику Ивану Люберасу произвести тщательные исследовательские работы, составить подробный чертеж залива, проект будущей гавани и ее фортификационных сооружений. Эти исследования проводились в течение нескольких лет. В июне

1721 г. Петр приказал капитан-поручику флота Гансу «...ехать в Ревель и оттоль в Рогервик на почте, купно с полковником Люберасом и вымерять с прилежанием весь гаван, от пункта Нордного острова до 4-х саженой глубины, а особенно зюйдный конец острова, где быть Гавану. Глубину чаще ставить, например на каждые 14 или 10 сажен и всю ту глубину ставить на текень (т. е. чертеж – Б.В.) Люберасов, для того, что он сей берег по асролябии брал. И чтоб как возможно больше чертеж был, дабы возможно на оном гавань и фортификацию поставить. И кои сие исполните немедленно сюда приезжайте оба» [6. с. 465].

В результате исследования выяснилось, что с моря на расстоянии около 7 верст глубина в заливе достаточная для кораблей, в южной его части на пространстве 370 сажен – от 16 до 24 футов. Пролив между островами Б. и М. Роге, равно как и другой пролив между островами и материком шириною 2,5 версты доступны только для мелких судов. Грунт в заливе мягкий или с песком, но к якорной стоянке надежный, что подтвердили и местные моряки. Очень важным обстоятельством, говорящим в пользу строительства здесь порта, было то, что залив замерзал редко в самые сильные морозы, причем только у берегов и в его вершине.

В результате проведенных исследований Петр принял решение о сооружении в Рогервике гаваней для военных кораблей и купеческих судов, а на острове М. Роге – адмиралтейства, верфи и города. Для защиты сооружений порта от ярости северных ветров предполагалось построить каменный мол от середины острова М. Роге к востоку до материка. Все эти сооружения предполагалось по проекту инженер-полковника Любераса, одобренному Петром, прикрыть мощными фортификационными укреплениями [5. с. 177; 6, с. 462].

В 1718 г. в торжественной обстановке Петр I бросил первый камень в основание нового порта. В последующие годы шло заготовление строительных материалов, а с 1721 г. развернулось строительство вспомогательных сооружений. В 1722 г. на острове М. Роге были построены: деревянный дворец для приезда Петра на четыре комнаты; деревянная церковь; 68 казарм для солдат, казначейских работников и других строителей; восемь квартир для штаб-

и обер-офицеров; ветряная мельница и др.; сооружены две пристани для выгрузки судов [11. Оп. 1. Д. 246. Л. 279].

19 июля 1723 г. Петр I, находясь с флотом у Рогервика, заложил каменный мол, строительство которого велось по составленному им собственноручно чертежу. В этом же году по приказанию Петра на северной оконечности мыса Пакерорт была построена каменная башня для маяка высотой 5 сажен [5, с. 183–184].

Строительство мола шло быстро, несмотря на глубину залива в этом месте от 12 до 14 сажен. С 19 июля 1723 г. по 1 ноября 1724 г. был возведен каменный мол от берега в длину на 156,5 сажен, в ширину 2 сажени, а в высоту над горизонтом воды на 7 футов. На это ушло камня 28087 куб. сажен, мелкого щебня – 3823 куб.сажен. С 1721 по 1724 г. на работах по сооружению порта находилось 9136 солдат и работных людей, 1527 лошадей [5. с. 185].

Жестокие северные ветры не только тормозили работу по возведению мола, но и часто разрушали то, что уже было сделано. Так, например, 10 января 1724 г., сильным штормом, значительно повредившим Ревельскую гавань, в Рогервике разбило надводную часть возведенного мола на протяжении 117 сажен. До 27 января 1725 г. это повреждение было исправлено, причем высота мола над горизонтом воды была поднята с 7 до 9 футов и расширена до 16 футов [5, с. 186]. После смерти Петра работы продолжались еще четыре года, а потом на долгое время совершенно прекратились. Мол все более разбивало, и для его поддержания никаких мер, по существу, не предпринималось. Только в 1746 г. Адмиралтейская коллегия представила Сенату: «не соизволено ли будет, начатые Петром Великим Рогервикские работы возобновить, понеже оныя окончивать весьма нужно». В сентябре 1746 г. Императрица Елизавета лично осмотрела работы, начатые в Рогервике, и признала несомненную пользу от окончания предприятия, начатого отцом. Указом 6 сентября Адмиралтейской коллегии было повелено: «...начатую работу продолжать даже до окончания» [5, с. 193–194].

Для обеспечения жизнедеятельности строящегося и быстро растущего Балтийского флота требовались не только удобные и благоустроенные, но и хорошо защищенные базы. Необходимо бы-

ло изучить графические, климатические и гидрографические особенности и условия Балтийского моря – водоема бурного и капризного [4, с. 129]. С этой целью тщательно изучалось побережье Балтики, проводились промеры глубин, определялись и обозначались безопасные фарватеры, в результате чего были составлены подробные карты и планы побережья моря от Финского залива до Курляндии и Швеции, морские карты-лоции, построены маяки и т. д. Важное значение в закреплении отвоеванного обширного Северо-западного приморского края имела организация работ по размежеванию земель и землеустройству, описи заповедных лесов и др. С 1723 г. осуществлялась в широких масштабах работа по размежеванию земель и сочинению ландкарт в уездах Ингерманландском, С.-Петербургском, Ямбургском, Копорском и Шлиссельбургском под руководством инженера генерал-майора Де Кулона [13. Оп. 1. Д. 29. Л. 49, 50, 52–55].

Присоединение Балтийского побережья и основание Санкт-Петербурга, новой столицы государства в районе его северо-западной окраины, остро поставило вопрос о связи его удобными путями сообщения с центральными районами страны. Растущее население города, прежде всего, нуждалось в продуктах питания. Редкое и сильно разоренное войной, испытывавшее бедствия чумы местное население отвоеванного у шведов края не могло обеспечить Санкт-Петербург продовольствием, которое вместе с другими предметами первой необходимости издалека подвозилось в столицу конным транспортом за сотни верст, по скверным дорогам, доступным зимой, но малопроезжим весной и осенью. Так, только за 34 дня, с 7 января по 9 февраля 1723 г. в Петербург прибыло 70968 возов, т. е. в среднем ежедневно прибывало 315 возов [7, с. 141–142]. Несмотря на проводимую правительством Петра I политику регламентации цен на все товары, жизнь в Петербурге была в три раза дороже, чем в Москве. Это вынуждало руководство страны пойти на дополнительную прибавку жалования всем находящимся в Петербурге военным служащим, мастеровым и работным людям.

Следует отметить, что общий рост производительных сил России в рассматриваемый период, развитие внутренней и внешней

торговли, расширение и углубление связей со странами западной Европы, ведение войн, занявших в общей сложности более четверти века – все это, вместе взятое, придавало вопросу о путях сообщения и передвижения исключительно большое значение. В условиях отсутствия хороших сухопутных дорог, особенно шоссированных, Петр I обратил особое внимание на использование водных путей, которыми так богата Россия. Но для этого необходимо было системой каналов и шлюзов соединить главные речные бассейны страны. Решение этой задачи давало возможность связать водными путями Балтийское море с центром страны, Уралом и районами Каспия.

Строительство Санкт-Петербурга и превращение его в крупнейший европейский морской порт, куда направлялись потоки грузов из европейских стран, поставили на очередь вопрос о связи Санкт-Петербурга водным путем с бассейном реки Волги. С этой целью в 1703-1706 гг. шло строительство Вышневолоцкого канала, связавшего Санкт-Петербург с Волгой так называемой Вышневолоцкой водной системой.

Однако, когда в 1709 г. была сделана первая попытка провести суда из Волги в Петербург, уровень воды на водоразделе оказался настолько низким, что не обеспечивал сквозного движения судов без их перегрузки. Обнаружилось, что строившие канал голландские шлюзные мастера не смогли решить сложную гидротехническую задачу по созданию водохранилища, необходимого для поддержания соответствующего уровня воды для свободного прохода судов.

В 1719 г. новгородский купец М.И. Сердюков представил составленный им проект исправления Вышневолоцкого канала путем создания водохранилища из вод рек Цны и Шлины. Одобрив проект, Петр I поручил строительство Сердюкову, который к 1722 г. успешно закончил все работы. С этого времени строитель стал главным надзирателем Вышневолоцкого канала, обеспечивая его содержание на должном техническом уровне. Указом от 15 октября 1742 г. императрица Елизавета пожаловала: «...Вышневолоцких шлюзов и каналов содержателя Михайлу Сердюкова и потомков его за его в прочистке Цны и учении шлюзов и прочие службы в дворяне».

Указом 19 марта 1745 г. были пожалованы за их верные службы и труды дворянин Михайло Сердюков – коллежским советником, сын его Иван – коллежским ассесором» [3. Оп. 1. Д. 278. Л. 2, 135].

Вместе с тем усовершенствование Вышневолоцкого судоходного канала не могло полностью решить проблемы надежного обеспечения водной связи Санкт-Петербурга с центром страны. Дело в том, что суда, идущие с Волги в Петербург, после прохождения канала через реку Мсту попадали в озеро Ильмень, затем рекой Волхов – в Ладожское озеро и далее в реку Неву. На озере Ильмень, и особенно на бурном Ладожском озере, суда часто терпели аварии. Ладожское озеро, особенно в осенний период, стало огромным кладбищем, поскольку в бурную погоду на нем гибли караваны речных судов, гибли грузы и люди. Это вынудило правительство Петра приступить к строительству большого обводного Ладожского канала от устья Волхова до истоков Невы общей протяженностью 104 версты. Строительство этого канала началось в 1718 г. и требовало огромных усилий и средств.

Петр предполагал осуществить строительство еще ряда соединительных каналов. По его указанию проводились изыскательские работы для определения возможности соединения реки Тихвины и реки Сяси, впадающей в Ладожское озеро, с рекой Мологой – притоком Волги. В 1710 г. инженер Пирри представил проект канала между реками Шексной и Вычегдой для соединения бассейна Волги с Балтийским морем через Белоозеро и Онежское озеро. Указом от 13 марта 1715 г. Г. Скорнякову-Писареву было предписано: «осмотреть реки, текущие в Волгу, а верховьями близкие к рекам, текущим в Десну и Днепр, и сделать чертеж предполагаемой коммуникации» [9, с. 132]. Перед самым персидским походом, в апреле 1722 г., инженер Виллим Геннин, проектировавший тогда сооружение на реке Сестре плотины и оружейного завода, получил задание исследовать, в каком месте удобнее устроить «водяную коммуникацию» от Москвы-реки или Яузы до Рогачевской пристани на реке Сестре в 40 верстах от Волги.

Наряду с этими вопросами особо важное значение приобрела проблема инженерного прикрытия государственной границы, осо-

бенно новой границы в северо-западном районе государства, в связи с враждебной демонстрацией у русского побережья объединенного англо-шведского флота и угрозой высадки десанта.

Как раз в это время в Кронштадте были осуществлены усиленные оборонительные работы и сделаны наиболее важные распоряжения по его обороне. Помимо Ивановской батареи и выдвинутого в море форта Александршанца, на западном берегу острова Котлин была возведена новая деревянная Андреевская батарея. В 1721 г. началось сооружение оборонительной ограды на северном берегу острова [6, с. 440–441]. Были приняты необходимые меры не только к инженерной и артиллерийской защите острова и построенных военной и купеческой гаваней, но и к отражению возможного прорыва вражеских кораблей и высадки десанта. 30 апреля 1720 г. в распоряжении адмиралу Сиверсу Петр писал: «По получении сего рогатки пловучие так же и бомбы изготовить и несколько якорей больших для держания оных. А где ставить о том я сам покажу. В прибавке пушек на батарее, так же в делании батарее не ослабевайте». В тот же день инженеру капитану Эдварду Лейну Петр I отдал распоряжение: «сделать из бревен ростовок плавучий у стен воинского гавана, дабы какой машине или брандеру приблизиться было нельзя» [6, с. 442]. Одновременно осуществлялись работы по усилению обороны Ревеля с суши и с моря, восстановлению повреждений и усилению крепостей в Нарве и Ивангороде, в Риге, Динамюнде и Пернове.

Большой объем инженерных работ был выполнен по укреплению юго-западной и южной границ в связи с постоянной опасностью нападения татар и особенно после объявления Турцией войны России в феврале 1711 г., когда возникла реальная угроза турецкого вторжения на Украину. Усиленные крепостные работы осуществлялись в районе Киева, ставшего основной базой южной русской армии под командованием Б.П. Шереметьева. Большой объем работ был выполнен на строительстве новой Киево-Печерской крепости, заложенной Петром I 15 августа 1706 г. [6, с. 442]. Неудача Прутского похода и сложные отношения с Турцией вынудили Петра снова обратить внимание на укрепление Киева [6, с. 478–480]. Для защиты

южной границы от набегов кубанских татар и возможных враждебных действий со стороны калмыков началось строительство в 1718 г. новой Царицынской укрепленной линии от Царицына на Волге к Дону и Паншину общей протяженностью свыше 60 верст [2. Оп. 1. Д. 232. Л. 174 об.-175 об., 187 об.-192 об.; 13: Оп. 1. Д. 20. Л. 16–20].

Мы кратко перечислили лишь некоторые проблемы инженерного характера, возникавшие во втором периоде Северной войны. Уже в самом начале деятельности молодого флота остро встал вопрос о его базах – удобных портах, защищенных естественными и искусственными препятствиями от атак противника с моря. Одной из важных задач, решаемых в ходе Северной войны, было закрепление отвоеванного побережья Балтийского моря для удовлетворения в первую очередь потребностей внутреннего развития страны. Коренные изменения, которые произошли в ходе Северной войны, внутреннее экономическое и хозяйственное развитие страны, необходимость отражения возможной агрессии против России со стороны других государств, поставили на очередь острые проблемы инженерного характера, решение которых незамедлительно потребовало наличия специально подготовленных инженерных кадров.

К концу второго десятилетия XVIII в. четко обрисовалась необходимость создания русского инженерного корпуса и открытия военно-учебного заведения по подготовке национальных инженерных кадров, применение которым могло быть найдено как в военной, так и в гражданской сферах деятельности.

Список литературы

1. Архив военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2.
2. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 3.
3. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 235.
4. Елифанов П.П. Россия в Северной войне // *Вопр. истории.* – 1971. – № 7.
5. Козакевич П.В. О построении гаваней в Балтийском порте и Ревеле (составлена из дел бывшей Адмиралтейской коллегии, хранящихся в Санкт-Петербургских Адмиралтейских архивах) // *Записки Гидрографического департамента Морского министерства.* – Ч. 4. – СПб., 1846.

6. Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. – Ч. 2. – СПб., 1858-1865.
7. Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII в. – М; Л., 1957.
8. Мавродин В.В. Основание Петербурга. – Л., 1978.
9. Ратч В. Петр Великий как артиллерист и капитан бомбардирской роты. Начальствующие артиллеристы при Петре // Артиллерийский журн. – 1857. – № 3.
10. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф.23.
11. РГА ВМФ. Ф. 233.
12. РГА ВМФ. Ф.235.
13. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 3.

УДК 94(47).081

ББК 63.3(2)522-06

*Л. Ю. Гусман **

«Тоска по политической жизни» в России «эпохи Великих реформ» и ее отражение в подцензурной печати начала 1860-х гг.

В работе дается характеристика широко распространенных в 1862 г. в России конституционных идей. Выясняется схожесть политических устремлений республиканцев и сторонников конституционной монархии, одинаково ставивших в качестве основной цели создание представительного органа. В качестве источника для исследования выступают статьи, отвергнутые цензурой и не попавшие в этой связи в открытую печать накануне и в «год конституционного кризиса».

The article describes constitutional ideas widespread in Russia in the 1862. The article explains the similarity of the political aspirations of Republicans and supporters of constitutional monarchy that the same set the creating of a representative body as the primary goal. The sources for the research were publications rejected by censorship, so they did not fall to the public printing on the eve of and in «the year of the constitutional crisis».

* **Гусман Леонид Юрьевич**, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Ключевые слова: конституция, монархия, республика, русское общество, оппозиция, публицисты, цензура, газета.

Key words: constitution, monarchy, republic, Russian society, opposition, publicist, censorship, press.

1862-й год в России часто и обоснованно рассматривается в историографии как «год конституционного кризиса» (данное определение принадлежит Б.Э. Нольде) [7, с. 188]. Даже враждебный идее немедленного введения конституции К.Д. Кавелин отмечал: «Конституция – вот что составляет теперь предмет тайных и явных мечтаний и горячих надежд дворян; она во всех умах и сердцах» [6, с. 151]. Бесспорно, конституционная идея введения выборного элемента в центральное управление не могло не проникнуть и в печать. Этому способствовали и требования преобразований на дворянских собраниях 1862 г., особенно на тверском, и упорные слухи о даровании конституции в день празднования тысячелетия России [3]. Разумеется, конституционные требования могли проникать на страницы прессы лишь опосредованно, поскольку защита неприкосновенности самодержавия являлась одной из важнейших функций цензуры. Поэтому для характеристики настроений общества недостаточно использовать процензурированные издания, а необходимо обратиться к анализу газетных и журнальных статей, доставленных в цензуру и ею недозволенных.

Уникальным источником для характеристики умонастроений русского общества, особенно его оппозиционного крыла, является изданный в 1862 г. Министерством народного просвещения «Сборник статей, недозволенных цензурой в 1862 году» [12]. Этот сборник содержит полные тексты статей, запрещенных цензурой. Сочинения распределены по тематическим рубрикам, что облегчает использование сборника. Однако, к сожалению, чиновники цензурного ведомства не называли журналов и газет, для которых предназначались запрещенные статьи. Между тем подобные сведения необходимы для характеристики политической направленности того или иного периодического издания. В то же время, благодаря

исследованиям И.Г. Ямпольского, установлено большинство изданий, которым предназначались эти статьи [13, с. 184–186].

Важное место в сборнике занимали сочинения, прямо или косвенно высказывавшие требования конституции, тем более настоятельные, что после введения в 1861 г. народного представительства в Австрии к 1862 г. только Россия и Турция остались абсолютными монархиями в Европе. В одной из неустановленных газет прямо формулировалась следующая программа: «1) Уничтожить все сословные различия <...>; 2) Знания и образование сделать доступными для всех классов; 3) С народа снять всякую опеку, предоставив ему полное управление своими делами; 4) Предоставить ему право участия в тех делах государства, в которых расходуются деньги, вносимые им» [12, с. 449].

Далеко не всегда конституционная программа высказывалась в статьях так откровенно. Однако поддержка этих требований заметна в большинстве статей сборника. Несмотря на то, что 1862 г. не стал годом дарования конституции, многие публицисты сохранили надежду на перемену образа правления в России. Незнакомый автор либеральной к тому времени газеты «Северная пчела», анализируя предложенный Петербургскому губернскому дворянскому собранию проект А.П. Платонова о созыве Земской думы, писал с энтузиазмом: «Через год предложения Александра Платоновича, очищенные от крепостных и дворянских предубеждений, явятся вторично на свет, не как скороспелый плод и не в обществе скороспелых ретроградных стремлений, но как зрело обдуманная идея, которая будет в силах перенести все непогоды» [12, с. 342]. Тем самым влиятельная газета выражала уверенность в скором и неизбежном торжестве конституционалистских идеалов. Вместе с тем отметим и другой аспект: публицист выражал явное сожаление, что призывы к перемене образа правления сопровождаются узкословными и далеко не либеральными поползновениями части помещиков. Надежды на введение политической свободы и народного представительства сопровождались в либеральных общественных кругах постоянными опасениями, что этими преобразованиями воспользуется дворянская олигархия. В этом и заключалась причина противоречивого от-

ношения некоторых русских либералов к немедленному введению конституции в империи.

Цензура весьма внимательно следила за попытками идейного обоснования конституционалистских взглядов и стремилась их пресекать. В начале 1860-х гг. предпринимались активные попытки создания политического блока «крайних прогрессистов» (социалистов) и «конституционистов» на основе общей антисамодержавной платформы. Программа этого объединения была ясно изложена в прокламации «Великорусс» в 1861 г. Она была поддержана как «Колоколом» А.И. Герцена и Н.П. Огарева, так и ведущим органом конституционалистской эмиграции – «Будущностью» П.В. Долгорукова. Важной частью идейного компромисса между социалистами и либералами стало признание второстепенности различий между республикой и конституционной монархией – лозунг «республиканской монархии» (термин принадлежит французскому философу XVIII в. Г. Мабли [9, с. 22]).

Упомянув о возможных вариантах развития событий после подачи царю либерального адреса, авторы «Великорусса» сделали важное заявление: «Если нынешний государь добросовестно откажется от произвола, проигрыш республиканской партии будет не очень велик. Истинно конституционная монархия мало отличается от республики» [2, с. 311]. Из этого отрывка следует, что составители прокламации, причисляя себя к республиканцам, не отрицали значительного сходства предпочитаемого ими образа правления с либеральной, представительной монархией. Таковы же были взгляды наиболее активного и отчасти скандального проповедника конституционных идей в России начала 1860-х гг. П.В. Долгорукова, заявлявшего, «что в хорошо устроенной монархии конституционной личная безопасность, личное достоинство и права всех граждан столь же хорошо обеспечены, как и в республике» [4, с. 5]. При такой постановке вопроса единственное существенное различие между конституционной монархией («истинной», по формулировке «Великорусса», или «хорошо устроенной», по словам князя-эмигранта) и республикой заключалось в статусе главы государства, наследственного в первом случае и выборного во втором. Несмотря

на то, что для авторов прокламации сохранение монархии воспринималось как «проигрыш», тем не менее они, очевидно, соглашались с Долгоруковым, что форма правления второстепенна в случае реального ограничения власти правителя и введения гражданских и политических свобод. Стремление синтезировать монархию и республику, сгладить различия между ними было весьма характерно и для идеологов Великой французской и Июльской революций, и для Декабристов, и для многих публицистов «эпохи Великих реформ» [3, с. 284–303]. Тем симптоматичнее, что в статье, предназначенной для газеты «Современное слово», но запрещенной цензурой и в результате появившейся в анализируемом нами сборнике, отмечалось: «В государствах, как Англия, Бельгия, Пруссия или Италия, коль только по имени государь, фактическая власть перешла в руки народа и его представителей. <...> Конституционная монархия – самый простой вид республики» [12, т. 1, с. 453].

Мнение неизвестного автора полностью совпадало с позицией Долгорукова и сочинителей «Великорусса». Все они считали вопрос о форме правления проблемой тактики, а не стратегии, который не имел значения при существовании законодательного народного представительства. Особенно примечательно, что эта запрещенная статья должна была быть опубликована именно в «Современном слове» – газете, чей редактор, Н.Г. Писаревский, прямо признавал в конце 1861 г., что ее цель состоит в том, чтобы «подготавливать умы к конституции» [1, с. 114]. Издание достаточно последовательно осуществляло эту программу. По свидетельству цензурного ведомства, «Современное слово» «высказывает явное пристрастие к представительной форме правления и стремление к конституционным началам, уяснение которых на всех путях общественной жизни составляет главную задачу и направление <...> газеты» [10]. В этом контексте понятна попытка редакции издания напечатать статью, в которой бы разъяснялось отсутствие существенных различий между современной парламентской монархией и республикой.

Следует отметить, что требование конституции не являлось очередным модным веянием, а воспринималось как способ предотвратить революцию, которая казалась неминуемой в случае про-

должения прежней политики. Еще один публицист «Северной пчелы» предостерегал власть: «В настоящее время Россия стоит на перепутье. Перед ней два пути: один путь – истинного прогресса, всестороннего развития нравственных и материальных сил народа; другой путь – путь революционный, судя по всему, что у нас творится, благодаря частью нерациональному образу действий нашего правительства в некоторых случаях.<...> Россию, на каждом шагу тянет то к одному то к другому из этих путей и очень может быть, что она свернет не в надлежащую сторону» [12, т. 1, с. 131–132]. Несмотря на всю, казалось бы, силу конституционалистских настроений части русского дворянства начала 1860-х гг., петербургские пожары 1862 г., усиление экстремистских настроений в революционном движении, и особенно польское восстание 1863–1864 гг., позволили самодержавию сохраниться. Оно «откупилось» от общества земской реформой 1864 г., а прежние либералы, в 1862 г. требовавшие всеобщей конституции, уже к концу 1863 г. забыли о своих «опасных» увлечениях.

Однако отразившиеся в рассматриваемом «Сборнике», конституционалистские настроения являются важным свидетельством для истории отечественного либерализма и русской общественной мысли начала 1860-х гг. в целом. «Сборник...» остался памятником политических умонастроений оппозиционных публицистов 1862 г., одного из поворотных годов русской истории, о котором М. Е. Салтыков-Щедрин писал: «1862 год совершил многое: одним он дал крылья, у других таковые сшиб» [11, с. 302]. Абсолютизм легко победил антисамодержавную фронду.

Однако жажда политических преобразований и недовольство своей оторванностью от процесса принятия решений продолжала вызывать решительное недовольство русской либеральной интеллигенции. Видный публицист Е. Н. Эдельсон писал в конце 1863 г. о творчестве знаменитого немецкого политического романиста Ф. Шпильгагена, явно намекая на Россию: «Роман Шпильгагена, встреченный сильным сочувствием в Германии, любопытен и для нас, как явное выражение той тоски, которая происходит от отсутствия политической жизни и начинает единовременно и во многих

местах (стр. 50) чувствоваться повсюду передовыми людьми. Ни слава оружия, ни успехи промышленности и внешних форм цивилизации, ни процветание наук, ничто одним словом не в силах заглушить этой тоски, как только она с достаточной энергией почувствуется созревшими для политической жизни гражданами. Раз прочувствованная, она требует и добивается скорого удовлетворения и начинает новую эпоху в жизни народа» [5, с. 49–50].

А вскоре журнал «Библиотека для чтения», напечатавший Эдельсона, достаточно резко высказался в передовой статье, уже прямо указывая на российскую реальность: «Нам нужно дело и свободное слово для его проявления; нам нужна роль, и мы будем искать ее во что бы то ни стало так или иначе, да и немудрено, в этой роли наша жизнь и спасение, в ней наш единый выход; без нее одна долгая тяжелая апатия» [8, с. 29].

Нежелание властей вступать в конструктивный диалог с «образованным классом» повлекло за собой усиление радикальной, а затем и революционной оппозиции и усилило утопические тенденции во взглядах большинства интеллигенции, не участвовавшей в государственных делах и недооценивавшей сложность переустройства страны на новых началах.

Обоюдные ошибки и непонимание мотивов деятельности друг друга привели к столкновению власти и общества, которое способствовало крушению императорской России.

Список литературы

1. Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. 1861-1876. – М., 1961. – Т. 1.
2. // Чернышевский Н.Г. Письма без адреса // Великорус. – № 3, 1983.
3. Гусман Л.Ю. В тени «Колокола». Русская либерально-конституционалистская эмиграция и общественное движение в России (1840–1860 гг.). – СПб., 2004.
4. Долгоруков П.В. Новый русский журнал // Правдивый. – 1862. – 27 марта.
5. Е. Э-н <Е.Н. Эдельсон> Иностранная литература. Современный политический роман в Германии («Проблематические натуры» и «От мрака к свету» Ф. Шпильгаген) // Библиотека для чтения. – 1863. – № 10.

6. Кавелин К.Д. Дворянство и освобождение крестьян // Наш умственный строй. – М., 1989.
7. Нольде Б.Э. Юрий Самарин и его время. – М., 2003.
- 8.
9. Библиотека для чтения. – 1864. – №1.
10. Олар А. Политическая история французской революции. – М., 1938.
11. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 208. Д. 100.
12. Салтыков-Щедрин М.Е. Наша общественная жизнь <X. Март 1864 года> // Собр. соч. в 20 т. – Т. 6. – М., 1968.
13. Сборник статей, недозволенных цензурой в 1862 году. – Т. 1–2. – СПб., 1862.
14. Ямпольский И.Г. Сборник статей, недозволенных цензурой в 1862 г. // Уч. зап. ЛГУ. – 1971. – № 55. – Вып. 76.

УДК 94(47).081

ББК 63.3(2)533-33

О. А. Яковлева *

**К вопросу об особенностях функционирования
избирательной системы Российской империи в начале XX в.
(на примере выборов депутатов
в III Государственную Думу в Приамурье)**

Статья посвящена изучению особенностей избирательной системы Российской империи начала XX в. Особое внимание уделено ходу избирательной кампании в Государственную Думу на Дальнем Востоке, нормативно-правовой базе, проведению выборов, их итогам, сравнительной характеристике с аналогичными процессами, происходившими в Центральной России.

This article is devoted to study of features of the electoral system of the Russian Empire in the beginning of XX century. Particular attention is paid to move of the election campaign to the State Duma on the Russian Far East, the regulatory framework, the holding of elections and their outcome, comparing the characteristics of similar processes in Central Russia.

* **Яковлева Ольга Александровна**, кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

Ключевые слова: Государственная Дума, Дальний Восток, Приамурское генерал-губернаторство, избирательная система, выборы, депутаты, региональная специфика, ценз, курия.

Key words: the State Duma, Russian Far East, Governorate General of the Amur river region, electoral system, election, deputy, regional specificity, enumeration census, curia.

Проблемы избирательных отношений в исторической практике функционирования выборных начал и формирования народного представительства – Государственной Думы недостаточно изучены в отечественной историографии. Характеристика системы выборности и представительства предполагает выяснение сущности этих институтов в историко-правовой традиции России, выявление особенностей организации и порядка проведения выборов, изучение нормативно-правовой базы, регулирующей ход избирательного процесса.

Особый интерес в данном контексте приобретает изучение проблемы в региональном аспекте, в том числе рассмотрение хода избирательной кампании 1907 г. в III Государственную Думу в одном из наиболее отдалённых и специфических районов Российской империи – Приамурском генерал-губернаторстве.

Напомним, что депутаты Государственной Думы избирались на основе специальных избирательных законов (от 6 августа и 11 декабря 1905 г. и 3 июня 1907 г.), которыми утверждалась куриальная избирательная система по четырем куриям – от землевладельцев, городских жителей, крестьян и рабочих. Куриальность выступала в качестве важнейшего принципа проведения выборов. Следует отметить, что к рассматриваемому периоду большинство государств отказалось от её применения. Последней в Европе, сохранявшей приверженность политической традиции, оставалась Австрия. Однако и она с 1907 г. перешла к новым формам распределения групп избирателей.

Избирательный закон предусматривал установление цензов: возрастного (25 лет) и оседлости (для всех курий, кроме землевладельческой). Землевладельческой и городской куриям устанавли-

вался имущественный ценз. Для крестьянской курии имущественных ограничений не было. По курии рабочих избирательные права осуществлялись в соответствии с численностью работающих на предприятии. От участия в выборах отстранялись «опороченные по суду лица», несостоятельные должники, осужденные за уклонение от воинской повинности. Женщины участия в выборах не принимали, но могли предоставить свой ценз по недвижимому имуществу мужьям или сыновьям. Для всех курий (землевладельцев и горожан) выборы были двухстепенными: вначале избирались выборщики, а затем уже гласные Государственной Думы. Рабочие выбирали уполномоченных, которые затем избирали членов Думы. Крестьянам устанавливались четырёхстепенные выборы – от села, волости и губернии, которые избирали выборщиков, а последние – членов Думы [5].

Положение о выборах в Думу не предусматривало всеобщего и прямого голосования. Новые избирательные правила изменяли пропорции представительства отдельных групп населения. Теперь менее 1 % населения избирало 1/3 выборщиков. Крупные землевладельцы избирали более половины выборщиков Европейской России [4, с. 444]. Распределение количества избираемых депутатов между губерниями и генерал-губернаторствами (игравшими роль многомандатных избирательных округов) носила произвольный характер.

Следует признать, что новый избирательный закон 3 июня 1907 г., был далек от принципов подлинного демократизма. Но представляется справедливым замечание С.Г. Пушкарёва, что «всюду участие в парламентских выборах долгое время было обусловлено имущественным цензом; в Англии, классической стране парламентаризма, всеобщее избирательное право было введено только в XX веке, лет через 500 после учреждения парламента, а русский парламент существовал лишь 1 год» [7, с. 381].

Целью нового избирательного закона было обеспечение политической поддержки правительственного курса со стороны Государственной Думы, поэтому представляется вполне объяснимым недостаточное внимание к проблемам и особенностям регионов. В

содержании избирательного закона фактически не учитывалась специфика территории, на которую распространялось его действие, социальный состав населения и др. Достаточно ярко эти правительственные недочеты проявились в ходе избирательной кампании на Дальнем Востоке.

В начале XX в. характер социальной структуры населения Приамурья был обусловлен целым рядом социально-экономических особенностей, главными из которых являлись малонаселенность и экономическая слабость края, которые сохранялись, несмотря на стремление правительства ускоренными темпами заселить территорию и провести в крае земледельческую колонизацию. В рассматриваемый период достаточно чётко определилась аграрно-сырьевая направленность экономики региона. Большинство населения составляли крестьяне-переселенцы, разделявшиеся на старожилов и новоселов, по приблизительным подсчетам составлявшие более 60 % населения. Особой социальной группой, занимавшей важное место в социальной структуре населения Дальнего Востока, являлось казачество. В начале XX в. встал вопрос об обращении казачьего населения в крестьянское, но он постоянно откладывался и так и не был решен окончательно. К 1908 г. в Амурском казачьем войске насчитывалось более 30 тыс. чел., а в Уссурийском – 24 тыс. чел. В это время происходил количественный рост дальневосточной буржуазии, обусловленный притоком капиталов, ростом предпринимательства. К 1909 г. купцы и мещане составляли около 25 % городского населения. Численность рабочих была невелика и составляла не более 2–3 % всего населения. Еще одной малочисленной социальной группой являлись представители разночинной интеллигенции: врачи, учителя, журналисты. Несмотря на свою малочисленность (около 2 % городского населения), эта социальная группа пыталась проявлять большую активность в общественной жизни края. К 1911 г. общая численность населения Приамурского генерал-губернаторства составляла около 875 тыс. чел. В это число были включены и военные, причем они составляли около 5 % населения [9, с. 67–70], так как в крае располагалось множество воинских частей. После окончания войны с Японией увели-

чилось число солдат и матросов, оставшихся на Дальнем Востоке на постоянное место жительства.

Таким образом, Приамурье накануне выборов представляло собой огромную малонаселенную территорию с относительно мало-развитой экономикой. Хозяйственное освоение Дальнего Востока, прежде всего, было осложнено отдаленностью региона от центра России. Этим объяснялось его отставание не только в экономическом, но и в политическом развитии. Оторванность, изолированность края от социально-политических процессов, происходивших в центре, во многом определили ход и характер выборной кампании в III Государственную Думу.

Необходимо подчеркнуть, что именно в работе III Думы впервые приняли участие дальневосточные депутаты. При организации и проведении избирательных кампаний в I и II Государственные Думы со стороны местной администрации было допущено много ошибок и неточностей в работе с документацией, следствием чего стало превышение сроков выборов, определенных центром. Затянувшаяся избирательная кампания и территориальная оторванность края приводили к тому, что дальневосточные депутаты приезжали в столицу уже после роспуска очередной Думы.

На этот раз власти стремились провести выборы в III Думу своевременно и в соответствии с установленными правилами.

Надзор за проведением избирательной кампании осуществлялся Министерством внутренних дел (МВД) через подчинённых ему генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников. На местах формировались комиссии по делам о выборах, в состав которых входили председатель и члены окружного суда, предводители дворянства, должностные лица городской управы. Списки избирателей готовила городская управа.

В июне 1907 г. городские управы городов Владивостока, Хабаровска, Благовещенска и других стали распространять среди населения листки, содержавшие информацию о выборах в будущую Думу. Например, Владивостокская Управа извещала, что уже к 15 июля 1907 г. должны быть собраны материалы для составления списков выборщиков. К этому сроку Управа просила все находив-

шиеся в районе городских владений «учреждения общественные, сословные и правительственные сообщить ей списки лиц, служащих в этих учреждениях, имеющих право участвовать в выборах» [8, с. 2]. Квартиросъемщикам предлагалось написать заявление о своем участии в выборах на специальных бланках и предоставить удостоверение полиции или договор о найме квартир. Затем приводились выдержки из статей избирательного закона 3 июня 1907 г., в соответствии с которыми расширялся список категорий населения, не имевших права принимать участия в выборах. К вышеперечисленным группам добавлялись лица, обучающиеся в учебных заведениях, воинские чины армии и флота, состоящие на действительной военной службе, бродячие инородцы, иностранные подданные. Указывалось, что в выборах не участвуют губернаторы, вице-губернаторы и их помощники, а также лица, занимающие полицейские должности.

Съезды городских избирателей делились на два разряда. В первом съезде участвовали владельцы недвижимого имущества (стоимостью не менее 1000 руб.) и владельцы торгово-промышленных предприятий. Во втором съезде должны были участвовать лица перечисленных выше категорий, не вошедших в первый съезд, а также «плательщики не менее года государственного квартирного налога, лица, уплачивавшие не менее года основной промысловый налог, занимавшие отдельные квартиры и служащие в городских учреждениях» [8: 2].

Для избрания членов Государственной Думы от городского и сельского населения, не принадлежавших к числу инородцев и казаков, должны были создаваться избирательные собрания выборщиков. Выборщики, в свою очередь, избирались по каждому уезду двумя съездами: съездом городских избирателей и съездом уполномоченных от волостей. В соответствии со ст. 196 Основных законов уполномоченные от волостей и сельских участков оседлого населения должны избираться по одному от каждой волости. В Амурской и Приморской областях выборщики устанавливались только от трех уездов, а от всех волостей устанавливались только 11 уполномоченных. Иными словами, дальневосточную окраину в

Думе должны были представлять всего несколько депутатов. Сокращение численности представителей от окраин в III Думе коснулось непосредственно Дальнего Востока. Вся система проведения выборов в крае практически не отличалась от существовавшей системы в центральных губерниях. Не были учтены многие факторы, определявшие своеобразие региона, требовавшие особого подхода. Не были приняты во внимание малонаселенность, отсутствие прочных связей между районами, политическая пассивность, жесткий контроль со стороны властей (так как в 1906 г. в Приамурском генерал-губернаторстве было введено военное положение) [3, с. 360].

Результаты этой непродуманной организации предвыборной кампании стали ощущаться очень скоро. В конце июля 1907 г. газета «Приамурские ведомости» сообщала о продлении срока подачи заявлений от квартиросъемщиков, так как в установленные ранее сроки пожелания Городской управы выполнили лишь немногие жители [6: 21 июля]. Властям пришлось пойти на значительные упрощения в делении избирателей на разряды. В начале августа 1907 г. в большинстве дальневосточных городов списки были окончательно составлены и опубликованы. Создавались Комиссии по выборам в Государственную Думу, в которые избиратели могли обращаться с жалобами или предложениями до 1 сентября 1907 г. Однако многие газеты того времени отмечали «удивительный индифферентизм к выборам» у местного населения [2. 8 сент.]. Многие предвыборные собрания не состоялись из-за малочисленности выборщиков. Возникли проблемы, связанные с качеством составленных списков. В них значились лица, давно уже переселившиеся в другие местности либо умершие.

Еще одной особенностью предвыборной кампании на Дальнем Востоке стало почти полное отсутствие предвыборной агитации (исключение составляли лишь крупные города). К тому же и сроки на ее проведение были ограничены (около 10 дней). Наиболее активно себя проявляли представители социал-демократов и эсеров, а также октябристов. Однако уровень их активности следует определять в соответствии со сложившейся на Дальнем Востоке обстановкой, характерной чертой которой являлась политическая пассивность

масс, малочисленность партий, выражавших интересы лишь небольших групп населения.

17 сентября 1907 г. одновременно по всему краю прошли собрания по избранию выборщиков. Численность избирателей была невелика. Например, в Хабаровске должны были принять участие в выборах 1200 человек, но зарегистрировались лишь около 500 человек. Во Владивостоке зарегистрировались 3034 человека, в Никольск-Уссурийске – 1187 чел. [8]

Выборы на Дальнем Востоке проходили на фоне обострившихся дискуссий в центре о роли и значении народного представительства для России. Неудачный опыт кратковременного существования первых Дум обсуждался как в правящих кругах, так и на страницах периодических изданий различной партийной ориентации. Во многих газетных публикациях как российских, так и иностранных весьма скептически оценивались содержание нового избирательного закона, ход выборов, перспективы работы будущей Думы. Но, несмотря на справедливые критические замечания в ее адрес, значительная часть населения Европейской России осознала, что возврат к прошлому уже невозможен, что Государственная Дума уже стала неотъемлемой частью государственного механизма.

В рассматриваемый период лишь зарождался и начинал накапливаться опыт участия избирателей в выборах в центральной России. Избирательная кампания не представляла собой столь массового и масштабного события, как сегодня. Она не носила открытый и общий характер. Закон не регламентировал специальные формы предвыборной агитации, кроме проведения «подготовительных совещаний о лицах, достойных быть избранными» [1, с. 105].

Закономерно, что на далекой окраине даже о такой оценке говорить было преждевременно. Малонаселенность, оторванность от событий, происходивших в Европейской России, обусловили ещё более низкую политическую активность большинства представителей дальневосточного населения, чем в Центральной России. Обращения местной администрации в центральные правительственные учреждения с просьбами о внесении изменений в законодательство оставались без ответа. Зато «нововведением»

стало сокращение числа представителей национальных окраин в Государственной Думе. Так, например, число сибирских депутатов упало с 30 до 15, а депутатов, представлявших Дальний Восток, осталось всего три.

Ход выборов на Дальнем Востоке показал реальную картину общественной жизни далекой окраины. Социальная структура края определяла низкий уровень политической активности большей части населения. Для большинства жителей края была характерна слабая информированность о процессах, происходивших в стране, об изменениях в законодательстве, о роли Государственной Думы в жизни России. Политологи давно выявили связь между степенью информационной удовлетворенности и отношением человека к политическим событиям и процессам. Избирательная кампания на Дальнем Востоке наглядно показала это: отсутствие информации обернулось политической апатией. Лишь в ряде крупных городов (Владивосток, Благовещенск) местные периодические издания пытались информировать читателей не только о самом ходе выборов, но и знакомить с будущими кандидатами, сообщать о позициях различных партий. При общей слабости и малочисленности партий в крае наибольшую активность проявили социал-демократы, пытавшиеся организовать агитацию в поддержку своих кандидатов. Однако им осуществить это в полной мере не удалось. Особенностью дальневосточных выборов являлось отсутствие партийной ориентированности большинства населения.

Выборы в III Думу не стали заметным явлением в общественно-политической жизни края. Общественное мнение фактически сформировано не было. Но, несмотря на все сложности и недостатки, выборы состоялись. Таким образом, далекая окраина постепенно начинала вовлекаться в политическую жизнь страны.

Список литературы

1. Белов С.А. Выборы в члены Государственной Думы Российской империи (1905-1912 гг.) // Ленинградский юрид. журн. – № 3.
2. Далёкая окраина. – 1907.
3. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма. (XVII в.- февраль 1917 г.) / под ред. А.И. Крушанова. – М., 1991.

4. Политическая история. Россия – СССР – Российская Федерация. – Т. 1. – М., 1996.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. – Т. XV. – № 26672, 27029.
6. Приамурские ведомости. – 1907.
7. Пушкарёв С.Г. Обзор русской истории. – Ставрополь, 1993.
8. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 1. Д. 548.
9. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. – М., 1990.

УДК 94(47).084.3

ББК 63.3(2)611/612-33

И. А. Тропов^{*}

Местные советы в 1917–1920-е гг.: особенности структуры и деятельности

В статье рассматриваются основные этапы истории становления советов как местных органов власти в России в 1917 – 1920-х гг., раскрываются особенности их структуры и деятельности. Показано, что создание советов после Февральской революции 1917 г. происходило как по инициативе народных масс, так и при поддержке депутатов Государственной думы, а также руководства местных городских дум и земских органов. Показана особая роль мятежа Л.Г. Корнилова в укреплении власти советов. Особое внимание уделяется изменениям политической роли советов после прихода к власти большевиков. Проанализированы факторы, способствовавшие усилению исполнительных советских органов по отношению к представительным, показано, что политика «оживления советов» в середине 20-х гг. на практике означала установление прямого регулирующего воздействия партийных органов на советы.

The article discusses the main stages of history of the Soviets as local authorities in Russia in 1917 - 1920-s., also features of their structure and activity are revealed. The author shows that after the February Revolution of 1917 the establishment of the Soviets occurred on the initiative of the masses, and with the support of the State Duma, as well as with the leadership of local urban dumas and

^{*} **Тропов Игорь Анатольевич**, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

zemstvo's bodies. The special role of the L.G. Kornilov's rebellion in strengthening the power of the Soviets is shown. Particular attention is paid to changes in the political role of the Soviets after the Bolsheviks came to power. The article analyzes the factors that contributed to the strengthening of executive Soviet authorities in relation to the representative authorities, shows that the policy of «reviving the Soviets» in the mid 20-ies in practice has meant the establishment of a direct regulatory impact on the Soviets of the party.

Ключевые слова: советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; съезды советов; исполкомы советов; Временный комитет Государственной думы; Временное правительство; комиссары; партийные комитеты; «оживление советов».

Key words: Soviets of workers' and peasants' delegates; congress of Soviets; Soviet's executive committee, Interim Committee of the State Duma, provisional government; commissars, Party committee, «reviving the Soviets»

Становление системы советов в России началось в конце февраля – начале марта 1917 г. и происходило весьма интенсивно и практически сразу на всех уровнях. В это время происходили кардинальные изменения в системе государственной власти в целом как в центре, так и на местах. Временное правительство Г.Е. Львова постановило упразднить фактически парализованный, не пользовавшийся никаким авторитетом в народе после падения самодержавия местный административно-полицейский аппарат (это коснулось, в частности, должностей губернаторов и вице-губернаторов, корпуса жандармов и полиции) [16, с. 419–420]. Вместо ликвидируемых «сверху» и «снизу» административных учреждений создавались новые органы власти. Часть из них возникла по инициативе Временного правительства (например, уездные и губернские комиссары), другая часть сформировалась независимо от него. К последней, создаваемой «снизу» категории, и относились советы. Памятуя о том, что первый общегородской Совет рабочих депутатов (Совет уполномоченных) возник в России еще в ходе Иваново-Вознесенской стачки в мае 1905 г., можно было бы говорить не о создании, а о восстановлении советов в указанное время. Но опыт «советского строительства» в революции 1905–1907 гг. был еще не столь распространенным по сравнению с 1917 г., да и не столь про-

должительным. Если говорить не об отдельных, локально действовавших органах, а о *системе* Советов, то она, несомненно, стала формироваться в России именно с конца февраля 1917 г.

Причины возникновения Советов, их цели и политическую природу весьма точно охарактеризовал еще летом 1917 г. в одной из своих статей А.А. Богданов. Отмечая, что Советы есть «учреждение революционно-правовое, а не государственно-правовое», он пояснял, что они представляют собой «органы революционной борьбы, орудие движения революции...» [1, с. 344–345]. Советы, по признанию как сторонников их, так и противников, были особой формой проявления общинного характера русского народа, они были продуктом «самобытного народного творчества» и в этом своем качестве являлись близкими, понятными или, проще говоря, «своими» органами власти для него [11, с. 382]. Именно с целью *самим* закрепить, защитить достигнутое и обеспечить решение новых революционных задач местное население приступало к созданию *своих* губернских, уездных и волостных советов, действовавших автономно от правительственных учреждений.

Становление этой системы имело ряд своих особенностей. Это, во-первых, высокая интенсивность создания прежде всего советов рабочих и солдатских депутатов. По мере получения сообщений (как официальных, так и неофициальных) о победе революции в столице и о деятельности Временного комитета Государственной Думы и Петросовета в губернских и уездных центрах формировались местные Советы. Только за одну неделю – с 27 февраля до 5 марта 1917 г. – советы рабочих и солдатских депутатов возникли более чем в тридцати крупных городах России. Так, в Новгородской губернии 2 марта 1917 г. по инициативе солдат 177 запасного пехотного полка было объявлено о формировании полкового совета солдатских депутатов. Чуть позже аналогичные органы сформировались и в других полках. 14 апреля был создан Новгородский губернский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Несколько ранее – 4 марта – совет рабочих и солдатских депутатов был образован в Псковской губернии. Вслед за губернскими были созданы советы и в уездных городах. К концу марта в провинции

существовало 242 совета рабочих депутатов [13, с. 668]. Создание новых органов не было сугубо стихийным явлением. Многие из них избирались на общезаводских и на цеховых митингах, часто с участием солдат либо местного гарнизона, либо вернувшихся с фронта. Нередко советы формировались при непосредственном участии органов местного самоуправления – земств и городских дум. Определенную организационную помощь местные советы получали в ряде случаев от приезжавших из Петрограда депутатов IV Государственной Думы. Так, на первом же заседании Московского совета рабочих депутатов 1 марта 1917 г. с разъяснением особенностей политической ситуации и положения в Петрограде выступил комиссар Временного комитета Государственной думы кадет М.М. Новиков. А направленный в начале марта в Саратовскую губернию депутат Думы М.Х. Готовицкий вынужден был задержаться дольше запланированного срока в городе Камышине по просьбе местного совета солдатских депутатов, «дабы не оставить города в положении безвластия» [14, с. 394–396]. Следует особо отметить, что советы создавались, как правило, не в пику Временному правительству и его местным представителям, а с целью придать организованность революционному движению, обеспечить условия, при которых будущее Учредительное собрание установит новый социально-экономический и государственный строй в интересах трудящегося населения. Так, например, полковой совет 179 запасного пехотного полка (Новгородская губерния) на одном из своих заседаний в апреле 1917 г. постановил: «... признать необходимым в сотрудничестве со всеми полками бригады организовать самую широкую пропаганду демократических идей среди населения Новгородской губернии для подготовки к выборам в Учредительное собрание» и «в целях успеха пропаганды организовать Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов в Новгороде и привлечь к работе местные культурные силы: кооперативы, учителей и пр.» [18, 35–36].

В начальный период создавались главным образом советы рабочих и солдатских депутатов (иногда существовавшие отдельно друг от друга, как, например, в Москве, Новгороде и др., иногда – объединенные, как, например, в Петрограде, Кронштадте, Пскове и

др.). Крестьянство, особенно остро переживавшее в первое время после падения монархии «радость нового и боязнь расстаться со старым, чувство освобождения и сомнения в способности понять и принять новую жизнь», практически не участвовало в создании советов [7, с. 89]. Руководство советами в центре и на местах осуществляли меньшевики и эсеры. Типичным примером для провинции можно считать состав и политическую линию Псковского совета солдатских и рабочих депутатов. Из 26 членов Исполкома только двое были большевиками, остальные – меньшевиками и эсерами. На одном из своих заседаний в конце марта 1917 г. депутаты Псковского совета выразили полную поддержку Временному правительству, которому, по их мнению, должна принадлежать вся полнота власти в стране, а также высказались за продолжение войны [8, с. 482]. Большевистскими (или с преобладанием большевиков) были лишь около 11 % всех существовавших в марте 1917 г. советов рабочих депутатов [13, с. 679].

Изменения в системе местных советов происходили достаточно быстро. Прежде всего, росла их численность и степень организованности. Важнейшими вехами на пути к их объединению в масштабах всей страны стали состоявшиеся в Петрограде Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов (29 марта – 3 апреля 1917 г.), I Всероссийский съезд крестьянских депутатов (4–28 мая), а также I Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов (3–24 июня). Состав первого из названных выше форумов свидетельствовал о несомненных успехах в создании советской системы в стране: 470 делегатов представляли 185 организаций, в том числе 139 советов рабочих и солдатских депутатов. В списке городов, получивших от Бюро Исполкома Петросовета приглашения делегировать своих представителей на совещание, вместо изначально запланированных 50 городов оказалось 82 [3, с. 16, 28]. Большинство участников совещания поддержало изложенные в докладах И.Г. Церетели и Ю.М. Стеклова идеи «революционного оборончества» и условной поддержки Временного правительства, но на этом фоне особенно ярко проявлялись речи их политических оппонентов, предлагавших, в частности, создать коалиционное

Временное правительство из представителей трех социальных групп: рабочих, революционных солдат и крестьянства [3, с. 126].

Состоявшиеся в мае – июне Всероссийские съезды советов выявили и объединили сотни местных советов (так, на съезде советов рабочих и солдатских депутатов присутствовало 1090 чел., представлявших 400 организаций). Были избраны Центральный исполнительный комитет (ЦИК) Советов крестьянских депутатов (председатель Н.Д. Авксентьев) и Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) Советов рабочих и солдатских депутатов (председатель Н.С. Чхеидзе). В решении всех текущих политических вопросов и в политических выступлениях оба высших органа действовали совместно.

Съезды не только знаменовали собой создание единой общероссийской советской системы, подготовка к ним благоприятно сказалась на объединении советов и на региональном уровне. Так, например, 16–21 апреля в Пскове проходил I съезд советов Северо-Западной области и тыловых частей Северного фронта. В его работе приняли участие представители советов Новгородской, Псковской, Витебской губерний, Прибалтики, ряда уездов Петроградской и Тверской губерний, а также солдаты из гарнизонов Вышнего Волочка, Ржева и Торжка. На I съезде был избран руководящий орган – Верховный совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Северо-Западной области и Северного фронта (Верхосев), а на II съезде (20–26 мая) был избран его Исполком (Искоборсев), в котором по-прежнему преобладали меньшевики и эсеры [8, с. 487–489]. Примерно в то же время происходило объединение советов и в других местностях: например, Московская областная конференция советов рабочих и солдатских депутатов состоялась 25–27 марта, съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири проходил в Иркутске 7–10 апреля и т. д.

Вопреки распространенному мнению о завершении «двоевластия» после предоставления 9 июля 1917 г. ВЦИКом Временному правительству «неограниченных полномочий» следует подчеркнуть, что на местах советы в большинстве своем не превратились в органы «соглашательства с буржуазией». Напротив, постепенно возрас-

тала их радикальность как в отношении состава, так и деятельности. Ленин имел все основания заявлять, что «после июльских дней большинство народа стало быстро переходить на сторону большевиков» [10. т. 34, с. 399].

Особую роль в становлении советской системы сыграл мятеж генерала Л.Г. Корнилова в конце августа 1917 г. В условиях острого кризиса из всех местных органов именно советы стали настоящей революционной, эффективно действующей властью: «Они приводили в боевую готовность воинские части, брали в свои руки средства связи, переподчиняли себе вооруженные силы на местах и энергично подавляли открытые очаги реакции» [4, с. 15]. Провал корниловщины привел к кризису соглашательской политики эсеров и меньшевиков и к закономерной большевизации советов. Не менее важным обстоятельством было также то, что советы, а также возникшие в период корниловщины «комитеты спасения революции» прочно удерживали реальную власть в своих руках и после ареста Корнилова. Обращения руководства МВД к правительственным комиссарам с требованиями навести «законный порядок» и пресечь действия «революционных органов» [19. Л. 257–257 об.] оставались из-за слабости местной администрации большей частью нереализованными.

После свержения Временного правительства в октябре 1917 г. советы были официально объявлены полномочными органами власти в центре и на местах. В обращении НКВД «Об организации местного самоуправления» от 24 декабря 1917 г. Советы призывались смело и энергично брать в свои руки решение местных вопросов. В течение короткого периода времени Советы действительно были полномочными органами власти на местах. В одном из отчетов НКВД говорилось, что в первые послереволюционные месяцы «советская власть рассыпалась на целый ряд как бы независимых друг от друга губернских, уездных и даже волостных советских «республик»...» [9, с. 52]. Целый ряд вопросов, имевших общегосударственное значение, отдавался «на откуп» местным советским учреждениям. Однако это привело не к повышению эффективности

управления, а скорее, наоборот, имело негативные последствия. Это отчетливо видно на примере положения государственной статистики. На состоявшемся в декабре 1917 г. съезде статистиков делегаты отмечали, что советы считают организацию местных статбюро делом «совершенно второстепенным», средств на это не выделяют, а в некоторых случаях статистика вообще находится «в большом загоне у местного совдепа» [17. Л. 22, 27, 87].

Уже с января 1918 г. началась работа по унификации структуры местных советских органов. В специальной инструкции НКВД советам предписывалось создавать при своих исполкомах отделы в строгом соответствии с перечнем центральных наркоматов. А в декабре того же года вышло постановление Совета труда и обороны (СТО) «О точном и быстром исполнении распоряжений центральной власти и устранении канцелярской волокиты», согласно которому любые распоряжения местных советов, идущие вразрез с постановлениями центральной власти и препятствующие ее деятельности, подлежали отмене [12, с. 427, 430]. Эти меры свидетельствовали об отходе от сформулированного ранее В.И. Лениным принципа: «... Советы – отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы» [10. т. 35, с. 66]. Реальные властные полномочия с 1918 г. стали концентрироваться в руках высшего партийного руководства, что означало фактический крах идеи и практики относительной децентрализации системы местного управления.

Изменения коснулись и самих советов. На разных уровнях наблюдалось падение роли советских съездов и конференций, а принятие большинства решений переходило от этих представительных форумов к исполкомам советов или к их президиумам. Сами исполкомы, как справедливо отмечал В.А. Шишкин, также «оказались ограниченными в своих полномочиях, ибо построенное в годы Гражданской войны управление "по вертикали" привело к обособлению действий аппарата ряда отделов от своих губисполкомов (военного, ЧК, хозяйственных и т. д.), которые фактически работали под началом соответствующих центральных ведомств – комиссариатов, ВСНХ, ВЧК и даже финансировались ими» [19, с. 20].

Возрастание контроля над местными советами со стороны политического центра, а также усиление исполнительных советских органов по отношению к представительным было важным, но не окончательным шагом на пути к подчинению местных учреждений высшей партийно-государственной власти. Решение этой задачи достигалось путем установления надзора партийных органов над советскими. В годы Гражданской войны этот процесс лишь начинался, далеко не всегда и не везде принимая законченные формы. Так, например, секретарь Новгородского губкома РКП(б) в своем докладе на губернской партийной конференции в июле 1919 г. затруднился вспомнить, «какие указания давал губком советским органам», но отметил, что в основном им проводилось «смещение и назначение людей» [15, с. 202–203]. Речь идет о том, что по инициативе и под контролем большевиков происходило вытеснение из советов представителей небольшевистских партий и вообще всех «классово чуждых» пролетариату элементов и, напротив, расширялось число советских работников, состоявших в рядах РКП(б). В дальнейшем эти тенденции усиливались, в результате чего к концу 20-х годов среди высших руководящих работников районных, областных и окружных исполкомов Советов подавляющее большинство (от 72 до 81 %) принадлежали к правящей партии [5, с. 65].

Перспективы наметившихся в годы гражданской войны изменений достаточно четко отразил Н. Осинский (В.В. Оболенский). В своем выступлении на VIII съезде РКП(б) он заявил, что «у нас усиленным образом развивается покровительство близким людям, протекционизм, а параллельно – злоупотребления, взяточничество» [2, с. 265]. «Конечная тенденция идет к тому, – отмечал он, выступая на IX съезде партии, – чтобы ввести единоличное управление во всех звеньях советского аппарата. Это означает, что ... мы рухнем под тяжестью бюрократии» [6, с. 106–107]. Однако данные предостережения не были услышаны высшим партийным руководством да и подавляющим большинством делегатов были встречены крайне сдержанно, что свидетельствует о вполне сознательном выхолащивании партийными «верхами» демократической сущности советской

системы. Для руководства страны наиболее важной задачей в условиях эскалации Гражданской войны являлось укрепление вертикали власти, установление жесткой дисциплины и подконтрольности действий местной власти. Проблемы же бюрократизации государственного аппарата должны были «отмереть» вместе с отмиранием государства.

В середине 1920-х гг. в области «советского строительства» политическое руководство страны стремилось окончательно превратить советы в технический аппарат, подчиненный партийным директивам и одновременно провести классовую «чистку» их состава в преддверии индустриализации и коллективизации. Парадоксальным образом эта деятельность проходила под лозунгом «оживления» советов. Декларировались цели политической изоляции буржуазных элементов, укрепления союза рабочих и трудящихся крестьян, повышения роли советов в культурной и хозяйственной сферах. Внешним поводом к проведению этой политики стало падение к началу 1920-х гг. явки избирателей на выборы. «Оживление» советов в 20-е годы выразилось в принятии большого числа различных Положений, регламентирующих деятельность советов, в росте их количественного представительства при увеличении числа лиц, лишенных избирательных прав и, наконец, в проведении пере-выборов в советы, состав и политическая лояльность которых вызвали сомнения.

К концу 1920-х гг. высшая партийно-государственная власть, используя различные меры административного воздействия и политических репрессий, превратила советы в придаток бюрократической системы, сохраняя лишь видимость «советского парламентаризма». Существовавший ранее контроль со стороны партийных органов принимает во второй половине 20-х гг. характер подмены советских органов партийными, что нашло свое отражение и в номенклатурном принципе подбора и расстановки кадров, и в прямом регулирующем воздействии ВКП(б) на советские органы. Ключевым инструментом этого воздействия стали существовавшие в советах всех уровней фракции компартии, которые целиком под-

чинялись вышестоящим партийным органам и обязаны были проводить их решения в жизнь. За партийными комитетами согласно Уставам ВКП(б) закреплялось право назначения и отзыва как члена фракции, так и вообще любого советского служащего. Это свидетельствует о срастании к концу 20-х гг. советского и партийного аппаратов при формальной и фактической гегемонии последнего. Несмотря на все внешние признаки «оживления», Советы перестали быть сколько-нибудь самостоятельными политическими органами, послушно исполняя директивы ВКП(б). За ними сохранились лишь чисто формальные, «ритуальные» функции, связанные со стремлением высшего партийного руководства маскировать свою монополию на власть и обеспечивать хотя бы внешнее соблюдение норм и принципов, закрепленных в Конституции СССР 1924 г. Причины стремительной и неуклонной эволюции советов от органов «власти трудящихся» к органам «власти для трудящихся», а от них – к безвластным учреждениям, играющим роль дополнительного «технического аппарата» партии, исполняющего волю ее руководства, были многообразны. Они коренились в отказе от реализации ленинской идеи «государства-коммуны» в условиях экономической разрухи и политической борьбы после взятия власти большевиками и неизбежном возрождении традиционных для России бюрократических структур, в сознательном стремлении высшего руководства партии и государства к монополизации исполнительной и законодательной власти с целью укрепления своего политического господства и, наконец, в объективной кадрово-организационной и политической слабости местных советов, не способных в силу этого стать основой нового типа государственности.

Список литературы

1. Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. – М., 1990.
2. Восьмой съезд РКП(б): Стенографический отчет. – М.; Пг., 1919.
3. Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов: Стенографический отчет. – М., 1927.
4. Герасименко Г.А. Судьба демократической альтернативы в России 1917 года и роль ее лидеров // Вопр. истории. – 2005. – № 7.

5. Гимпельсон Е.Г. Руководящие советские кадры: 1917 – 1920-е годы // Отечественная история. – 2004. – № 6.
6. Девятый съезд РКП(б): Стенографический отчет. – М., 1920.
7. Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. – М., 1988.
8. Кокарев А.А. Установление Советской власти в Псковской губернии // Установление Сов. власти на местах в 1917–1918 гг.: сб. ст. Вып. 2 / под ред. Д.А. Чугаева. – М., 1959.
9. Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 – декабрь 1991 гг. – М., 1994.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч.
11. Малышева Е.П. Формирование и функционирование партийно-советской политической системы // Представительная власть в России: История и современность / под общ. ред. Л.К. Слиски. – М., 2004.
12. Малышева Е.П. Советский опыт администрирования // Административные реформы в России: история и современность / под общ. ред. Р.Н. Байгузина. – М., 2006.
13. Минц И.И. История Великого Октября: в 3 т. Т. 1. Свержение самодержавия в России. – М., 1977.
14. Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 г. – СПб., 2005.
15. Новгородская земля в эпоху социальных потрясений. 1918–1930 гг.: сб. док-тов: в 2 кн. Кн. 1. – СПб., 2006.
16. Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. – М., 1957.
17. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 1. Д. 16.
18. Установление Советской власти в Новгородской губернии (1917–1918 гг.): сб. док-тов и материалов. – Новгород, 1957.
19. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 8309. Оп. 1. Д. 23.
20. Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). – СПб., 1997.

Т. Ю. Бойкова *

**«Стать культурным»: досуг ленинградских рабочих
в конце 1920-х – 1930-е гг.**

В статье рассматриваются различные формы досуга ленинградских рабочих в годы предвоенных пятилеток. Анализируется роль библиотек, театров, музеев, кино, клубов, а также религии в повседневной жизни рабочих. Выявлено различное отношение партийно-государственной власти к этим формам досуга: если по поводу религиозных праздников власть занимала непримиримую позицию, то «светские» формы она пыталась ставить под свой контроль, влияя на их идеологическое содержание. Таким образом, показано противоречивое влияние различных форм досуга на общественное сознание рабочих: с одной стороны, они формировали культуру городских рабочих, а с другой – являлись инструментом трансляции политико-государственной идеологии среди рабочих.

This article discusses the various forms of leisure of Leningrad's workers during the pre-war five-year plans. We analyze the role of libraries, theaters, museums, cinemas, clubs, as well as religion in the daily life of workers. The article reveals a different attitude of the party-state power to these forms of entertainment: the power held the position of intransigent struggle to the religious holidays but it tried to put under its control «social» forms, affecting the ideological content of the various forms of leisure. Thus, the article shows contradictory effect of different forms of recreation on the public consciousness of the workers: on the one hand, they formed a culture of urban workers, and on the other hand they were a tool for broadcasting the political-state ideology among the workers.

Ключевые слова: культурная революция, культурно-просветительная деятельность, досуг, политизация досуга, рабочие, библиотеки, кинематограф, театры, клубы, религия, антирелигиозная пропаганда

Key words: cultural revolution, cultural and educational activity, leisure, leisure's politicization, workers, libraries, cinema, theatres, clubs, religion, antireligious propaganda.

* **Бойкова Татьяна Юрьевна**, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

«Стать культурным» – это одна из важнейших установок партийно-государственной власти СССР в послереволюционный период, обращенная к населению страны и нацеленная на формирование нового типа личности с присущим ему коммунистическим мировоззрением. Впрочем, смысл, «наполняемость» этого лозунга менялась на протяжении 20–30-х гг.

В последних письмах и статьях В.И. Ленина вопрос о «культурничестве» ставился наиболее широко. Речь шла об охвате культурным развитием «всей народной массы», о развитии «строга цивилизованных кооператоров», обеспечивающего «смычку» города и деревни и, наконец, о подготовке необходимых материальных условий, «ибо для того, чтобы быть культурным, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база» [13, с. 372–377].

К концу десятилетия идея культурной революции была незаметно сужена. По всем направлениям происходила дегуманизация культуры, культурно-просветительная деятельность заменялась агитационно-пропагандистской работой, элементарность содержания которой «неизбежно вела к схоластике и догматизму» [15, с. 51]. В то же самое время предвоенное десятилетие ознаменовалось и так называемым «великим отступлением» [26] в системе транслируемых обществу социокультурных установок. Основой исторической динамики «великого отступления» стало формирование специфической «амальгамы» из традиционной русской культуры, а также коммунистических идей и поведенческих образцов. Гораздо больше внимания, чем раньше, уделялось вопросам семейной жизни, профессиональной карьеры, классического образования. Происходили быстрые перемены в обиходе, вкусах, манерах, рождались образцы культурной жизни, имитировавшие некоторые черты стиля жизни образованных слоев дореволюционного общества. Словом, происходила известная «нормализация» повседневной жизни, возрождение некоторых традиций в новых исторических условиях.

Идеологическое воздействие в условиях формирования тоталитарного государства так или иначе затрагивало все слои общества. Но, пожалуй, основные усилия были направлены все же на форми-

рование общественного сознания городских рабочих. По мнению Шейлы Фицпатрик [20] наряду с базовым уровнем, который включал в себя грамотность, чтение газет и журналов, минимальную политическую осведомленность на уровне советских лозунгов, городские рабочие, в особенности их авангард (например, стахановцы) должны были освоить и другой уровень культуры – навыки поведения в публичных местах, дисциплинированность, эрудированность, знание коммунистической идеологии, большевистского языка и ритуалов.

Немалую роль в формировании этих культурных «доминант» сыграла организация досуга фабрично-заводских рабочих. Бесспорно, что объем, структура и содержание досуга являются показателями культурных ориентиров населения, во многом влияют на его ментальные представления и поведенческие реакции. Не случайно в обществах индустриального типа возник вопрос о регулировании досуга косвенным, но вполне цивилизованным путем – посредством законодательства о продолжительности рабочего дня. На юбилейной сессии ЦИК СССР, посвященной десятилетию Октябрьской революции (1927) был провозглашен переход на семичасовой рабочий день. Однако уменьшение продолжительности рабочего дня не привело к расширению досуга. Результаты проведенного в 1933 г. обследования свободного времени рабочих показали, что величина досуга в рабочей среде не возросла по сравнению с 1923 г. Мужчины отводили на развлечения и бездеятельный отдых, на учебу и самовоспитание примерно 4,5 часа в день, а женщины – 3,5 часа. При этом бездеятельный отдых стал занимать у молодых рабочих больше времени, чем у людей старших возрастов [11, с. 55]. Таким образом, правовые нормы не смогли окончательно решить проблему увеличения свободного времени в рабочей среде.

Каким же образом заполнялся досуг рабочих в 20–30-е гг.? Прежде всего большую роль в качестве центров идейно-политического просвещения и воспитания людей играли библиотеки – как центральные и районные, так и производственные (фабрично-заводские). Круг чтения для пролетарской среды в годы первых пятилеток определялся строгим нормированием литературы, в чем можно усматривать развитие наметившихся в 20-е гг. тенденций по-

литературы [25, с. 289–306]. Из обихода были изъяты книги не только оппозиционеров и эмигрантов, но и многие произведения классической русской и иностранной литературы. Вместо них рабочему предлагались новые нормы в области чтения, призванные воспитывать личность в коммунистическом духе. Классическая литература, которая была разрешена к переизданию, по словам заведующего издательством «Молодой гвардии» Н. Полянского, должна была квалифицироваться как произведения, «отражающие детство разных социальных групп» [6]. К таковым относились: «Детство» Л. Толстого, «Детство» М. Горького, «Детство Темы» Н. Гарина-Михайловского.

Особое место занимала литература «социалистического реализма». «Для нашей молодежи Пушкин и Лермонтов непонятны будут, – считала работница с фабрики «Красная нить». – Вот "Как закалялась сталь" – это другое дело» [18]. Не менее популярным был и другой рекомендованный к прочтению роман – «Мать», написанный М. Горьким. В систему пролетарской культуры книги входили преимущественно не как факторы интеллектуального развития личности, а как «орудие пропаганды коммунизма», как один из каналов формирования сознания «нового», советского человека.

С целью более широкого приобщения рабочих к чтению литературы фабрично-заводские библиотеки регулярно проводили в цехах, в «красных уголках» и в рабочих общежитиях «читки» политической и иногда художественной литературы, а также газет и журналов. Правда, эти мероприятия не всегда были рассчитаны на уровень понимания рабочих. «Я долгое время считала, что слово "бдительность" означает "плохо", – жаловалась одна из работниц [18]. Тем не менее «громкие читальни» были весьма эффективным способом вовлечения наиболее отсталых рабочих в «политпросветработу».

В целом за годы первых предвоенных пятилеток количество читателей в фабрично-заводских библиотеках заметно возросло. Если в первой половине 20-х гг. крупной можно было считать клубную или фабрично-заводскую библиотеку, насчитывавшую 20 тыс. книг и 500 читателей [25: 289], то в конце 20-х – 30-е гг. ситуация изменилась. Так, библиотека Балтийского завода в Ленинграде имела в

1936 г. 6 тыс. активных читателей и выдала за год более 170 тыс. книг. На «Большевичке» количество читателей в том же году было еще большим, составляя примерно 8 тыс. человек [21, Л. 55]. Кроме того, рабочих обслуживали 2240 передвижных профсоюзных библиотек, а на 190 небольших предприятиях открылись филиалы библиотек [21, Л. 30].

Особым спросом на предприятиях пользовались газеты и журналы. Перепись 1929 г показала, что из 10 металлистов Ленинграда 9 регулярно читали газету. В августе 1936 г. на фабрике «Равенство» на 2400 рабочих выписывалось 1900 газет (включая многотиражную фабричную газету), 206 журналов [22, Л. 7], причем спрос полностью удовлетворен не был из-за ограниченной подписки на ряд изданий. Помимо центральных газет, большой популярностью у рабочих пользовались многотиражные газеты. Если в 1929 г. выходило 140 многотиражек, то в 1935 г. – уже 248 наименований газет. Фабрично-заводские газеты освещали все вопросы жизни и трудовой деятельности рабочих, чутко откликались на актуальные проблемы. На страницах заводских многотиражек печатались заметки самих рабочих с предложениями, замечаниями, откликами на то или иное событие. В многотиражных газетах существовали специальные разделы, освещающие определенные стороны жизни предприятия и рабочих, их трудовые будни и досуг.

Традиционными для досуга рабочих стали походы в кино. По данным проведенного опроса в Ленинграде в 1929 г. регулярно смотрели кинокартины 96 % юношей и 91 % девушек. Причем революционные фильмы предпочитало 50% опрошенных, «душещипательные» – 30 %, «трюковые» – 20 % [4, с. 34]. Рабочие считали кино наиболее притягательной формой развлечений, предпочитая походы в кинотеатры гостевому общению, клубным вечеринкам, танцам. Советское киноискусство быстро развивалось. В годы первых пятилеток отечественные фильмы почти полностью вытеснили зарубежные. В Ленинграде осенью 1933 г. демонстрировалось 34 кинокартины, из них 29 советского производства [19, с. 155]. Западные фильмы были большой редкостью.

Органы государственной власти возлагали на кинематограф большие надежды. Он должен был способствовать укреплению советской идеологии в сознании рабочих, «организовывать мысли и чувства зрителя в нужном пролетариату направлении», способствовать углублению «классового самосознания рабочих» [7, с. 169]. Впрочем, не следует думать, что политизация киноискусства происходила исключительно под давлением партийно-государственной власти. В кинематографе, как и в других областях, находились люди, формулировавшие идеи, принципы и подходы, созвучные интересам власти. Так, например, во время работы Всесоюзного партийного совещания по вопросам кино, проходившего в Москве в марте 1928 г., среди его участников было распространено письмо группы известных режиссеров (Г.В. Александрова, С.М. Эйзенштейна, Г.М. Козинцева и др.). Видные кинематографисты сетовали на отсутствие «твердой идеологической диктатуры» и призывали создать при Агитпропе ЦК ВКП(б) особый орган, ставящий «исчерпывающие задания политического и культурного порядка» [3, с. 14–15].

Кинематография превращалась, говоря языком упомянутого выше партийного совещания, в «киноучасток культурного фронта», становилась одним из важных инструментов формирования общественного сознания рабочих. В целях наиболее полной реализации задач идейно-политического воспитания трудящихся масс с конца 20-х гг. при местных комитетах комсомола стали создаваться «киногруппы» из представителей рабочих. В их задачу входила организация на заводах и фабриках киноконференций, чтение и критический разбор киносценариев [24, л. 58]. Тем самым под видом «повышения культуры» рабочих масс обеспечивался контроль за кинорепертуаром, «правильное» с идеологической точки зрения отношение рабочих к кинофильмам и пропагандируемым в них идеям. К концу 30-х гг. просмотры кинокартин уже являлись нормой проведения досуга городских рабочих.

Одной из доминант в культурной политике 30-х гг. был театр. Важную роль в приобщении рабочих к театральному искусству сыграл существовавший в 1925–1932 гг. Театр рабочей молодежи (ТРАМ). Его ярко выраженная политизированность составляла осо-

бую гордость создателей ТРАМа. Один из руководителей «трамвского» движения М. Соколовский заявлял следующее: «Мы меньше всего театр, мы больше всего группа энтузиастов, группа комсомольцев, строителей новой жизни, нового быта, но все-таки это строительство проводим мы через театр, средствами театра... Для нас, трамвских работников, нет театральной правды, для нас существует классовая правда» [23, Л. 10, 15]. В своих постановках ТРАМ уделял большое внимание общественно-политическим и экономическим вопросам: он пропагандировал социалистическое соревнование, выполнение и перевыполнение пятилетнего плана, борьбу с «разложившимися» партийными функционерами.

Отношения рабочего с театральным искусством не были простыми. «Говорить о какой-то разборчивости и особых пристрастиях рабочего-театрала не приходится», – пишет о ситуации начала 20-х гг. С.В. Яров [25, с. 319–320]. Ситуация не претерпела каких-либо качественных изменений и в дальнейшем. Рабочие довольно редко посещали театры: например, в 1928 г. в Ленинграде рабочие составляли лишь 20% от числа посетителей театров [19, с. 119]. Пытаясь приобщить рабочие массы к театру, власти достаточно часто организовывали культпоходы, передовикам производства билеты предоставлялись почти бесплатно и в первую очередь. Рабочие приходили с семьями, в сопровождении духового оркестра. После просмотра пьесы на заводских и фабричных собраниях устраивались обсуждения увиденного, на которых рабочим предлагалось высказывать свое мнение о постановке пьесы, об актерах и сюжете.

В отличие от клубных и фабрично-заводских театров с их революционно-пролетарскими пьесами, больше напоминавшими «агитки», академические театры так и не стали центром массового проведения досуга для городских рабочих. Рядовых рабочих, пришедших в театр по собственной инициативе, практически не было. Останавливали их не только цены на билеты и отсутствие соответствующей одежды. Походы в театр воспринимались чаще всего не как развлекательное мероприятие, а как норма жизни для привилегированных и более образованных слоев советского общества. Те-

атральный зал представлял собой своеобразный слепок советского общества: «Зал заполнялся в соответствии с социальной иерархией советского общества. В царской ложе сидят местные партийные боссы, на балконах толпятся колхозники, инженеры, чиновники и, наконец, стахановцы, самые шумные, болтливые и фанатичные сторонники режима, их очень много, это горячечные, одержимые..., кажется, остальные присутствующие в зале их не очень-то жалуют» [17, с. 108].

Далеко не традиционной формой проведения досуга в рабочей среде оставалось посещение музеев. Стремясь упрочить связи с рабочими, идти навстречу их запросам, сотрудники музеев специально выясняли отношения посетителей к экспозициям с помощью анкетирования, проводились специальные наблюдения в залах за реакцией посетителей на те или иные произведения. Многие музеи принимали шефство над предприятиями. Так, например, Эрмитаж шефствовал над заводом «Электросила», широкие связи у музея были установлены с такими крупными предприятиями Ленинграда, как «Красный треугольник», «Светлана», «Большевик», Сестрорецкий завод, фабрика им. Синицына. Сотрудники Эрмитажа читали для рабочих лекции, которые, подобно многим другим мероприятиям, проводимым в годы первых пятилеток, носили политизированный характер. Среди лекций, прочитанных сотрудниками «Эрмитажа» на предприятиях города, особой популярностью у рабочих пользовались вовсе не лекции об экспозициях музея, а такие как «Великий пост, евангельские рассказы и второй большевистский сев» или «Воскресающие боги и происхождение Пасхи» [19, с. 172]. Многие музеи города практиковали и выездные выставки для рабочих, которые размещались в Домах культуры. Так в начале 1931 г. в Московско-Нарвском ДК демонстрировалась выставка «Папство и крестовые походы». Однако приобщить рабочих к посещению музеев так и не удалось. Подтверждением этому могут служить сведения о посетителях Эрмитажа, среди которых рабочие составляли лишь 22,1 % от общего числа [19, с. 173].

Излюбленными формами проведения досуга в рабочей среде были посещения клубов, особенно в зимнее время, когда «экскурсии

закончились, пригороды притихли, сады, парки, площадки опустели, смолкли» [14]. В клубах часто проводились семейные вечера, читались лекции, работали различные кружки. «Напротив нашего завода был такой клуб, назывался клуб Орлова. Он "Светлане" принадлежал, – вспоминал А.А. Валяшкин, – ... там была всякая спортивная и культмассовая работа. Там был, с одной стороны, спортивный зал, с другой стороны зрительный зал. Они частенько приглашали туда, вот лекция какая-нибудь хорошая, с удовольствием шли... Там все время были выездные спектакли, и мы все ходили. Там билеты были недорогие» [16, с. 30–31].

Очень популярными в рабочей среде в годы предвоенных пятилеток были танцы – на летних танцплощадках и в клубах. Танцевать учились в кружках, а чаще всего – друг у друга. «...Наша жизнь была веселее, – вспоминала Е.И. Правдина, – ходили в клубы, на танчики ходили. У нас были такие плавные бальные танцы хорошие. Фокстроты. Пойдешь сам научишься. Конечно, вначале стеснялись, но ничего – научишься, и очень хорошо» [16, с. 81].

Но не всегда рабочие были довольны работой клуба. Во многие клубы «взрослые рабочие» не ходили, и о причинах этого сообщали следующее: «а что в нем толку-то? Вечные танцы и хулиганские драки. Того и гляди, что тебе голову сломают» [10]. В некоторых клубах было очень тесно – «кружок на кружке», «не только что сидеть, но и стоять негде». «Получается бестолочь», «сходишь раз-другой, да и потом все проклянешь» [14].

Из-за плохой организации клубной работы многие рабочие по выходным и в дни отдыха собирались на квартирах. Например, рабочий «Путиловца» Соколов писал в «Ленинградскую правду»: «Нарвская застава по субботам превращается в сплошную вечеруху на квартирах. На таких вечерухах: духота... шум, гомон, пьют, танцуют, потом драка, а в конце драки – карета скорой помощи. На "Путиловце" настоящий клубный голод» [14].

Популярными в рабочей среде были также и спортивные развлечения. «Обеденный перерыв был час, – вспоминал рабочий завода им. Энгельса А.А. Валяшкин, – ...примерно за полчаса успевали все пообедать, а полчаса на какие-то или культурные ме-

роприятия, или волейбол, между цехами соревнования» [16, с. 29]. Иногда всей бригадой рабочие выезжали на природу за город. «Так интересно было. Зимой кросс в выходной день. Ездили за город всей бригадой. Очень интересно» [16, с. 78].

Не последнюю роль в жизни человека в дореволюционный период играла религия. Новая государственность с первых дней своего существования проявила свою атеистическую направленность. Отделение церкви от государства влекло за собой резкое сокращение сферы ее мировоззренческо-нормализующего влияния на население. Форсированная сталинская индустриализация предполагала быстрое создание «индустриального менталитета», в формировании которого важную роль должна была сыграть промышленная дисциплина. Настоящий промышленный рабочий должен был в первую очередь стать атеистом. Свою главную задачу руководство страны видело в отстранении церкви от участия в повседневной жизни населения. 24 января 1929 г. в письме ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» подчеркивалось: «Партийным комитетам и исполкомам необходимо поставить вопрос об использовании ЗАКсов в целях борьбы с поповщиной, церковными обрядами и пережитками старого быта» [5, с. 37].

Но антирелигиозная пропаганда и борьба с «поповщиной» иногда лишь скользила по поверхности, не затрагивая повседневную жизнь рабочих. Прежде всего, верующими в рабочей среде были «новые рабочие», вчерашние крестьяне. Хотя антиклерикальные настроения в деревне при Советах возросли, все же среди сельского населения еще велика была доля лиц, сохранявших бытовую религиозность. Боязнь трудностей, которые испытывал сельский житель, попавший в большой город, способствовала усилению его интереса к церкви. Среди квалифицированных рабочих крупных предприятий верующие встречались весьма редко, чаще это были люди старшего поколения, особенно неквалифицированные и малограмотные работницы. В ряде случаев при переезде крестьян в Ленинград их религиозность в первое время даже возрастала. Происходило это по следующей причине. В 20–30-е гг. влияние духовенства в деревне было в значительной мере подорвано. Многие

верующие из среднего и старшего поколения по 10–15 лет не бывали в церкви и стали отвыкать от обрядности и канонов. В Ленинграде же им предоставлялась возможность посещать действующие храмы. Их величественная архитектура, хоры, внутреннее убранство и известный профессионализм священников производил на малокультурных людей сильное эмоциональное воздействие. Пожилая крестьянка, жена рабочего, впервые приехавшая в Ленинград и посетившая службу в Никольском Морском соборе, говорила, что она «будто в раю побыла» [1, с. 36]. У некоторых рабочих в квартирах висели иконы, лампы, часть рабочих совершали молитвы прямо в квартире. А на вопрос: зачем им это, они отвечали: «Когда горят лампы, то как-то уютнее делается в квартире», «иконы нам не мешают» [8]. Эти «пережитки» прошлого постоянно осуждались не только на заводских собраниях, но и в рабочей прессе. «Есть у нас такие партийцы, как, например, в Кузнечном цехе один товарищ, – сообщала одна многотиражная газета, – который действует и направо и налево: в партии хочу быть и бога жаль забыть» [9].

Особенно религиозные настроения были сильны в дни религиозных праздников: накануне Пасхи, Рождества и др. Об этом свидетельствовали и факты нарушения трудовой дисциплины в эти дни. Все это говорило о необходимости проведения воспитательной работы среди рабочих – выходцев из деревни. И такая работа проводилась. На предприятиях для рабочих читались антирелигиозные лекции, на страницах многотиражных и центральных газет печатались статьи антирелигиозной направленности.

Одной из мер, предпринятых властями в наступлении на религию, была замена религиозных праздников на революционные. Так Преображение 6 августа 1929 г. был заменен на праздник Первого дня индустриализации. В этот день рабочим предлагалось выйти на работу. Эта кампания широко пропагандировалась в периодической печати.

Для отвлечения рабочих от посещения церкви в дни крупных религиозных праздников в конце 20-х – 30-е гг. возобновились карнавалы и красочные шествия, которые проводились в клубах предприятий. Эти праздники носили атеистическую направленность.

Например, в 1930 г. массовое шумное веселье проходило на крупном ленинградском заводе «Красный путиловец» с целью отвлечь рабочих от походов в церковь на Пасху [12, с. 134].

Однако эффективность подобных мер была не велика. Значительно более действенной оказалась реформа рабочей недели. Согласно постановлению Совнаркома СССР от 24 сентября 1929 г. вся страна в связи с принятым правительственным курсом на форсированную индустриализацию перешла на непрерывную пятидневную рабочую неделю: пять дней рабочих, шестой – выходной. При этом дни отдыха на разных предприятиях не совпадали. При увеличении выходных сократилось число праздничных дней, а религиозные праздники исчезли из календаря вообще. Таким образом, нарушение традиционного трудового ритма, устоявшейся периодичности будней и праздников, связанный с пятилетками, повлекло за собой удаление религиозных торжеств из жизни рабочих. Свидетельством этого может служить анализ анкет «Автобиографий безбожников», проведенный И.Н. Дониной. Так, на вопрос о причине отхода от совершения религиозных обрядов большинство респондентов отвечало: «Даже не успеваю отдохнуть, не говоря уже о церкви» или «в церковь не хожу, так как восемь часов работаю, а остальное время провожу за работой дома» [2, с. 62,65].

Свою роль в пропаганде атеистических идей играли и «безбожные ударные бригады». Это были трудовые коллективы, члены которых считали необходимым демонстрировать не только пример высокопроизводительной работы, но и образцы новых форм жизни, в число которых обязательно входило декларирование своего неверия. Члены «безбожных бригад» проявляли свое крайне отрицательное отношение к формам обыденной религии. Они возглавляли кампании по снятию икон в домах рабочих, рейды которых проходили на многих предприятиях города.

Итак, формы проведения досуга в рабочей среде в конце 20-х – 30-е гг. были весьма разнообразными. На развитие этих форм влияли разные обстоятельства: с одной стороны, интересы, традиционные воззрения, уровень образованности рабочих, а с другой – интересы партийно-государственной власти. Библиотеки и музеи,

театры и кино, а также многие другие формы проведения досуга удовлетворяли потребности городских рабочих в отдыхе и развлечениях, способствовали их культурному росту. В то же время они активно политизировались под нажимом партийно-государственных структур и при деятельном участии части интеллигенции, готовой обслуживать политико-идеологические требования власти. Все это позволяет говорить о наличии в конце 20-х – 30-е гг. симбиоза выполняемых учреждениями досуга функций – социокультурных и политических при очевидном приоритете последних.

Список литературы

1. Дзенискевич А.Р. Рабочие Ленинграда накануне Великой Отечественной войны. 1938 – июнь 1941. – Л., 1983.
2. Дони́на И.Н. Автобиографии безбожников как вид массового источника по социальной психологии рубежа 1920–1930х гг. // Клио. – 1998 – № 3(6).
3. Искусство кино. – 1964. – № 4.
4. Каган А.Г. Молодежь после гудка. – Л., 1929.
5. Кашеваров А.Н. Государство и церковь: Из истории взаимоотношений советской власти и русской православной церкви 1917–1945 гг. – СПб., 1995.
6. Комсомольская правда. – 1934. – 11 декабря.
7. КПСС о культуре, просвещении и науке. – М., 1963.
8. Красный железнодорожник. – 1928. – 18 дек.
9. Красный железнодорожник. – 1928. – 20 дек.
10. Красный железнодорожник. – 1929. – 31 июл.
11. Лебедев-Патрейко В.И. Бюджет времени рабочей семьи. – Л., 1933.
12. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920/1930 годы. – СПб., 1999.
13. Ленин В.И. Полн. соб. соч. – Т. 45.
14. Ленинградская правда. – 1928. – 4 октября.
15. Маслов Н.Н. Об утверждении идеологии сталинизма // История и сталинизм / сост. А.Н. Мерцалов. – М., 1991.
16. На корме времени. Интервью с ленинградцами 1930-х годов / сост. М. Витуховская. – СПб., 2000.
17. Селин Л.-Ф. Безделицы для погрома // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. – Вып. 2. – М.; СПб., 1995.
18. Смена. – 1936. – 10 фев.
19. Степанов З.В. Культурная жизнь Ленинграда 20-х – начала 30-х гг. – Л., 1976.

20. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: Город. – М., 2001.
21. Центральный государственный архив историко-политических документов (ЦГА ИПД). Ф. 25. Оп. 8. Д. 13.
22. ЦГА ИПД. Ф.25. Оп. 10. Д. 42.
23. ЦГА ИПД. Ф. К-598. Оп. 2. Д. 107.
24. ЦГА ИПД. Ф. К-598. Оп. 2. Д. 118.
25. Яров С.В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х годов. – СПб., 2006.
26. Timashev N. The Great Refreat: The growth and decline of communism in Russia. – New York, 1946.

УДК 94(47).084.9

ББК 63.3(2)632/633-2

О. В. Капустина *

**К вопросу об образе жизни советских пенсионеров
в 1950–1980 гг. XX в. (на основе анализа произведений
советских поэтов и «политических» анекдотов)**

В статье проанализированы поэтические характеристики советских пенсионеров и советские «политические» анекдоты, персонажами которых являются пожилые люди. Исследование данных исторических источников позволило автору определить основные составляющие их образа жизни.

The article analyzes the poetic characteristics of Soviet pensioners and Soviet «political» jokes, where the characters are older people. The study of historical data sources has allowed the author to identify the main components of their lifestyle.

Ключевые слова: пенсионеры, пенсия, образ жизни, советская система, анекдоты, контент-анализ, социальные роли, внешний вид.

Key words: pensioners, pension, lifestyle, the Soviet system, jokes, content analysis, social roles, appearance.

* **Капустина Ольга Владимировна**, соискатель, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

Образ жизни – это совокупность норм и правил поведения людей в обыденной жизни, в нем находят свое отражение отношение человека к труду и быту, к общественной жизни, формы удовлетворения их материальных и духовных потребностей людей. На образ жизни граждан любого государства большое влияние оказывает общественно-политический строй, который в свою очередь определяет экономическое положение, культуру и мировоззрение. Задачи советского социального обеспечения были высокогуманными: на каждом съезде Коммунистической партии говорилось о необходимости увеличения количества средств на выплату пенсий, повышения средней заработной платы рабочих и доходов колхозников, из которых могла бы быть рассчитана пенсия. Постановления ВЦСПС и Совмина предполагали постоянное улучшение обеспечения ветеранов и инвалидов средствами передвижения и протезно-ортопедическими изделиями, лекарственными средствами и санаторно-курортными путевками, а также расширение сети домов-интернатов и создание в них благоприятных, приближенных к домашним условий жизни. Планы партии и правительства в области пенсионного обеспечения нашли свое отражение «Законе СССР о государственных пенсиях» [16, ст. 617], принятом Верховным Советом СССР 14 июля 1956 г. и «Законе СССР о пенсиях и пособиях членам колхозов» [17, ст. 340], принятом Верховным Советом СССР 15 июля 1964, которые действовали до момента распада Советского Союза. За время существования этих законов число пенсионеров Советском Союзе выросло с 18 млн в 1957 г. [14, с. 6] до 61,2 млн чел. в начале 1991 г. [15, с. 76]. Что же имели в результате действия этих законов пожилые люди в СССР? Выяснить это нам помогут следующие интереснейшие источники. Во-первых, это поэтические произведения, написанные советскими авторами в 50–80 гг. прошлого века, то есть в период действия упомянутых законов, и во-вторых – анекдоты советского времени.

Почему для исследования важны именно поэтические характеристики «бабушек и дедушек»? Поэты и в России, и в Советском Союзе, традиционно считались выразителями жизненной правды, поэтому их произведения могут помочь автору в определении места

пенсионеров в советском обществе, понять отношение к ним со стороны более молодых граждан (их детей, соседей, случайных прохожих).

В данной работе проанализированы пятьдесят произвольно отобранных поэтических произведений, в которых упоминаются люди пожилого возраста, рассказывается об их судьбах и занятиях. Из них тридцать восемь условно можно назвать «взрослыми» и двенадцать, предназначены для детей. Среди авторов стихотворных источников – известные и уважаемые советскими людьми Евгений Евтушенко, Андрей Дементьев, Николай Доризо, Новелла Матвеева – поэты «оттепели»; диссидент Александр Галич, а также малоизвестные широкому кругу читателей авторы, считавшиеся в те годы молодыми. Из поэтов, посвятивших свое творчество детям, особое внимание к бабушкам и дедушкам проявила Агния Барто.

В большинстве поэтических источников прослеживается уважительное отношение со стороны авторов к пожилым людям: «...по земле на счастье бродят бабушки» [10, с. 55] или «любите их! – за ними истина» [2: 4]. Только в четырех произведениях представители старшего советского поколения показаны в негативном аспекте. Первые два стихотворения, вышедшие из-под пера Александра Галича, посвящены престарелым руководителям страны и пенсионерам, отдыхающим в санатории. Николай Заболоцкий осуждает живущую в роскоши старую актрису, которая унижает взятую в дом бедную девочку – племянницу. И последний отрицательный персонаж – любитель выпить, пенсионер Бугаев. Однако делать какие-либо выводы об образе жизни советских пенсионеров, исходя из уважительного, а иногда даже пафосно-восторженного, к ним отношения большинства авторов поэтических источников, рано.

При анализе образа жизни пожилых людей Советского Союза в данном случае может быть использован контент-анализ, который является количественным методом исследования. Эта методика позволяет узнать из текстов больше, чем хотели сказать его авторы, так как настойчивое повторение в текстах каких-то тем или употребление каких-то характерных формальных элементов (слов, словосочетаний) может не осознаваться авторами, но обнаруживается и

определенным образом интерпретируется исследователем. Единица контент-анализа – это устойчиво повторяющаяся смысловая единица текста, относительно которой выявляются статистические и структурные связи с другими единицами или иными количественными или качественными характеристиками. В качестве единиц анализа могут быть использованы слово, предложение, тема, идея, персонаж, социальная ситуация и просто часть текста, объединенная чем-то, что соответствует смыслу исследования. Кроме единиц анализа устанавливаются единицы счета, то есть количественные меры единиц анализа, позволяющие регистрировать частоту (регулярность) появления признака категории анализа в тексте. Прежде всего необходимо определить единицы контент-анализа. Во-первых, это «персонаж», так как для исследования важно понять, как в советском обществе определяли или называли пожилых людей. Во-вторых, это слово или словосочетание, характеризующее пенсионеров, отражающее их настроения и эмоции, дающее представления об их облике и одежде. В-третьих, социальные ситуации, связанные с времяпрепровождением пенсионеров, иначе говоря, тема работы и досуга пожилых людей. В качестве единицы счета целесообразно использовать слова и словосочетания для определения персонажей и их характеристик, а также словосочетания и предложения для уточнения их основных занятий.

Основными персонажами исследованных поэтических источников являлись старухи (17 употреблений слова) и старики (22 употребления), бабушки (23 употребления) и дедушки (2), старушки (10 употреблений) и старички (5), бабки (6 употреблений) и деды (11). Четыре раза в стихах встречается слово «пенсионер», дважды – «старец» и «ветеран» и по одному разу «старица», «бабуся» и «престарелый». Какие-либо другие определения для пожилых граждан Советского Союза отсутствуют. Характерно, что о возрасте данных персонажей судить трудно. Прямо количество прожитых стариками лет указывается только в четырех произведениях: семьдесят, семьдесят два и семьдесят пять. И еще один раз указывается число лет получения пенсии – семь. Авторы других источников позволяют читателям делать о возрасте героев собственные выводы.

Как, например, определить возраст старухи, которая может сметать стог, а ее единственная молодая дочь «на танцах кружит вечерами»? [4, с. 42]. Вряд ли ей восемьдесят лет.

Как же выглядят перечисленные старики и бабушки на страницах поэтических сборников? Их внешний вид характеризуют несколько повторяющихся фраз. Четыре раза упоминаются морщины и восемь – седина, кроме этого, о седине еще три раза говорится иносказательно, как о снеге, серебре и белоглазости. Их глаза «вопрошающе печальны» [10, с. 54] и «глубоки» [4, с. 42], а руки «грубые» [18, с. 37], «с синими жилками» [21, с. 115] или «в прожилках тонких» [6, с. 12]. Нельзя не упомянуть о прическах. Многочисленные старухи городских кварталов Бориса Слуцкого, «чесали гребнем редкие косы» [20, с. 395], а одинаковые старушки «мать и дочь» Николая Доризо щеголяли в «букольках» [9].

На бабушках, предположительно проживавших в деревнях, можно увидеть следующие наряды: «узко как труба в горошину платье до пят» [12, с. 99], «кофтенка, голубенькая крапинка платка» [19, с. 236], «было тесно заплатам на кацавейке» [2, с. 123] у старушки, встреченной автором у вокзала. На деревенском старике – рубаха на выпуск [2, с. 236]. При этом, описывая «кофтенку» и «рубаху на выпуск» ленинградская поэтесса Нонна Слепакова делает обобщения о том, что это «все старушечье» и «все стариковское» [2, с. 236]. Городские пенсионерки выглядели поизящнее. Одна из них была «обернута шалью старательно... обута в суконные ботики» [21, с. 115], еще две седенькие старушки даже носили шляпки, а старухи, о которых рассказал Борис Слуцкий «катали в пальцах старые бусы» [20, с. 395]. В санаториях отдыхали «старцы в чесанках с га-лошами» [5, с. 46] и даже бывшая знаменитая актриса была «в за-трапезе похожа на щегла» [11, с. 256]. Описание красивой, дорогой или модной одежды отсутствует, создается впечатление, что пожилые советские люди носили очень простые недорогие вещи или постоянно что-то донашивали.

Как же проводили свое время герои и героини стихотворений? Пожилые люди (по результатам исследований двадцати шести источников) были постоянно чем-то заняты. Однако, только старики А.

Галича «управляли миром» [5, с. 30]. Дела остальных были более прозаическими: старушки мыли полы, плели кружева, подавали щи и вообще были «машинами стиральными, качальными» [10, с. 54]. Бабушки из добрых детских стишков посвящали все свое время внукам: пели им ладушки, гладили наряды и пекли оладушки. Старики из «взрослых» стихов носили дрова, читали газеты, рассказывали сказки внукам и даже пили водку, а персонажи детских – вместе с внуками чинили стулья, красили сараи и играли в шахматы. В восьми источниках имеются сведения о способах добывания стариками денег. Кроме уже упомянутых номенклатурщиков, которые имеют доход с того, что «держат крепко бразды правленья» [5, с. 30], пожилые люди работали в качестве сторожей и конюхов. Еще один старик был профессиональным поэтом, а плохо одетая бабушка торговала «горсткой грецких орехов» [2, с. 123]. И, конечно же, стариков в трудную минуту выручали копейки, полученные от сдачи бутылок из-под перцовки (пенсионер Бугаев) или кефира (старушка Ирина Кондратьевна [21, с. 114–115]). В конечном итоге, в зависимости от места жительства, советские старики коротали досуг на деревенской завалинке или на городской лавочке. Жители домов-интернатов для престарелых обходились без «мытья тарелок» [8, с. 177] и проводили время «у телевизора, в кино, скользя по книге взглядом» [20, с. 395]. Интересно, что пожилые граждане первого в мире атеистического государства все равно в трех произведениях обращались к богу. Они «твердили молитвы» [20, с. 395], обращались к иконам и крестили зевки. Никто из пожилых советских людей, ставших героями исследованных стихотворений, кроме лубочно-сказочного Дяди Степы, побывавшего в Париже и поднимавшего там «бокал искристый за французских коммунистов» [13], не путешествовал и не посещал какие-либо культурно-развлекательные мероприятия.

Каково же было отношение к старикам в Советском обществе? Согласно меткому обобщению Евгения Евтушенко, «о них обыкновенно не заботятся... они в домах ютятся по углам» [10, с. 54]. О «неприметном» уделе стариков писал и Николай Заболоцкий [11, с. 269]. В тринадцати источниках из пятидесяти имеются сведения

об одинокой жизни старых людей и еще в четырех – рассказывается о проблемах с детьми. Две женщины брошены детьми и поэтому выживают, как могут: одна в доме для престарелых, другая – торгуя орехами на вокзале. Сын бабки Анны из стихотворения Любови Новиковой достиг больших высот и ездил «в командировки за границу» [2, с. 124], однако ее луг косил нанятый за поллитровку сосед, а уже упомянутая старуха, дочь которой любила танцевать, стога метала самостоятельно. Очень показателен в этом отношении детский стишок Агнии Барто о формальном отношении школьников к добрым делам. Стоящая у доски девочка раздает призовые очки одноклассникам за тот или иной положительный поступок, в том числе мальчик Никита получил три очка за старичка, которого он водил в гости. Мальчик недоволен: «Три очка за старичка! Я требую прибавки! Я с ним провел почти полдня, Он полюбить успел меня» [1, с. 123].

Итак, с одной стороны, в поэтических произведениях прослеживается авторское восхищение простотой, трудолюбием, стойкостью простых пожилых людей в нелегких жизненных ситуациях, признание их незаменимости: «Россия наша держится на бабушках» [10, с. 54], а с другой – отражено потребительское отношение к ним со стороны более молодого поколения: советские старики не требовали дорогостоящих нарядов и развлечений и, взяв на себя роль домашних работниц и работников, а также воспитателей внуков, позволяли детям заниматься личной жизнью и делать карьеру. Отрицательное отношение в стихах прослеживается только к тем представителям старшего поколения, которые находились во власти, имели накопленные богатства (старая актриса) или льготы (отдыхающие в профсоюзном санатории).

Следующий комплекс источников – анекдоты советского времени. Анекдот – это краткая смешная история, основная черта которой – анонимность. Трудно установить первоначального автора такой истории, каждый рассказчик имеет право добавить в нее свои изменения, поэтому анекдот, по праву, можно отнести к жанру народного творчества. Анекдоты, вероятнее всего, являются наименее достоверными историческими источниками, однако ценность содер-

жащейся в них информации заключается в оценках, которые общество дает тому или иному событию или явлению, характерному для государства. Исходя из лояльности к советскому правительству, все анекдоты можно разбить на две категории: легальные, то есть не имеющие запрета на рассказ и публикацию и, так называемые, «политические», в которых в критической форме выражалось отношение советских людей к существующему строю и его вождям. Политические анекдоты были запрещены и, соответственно, наиболее интересны, так как позволяли себе вышучивать самые возвышенные для того времени идеалы и идеологические догмы. В данной работе проанализированы политические анекдоты, основными персонажами которых являются пожилые советские граждане, иначе говоря, старики и старухи. Анекдоты были рассказаны автору друзьями и знакомыми, при этом некоторые анекдоты в пересказе разных лиц получили различные интерпретации. Весь массив политических анекдотов про пожилых людей можно разбить на несколько циклов. Первый цикл был посвящен льготам для ветеранов войны: в годы, когда многие товары считались дефицитными, ветераны Великой Отечественной войны получили право на внеочередное обслуживание в магазинах. Это вызвало в обществе неоднозначную реакцию. Основным аргументом недовольства обычных граждан было приобретение инвалидами войны товаров не для себя, а для детей и внуков, то есть использование их как средства обогащения для лиц, самостоятельно никаких привилегий не заслуживших. И здесь, в первую очередь, интересен следующий анекдот: «Какие новые льготы для ветеранов войны установлены правительством? Теперь им разрешено переходить улицу на красный свет, стоять под стрелой и заплывать за буйки». В другом варианте этого анекдота говорится о 50% скидке с первого апреля на транспортное обслуживание: такси, собачьи упряжки, подводные лодки и Орбитальную станцию «Мир».

Следующая история позволяет взглянуть на проблемку предоставления льгот с другой стороны: «К Л.И. Брежневу на приём пришла делегация ветеранов войны. Старики были недовольны тем, что у нового оформления бутылки водки оказался существенный

изъян: пробка была без "ушка". А без ушка ветеранам трудно открывать бутылку. Поэтому ходоки просили любимого вождя помочь им и распорядиться о возврате "ушка" на крышку. Вождь заверил ветеранов, что их просьбу обязательно выполнит. Ветераны ушли, Брежнев достал из сейфа бутылку дорогой водки и, отвинчивая крышечку, подумал: "а, на фига им это ушко?". Этот эпизод говорит нам о весьма формальном отношении властей к ветеранам войны, об отсутствии понимания их реальных нужд.

Другой обширный цикл анекдотов рассказывает о происшествиях на лекциях по внешней политике и внутреннем положении в стране, организованных для сельских тружеников в клубах, после которых с вопросами к лектору или с собственным резюме выступают старики-колхозники. К этому же циклу можно отнести и анекдоты о производственных собраниях колхозников, проходящих в этих же сельских клубах.

На колхозном собрании, посвященном соревнованию с Америкой, берет слово дед: «Догнать-то ее можно, отчего ж не догнать, а вот перегонять не к чему: видать будет заплаты на заднице».

В колхозе выступает лектор с докладом о последних достижениях в строительстве социализма. Поговорили о БАМе как стройке социализма, о том, что строительство железнодорожного полотна ведется одновременно из Сибири и из центральной России, и перешли к международной политике. Лектор спросил, есть ли у кого вопросы? Поднимает руку старый дед: «Скажите, а на БАМе будет две колеи или одна?» Лектор отвечает: «В Китае сложное положение, но социализм строится». Опять поднимает руку дед: «На БАМе будет две колеи или одна?» – «В Венгрии сложное положение, но социализм строится... у кого есть вопросы». Дед снова: «Будет две колеи или одна?» – «В Чехословакии сложное положение, но социализм строится...» Дед не унимается: «Две или одна?» Лектор не выдерживает: «Встретятся – будет одна, не встретятся – будет две».

Давая характеристику развитому социализму, лектор сказал: «Одной ногой мы стоим в социализме, а другой уже шагнули в коммунизм». Старушка его спрашивает: «И долго, милоч, нам эдак раскорякой стоять?».

Колхозники с превеликим трудом раздобыли немного фанеры и обсуждают, как ее употребить. «Починим коровник», – предлагает один. «Построим склад для картошки», – предлагает другой. Тут слово берет дед: «Давайте сделаем из ентной фанеры ероплан и улетим на ём к е... матери!»

Здесь нельзя не заметить присущих старикам сметливости и способности к определению существа любой проблемы. О наблюдательности и проницательности советских пенсионеров свидетельствует и следующая история: «Американцы много лет готовили резидента для работы в СССР. Его легенда была разработана блестяще. Наконец, его забросили с самолета на советскую территорию, и он вышел из леса, одетый в ватник и кепку. Зайдя во двор избы, он попросил у бабки напиться. – "А ты, милоч, не шпиен ли будешь?" – "С чего ты взяла, бабка?" – "Да мы в наших краях негров отродясь не видали"».

В шестидесятые годы советский народ был потрясен заявлением Н.С. Хрущева о скором наступлении коммунизма. Людям, только что пережившим Великую Отечественную войну, трудно было представить это сказочное общество великих возможностей и всеобщего братства, поэтому появился целый ряд анекдотов на эту тему.

Один старый большевик другому: «Нет, дорогой, мы-то с вами до коммунизма не доживем, а дети... Детей жалко».

Бабка спрашивает у деда: что такое коммунизм. «Это когда равенство и братство», – говорит дед. Она не понимает: «Не понимаю, получше объясни, что такое коммунизм». Дед отмахнулся. Бабка опять за свое. Дед не выдержал: «Это когда в сенях стоят твои чуни, мои чуни, а рядом – чуни Хрущева....».

Впоследствии, со сменой руководителя Коммунистической партии произошла трансформация этого анекдота: «Это когда на стенке висят твои лапти, мои лапти, а рядом с ними лапти Брежнева».

В 1970–80-х гг. чуни уже практически не носили, это слово перестало быть понятным всем и каждому, поэтому его и заменили на более привычное – крестьянское «лапти».

Почему именно старикам позволено высказывать самые запретные мысли? Испокон веков на Руси крамольные слова дозволялось говорить шутам или юродивым – людям, больным, бедным, которым нечего было терять в результате преследования со стороны слуг государевых. «...Дураков и юродивых (блаженных, одержимых безумием) наделяли даром ясновидения и ведовства... Шут (дурак) – не просто комическая фигура, но и носитель пророческого

дара» [7, с. 11–16]. Однако, «тунеядство» и бродяжничество в советском государстве преследовалось законодательно. И миссия юродивых, по нашему мнению, была переложена на единственную подходящую категорию советских граждан – стариков и старух. Они в силу возраста уже не совсем здоровы и, видимо, не очень богаты, если не сказать, бедны (вспомним анекдот про заплаты). В приведенных для примера анекдотах они стали играть роль шутов – юродивых. Именно им позволено посягнуть на самое святое в советском обществе – Октябрьскую революцию и личности ее вождей:

Два старых большевика: «Помнишь, Вася, как мы брали Зимний?», «Да, погорячились».

На первомайской демонстрации колонна глубоких стариков несет плакат: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» К ним подбегает некто в штатском: «Вы что, издеваетесь? Когда вы были детьми, товарищ Сталин еще не родился!» «Вот за это ему и спасибо!»

Старой актрисе для ускорения присвоения ей звания «народной» предложили вступить в партию. На приеме ее спросили, как она представляет себе коммунизм. «Всего будет вдоволь – и продуктов, и товаров, и за границу пускать будут... Одним словом, как при царе!»

«Бабушка, а Ленин был хороший?» «Хороший, внучек, хороший»; «Бабушка, а Сталин был плохой?» «Плохой, внучек, плохой»; «Бабушка, а Хрущев какой?» «Когда умрет, тогда и узнаем».

Таким образом, анекдоты – это наиболее мобильный жанр устного народного творчества, отражающий все основные изменения официального курса Коммунистической партии и правительства, в том числе, построение коммунизма и развитого социализма. Старики-колхозники из анекдотов времени Н.С. Хрущева, рассуждающие о соревновании с Америкой и светлом будущем, бедны, на ногах у них чуни или лапти, а на штанах заплаты, однако именно они, не имея государственных пенсий (напомним, Закон о колхозных пенси-

ях вступил в силу с 1 января 1965 г.), рассуждают о соревновании с Америкой и светлом коммунистическом будущем. Про внешний вид горожан сведений нет, но они тоже не совсем счастливы, если сожалеют о взятии Зимнего дворца и с любовью вспоминают о своем «некоммунистическом» детстве. В анекдотах нашло свое отражение, существовавшее в обществе уважительное отношение к старикам-беднякам и отсутствие такового к пенсионерам-льготникам.

Подводя общие итоги, можно сделать выводы о весьма малообеспеченной и не очень содержательной жизни пожилых советских граждан. Однако и поэтические произведения, и запрещенные анекдоты по-своему подчеркивают их незаменимость. Первые – в качестве домашних работников и воспитателей внуков, вторые – как отважных выразителей общественного мнения. В качестве заключения следует привести мнение пятидесяти опрошенных автором россиян, ставших пенсионерами в советское время: даже говоря о его недостатках, таких как дефицит, нехватка продуктов питания, бюрократия, они все равно считают, что старое жите было лучше и добрее, а пенсионеры пользовались заслуженным уважением. Сегодняшнему изобилию они предпочитают прежние очереди и постоянные поездки в переполненных электричках в столицу за продуктами и одеждой.

Список литературы

1. Барто А. Три очка за старичка // Я расту. – М: ЭКСМО, 2008.
2. Богословский А. Наши бабушки // Труд. – 1975. – 14 сентября.
3. Вознесенская Е.. Раздумья о пансионате // Социальное обеспечение. – 1990. – № 5.
4. Встреча: сб. стихов. – Ярославль: Верхнее-Волжское книжн. изд-во, 1982.
5. Галич А. Генеральная репетиция. – М.: Сов. писатель, 1991.
6. Данилов С. Матери // Библиотека избранной лирики. – М.: Молодая гвардия, 1970.
7. Даркевич В.П. Народная культура средневековья. Светская праздничная жизнь в искусстве XI–XVI вв. – М.: Наука, 1988.

8. Дементьев А. Монолог старой женщины // Нет женщин нелюбимых. – М.: ЭКСМО, 2005.
9. Доризо Н. Мать и дочь // Вдохновение завтрашнего дня. – М.: Дет. лит., 1986.
10. Евтушенко Е. Откуда родом я. – Л.: Дет. лит., 1983.
11. Заболоцкий Н. Столбцы и поэмы. Стихотворения. – М.: Худ. лит., 1989.
12. Матвеева Н. Страница // Хвала работе. – М.: Молодая Гвардия, 1987.
13. Михалков С. Дядя Степа – ветеран // Сергей Михалков. Товарищи дети. – М.: Дет. лит., 1985.
14. Муравьева Н.А. Наши успехи // Социальное обеспечение. – 1958. – № 10.
15. Народное хозяйство в СССР. Статистический ежегодник. – М: Финансы и статистика, 1991.
16. О государственных пенсиях. Закон СССР от 14 июля 1956 // Ведомости Верховного Совета СССР – 1977. – № 41.
17. О пенсиях и пособиях членам колхозов: Закон СССР от 15 июля 1964 // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1964. – № 29.
18. Самойлов Д. Ночлег // Избр. произведения. – Т. 1. – М: Худ. лит., 1989.
19. Слепакова Н. Мста // То время – эти голоса. – Ленинград. Поэты «Оттепели». – Л.: Сов. писатель, 1990.
20. Слуцкий Б. Старухи без стариков // Советская поэзия. – Т. 2. – М.: Худ. лит., 1977.
21. Тарутин О. Позвонки // То время – эти голоса. Ленинград. Поэты «Оттепели». – Л.: Сов. писатель, 1990.

УДК 94(37).09

ББК 63.3(0)323.4

А. А. Шевченко *

К вопросу об освобождении рабов в Римской империи в IV–VI вв. на основании юридических источников

В этой статье анализируется римское законодательство IV–VI вв., касающееся освобождения рабов. Среди ученых долгое время шла дискуссия о причинах появления многочисленных законов, облегчивших процедуру освобождения рабов. Мы тщательно анализируем эти законы. Особое внимание уделяется отмене законов Элия-Сенция и Фуфия-Каниния. Мы пытаемся доказать, что позднеимперское государство прежде всего преследовало интересы фиска и способствовало освобождению рабов, чтобы превратить их в колонов. В статье приводятся позднеимперские законы о прикреплении вольноотпущенников к их месту жительства как доказательство того, что последние постепенно превращаются в колонов.

In this article we consider roman laws of IV-VI centuries about liberating slaves. There was scientific discussion concerning reasons of appearance of many laws simplifying the procedure of liberating slaves. We thoroughly research these laws. Great attention is paid to the cancellation of lex Aelia-Sentia and Fufia-Caninia. It is proved that the Late roman state, keeping in mind fiscus interests, tried to liberate the slaves owing to the need of colons. We consider laws about attaching libertines to their places of residence as a proof that they were gradually turning into colons too.

Ключевые слова: Римская империя, рабы, колоны, римское законодательство, вольноотпущенники, освобождение рабов, фиск, юридические источники, историография.

Key words: the Roman Empire, slaves, colonuses, Roman legislation, freedman, release of slaves, fisc, juridical sources, historiography.

* **Шевченко Александр Александрович**, соискатель кафедры истории Древней Греции и Рима, Санкт-Петербургский государственный университет.

В IV–VI вв. в Римской империи происходят коренные социальные и экономические изменения. Особенно ярко они отразились на положении рабов. В позднеримских юридических источниках содержатся многочисленные законы, существенно облегчающие процедуру освобождения раба, а также защищающие представителей данного сословия от тех или иных беззаконий. В римской юриспруденции этого времени на смену квалификации раба как «вещи» приходит мнение, что рабы являются «живыми существами» а потому должны пользоваться определенными правами. Так, в Институциях Юстиниана подчеркивается необходимость бережного обращения с рабами: «называются они *servi* потому, что полководцы обыкновенно берегут их и не убивают» (Inst. I,3). В Дигестах приводятся рассуждения Марциана о праве императора сделать отпущенника свободнорожденным: «Так как он «император» в любом случае возвращает в первоначальное положение, в котором изначально были все люди, а не в то, в каком (данный вольноотпущенник) был при рождении, так как он рожден как раб» (Dig 40,1,2). Таким образом, согласно Марциану, люди изначально были свободными. Итак, у рабов как у «живых существ» появляется определенная правовая защищенность.

Здесь, пожалуй, будет уместным обратиться к историографии, посвященной истории развития рабского сословия в IV–VI вв., так как проблеме появления прав у этого наиболее зависимого сословия империи уделяется особо пристальное внимание. Е.М. Штаерман, ссылаясь на Плиния и Сенеку, считал, что в I–II вв. н.э. вопрос о рабах встал очень остро: часто случались грабежи и убийства господ, рабы тяжело приспосабливались к местным обычаям и не были заинтересованы в производительности собственного труда [17]. М. Касер пишет об уменьшении числа рабов из-за упадка хозяйства и низкой рождаемости [19, с. 124], а М.Я. Сюзюмов выдвигает тезис о том, что начиная с IV-го в. рабство вытесняется колонатом [16]. Эту же точку зрения поддерживает Е.Э. Липшиц [14, с. 28–84], которая ссылается на малочисленные упоминания в законах о рабах, занятых именно в сельском хозяйстве и используемую там терминологию, более пригодную для обозначения челяди. Отечественная

исследовательница также отмечает небольшое количество законов о рабах, принадлежащих крупным землевладельцам, и приходит к выводу, что государство заняло активную позицию изживания рабовладения и способствовало превращению военнопленных в колоннов [15]. Напротив, А.Р. Корсунский указывает на почти полное отсутствие статистического материала и критикует исследования, доказывающие, что число рабов в магнатских землевладениях было невелико [11, с. 22–23]. Г.Л. Курбатов, также критикуя выводы Е.Э. Липшиц, пишет, что столь малое количество законов, упоминающих рабский производственный труд, еще не является доказательством малочисленности этого сословия [12, с. 4–5]. Что касается Г.Е. Лебедевой, то она приходит к выводу, что государство «преследовало цель не столько подрыва рабства, сколько стимулировало труд рабов», сам же этот социальный институт сохраняется и играет достаточно серьезную роль [13, с. 67]. Этому вопросу посвящен достаточно большой раздел ее монографии «Социальная структура ранневизантийского общества» [13, с. 11–69]. Выделим основные положения ее доказательств. По словам Г.Е. Лебедевой, именно в это время общество соглашается с возможностью порабощения гражданина: допускается рабство по доброй воле, за долги, продажа детей, и уже Диоклетиан был вынужден признать непрочность статуса свободнорожденного [13, 21–24, 29–30]. Кроме того, по словам исследовательницы, новые законы, на основании которых раб мог получить свободу, также не доказывают резкое уменьшение численности рабов, так как эти законы существовали еще в классическое время, более того, их число уменьшается [13, с. 24, 37]. Здесь мы должны подчеркнуть, что эти законы появляются как результат отмены законов Элия-Сенция и Фуфия-Каниния. Г.Е. Лебедева пытается доказать, что большинство законов об освобождения рабов было принято с целью провести более четкую грань между свободными и рабами, как, например, в случае закона о сожительнице господина, или в ситуации, когда раб достигал епископского сана [13, с. 27]. Автор монографии критикует идею, что воспроизводство рабов всегда было низким, а основным источником их пополнения были активные захватнические войны, отсутствие же

последних с III в. стало причиной кризиса рабовладения. По мнению исследовательницы, наличие большого числа законов о рабских семьях и общего правила, согласно которому дети рабыни наследуют статус матери, подтверждает высокое воспроизводство рабского сословия [13, с. 24–26], существовавшее наряду с импортом рабов. По-прежнему сохраняются законы, по которым рабами становились в качестве наказания за те или иные преступления. Вольноотпущенник в любой момент мог вернуться в прежнее положение, а многие пленники оставались у ветеранов в качестве рабов, а не колонов [13, с. 27, 38, 40]. На основании анализа терминов исследовательница доказывает, что рабы применяются не только в качестве домашних слуг: так, сельскую рабыню часто называют *ancilla*, а слово *famulus* обозначает не только домашнего слугу, но и раба-землепашца [13, с. 67]. Тем не менее, Г.Е. Лебедева приходит к выводу, что государство активно направляло свою политику на изживание рабства, но не подрывало его основы, а численность рабов постепенно уменьшалась [13, с. 16, 67].

Попытаемся рассмотреть законы, касающиеся освобождения рабов. В позднеримском праве стало гораздо легче освободить раба, так как почти все прежние ограничения были сняты. В Дигестах приводится своеобразное обоснование предоставлению свободы: «Поскольку он (император) в любом случае возвращает (вольноотпущенника) в первоначальное положение, в котором изначально были все люди, а не в то, в каком (этот вольноотпущенник) был при рождении, так как он рожден как раб» (Dig. 40,11,2). Е.Э. Липшиц также отмечает, что количество путей выхода из рабства значительно увеличилось [15, с. 114–115]. Так, согласно постановлению Юстиниана 531 г., конкубина свободного человека, умершего и не оставившего никаких распоряжений на ее счет, становилась свободной (C.J.7,15,3). Надо отметить, что такая отпущенница пользовалась большим уважением, и ее статус был выше положения обычного либерта, что подтверждается конституцией Александра Севера 230 г.: «Следует оказывать почет жене давшего ей свободу и запрещено без разрешения претора привлекать ее к суду, даже если этого требуют обстоятельства» (C.J.2,2,1). Однако, по словам

Марциана, освобождающий рабыню для брака не был обязан на ней жениться (Dig.40,5,51&13), а Павел разрешает подавать иск о положении своей жены, если та одновременно является его рабыней (Dig.40,12,39). Освобождались дети рабыни, если она, выйдя из рабского положения, становилась женой своего бывшего хозяина. Кроме того, раб освобождался, если господин разрешал ему занимать государственные должности – Юстиниан, 529 г. (C.J.12,33,6), служить в армии, ведь раб, по словам Грациана, Валентиниана II и Феодосия I, будучи «подчинен чужому праву», не мог служить без согласия хозяина (C.Th.7,13,11; C.J.12,43,2). Раб также обретал свободу, если господин позволял ему бракосочетаться со свободной, уйти в монастырь или стать священником [15, с. 114–115; 19, с. 133]. Судя по конституции Гонория и Феодосия II от 409 г., рабы первоначально могли начать монашескую жизнь и без согласия господина, ведь согласно этому закону запрещалось вырывать из монастырей тех, кто искал там убежище (C.Th.16,8,19; C.J.2,12,2). Однако в конце V в. воля хозяина становится обязательной, так как согласно постановлению Зенона 484 г., «Господину дозволяется подарить прежде своим рабам свободу и, если это действительно их воля, открыть им разрешенный путь к достижению священного сана» (C.J.1,3,36). Этот же император предписывает: «Рабам, которые могут сослаться на согласие их господ, допускается вступить в монастырь...» (C.J.1,3,37). При этом следует обратить внимание, что рабу было непросто освободиться по причине давности срока, если он долгое время жил как свободный. Согласно М. Касеру, ссылающемуся на Кодекс Юстиниана (C.J.7,39,4,2), при Константине срок давности равнялся 16 годам, после него он увеличивается до 20 лет, а Юстиниан сделал его равным 40 годам [19, с. 133]. Тем не менее, в Кодексе Юстиниана содержится постановление Диоклетиана, вообще отменяющее освобождение подобного рода: «Известно, что убежавший раб совершил кражу самого себя, и отсюда ни вхождение в права собственности, ни действие закона в силу давности не может состояться, так как бегство рабов не должно ни в коем случае наносить ущерб господам» (C.J.6,1,1). В этом же Кодексе содержатся и другие законы, приписывающие находить и воз-

вращать беглых рабов (С.Ј.6,1,2;6,1,5;6,1,7), а также штрафовать хозяев, принявших их к себе (С.Ј.6,1,4;6,1,8). Более того, Павел отказывается считать свободным раба, даже если он фактически владеет свободой (Dig. 40,1,11).

Не менее важно подчеркнуть и то, что ограничения по отпуску рабов, введенные законами Элия-Сеция и Фуфия-Каниния и связанные с возрастом раба, господина и с количеством рабов (Gaius I,38–43), стали относиться согласно Институциям Гая только к завещаниям (Gaius I,44). Юстиниан вообще отменил закон Фуфия-Каниния (Inst. I,7) [18, с. 107], указав, что возраст раба и господина не играют роли (Inst. I,5,3). Более того, в Кодекс Юстиниана не только вошли конституции Константина I, облегчающие процесс освобождения раба, но и появились новые законы, на основании которых возможно было освободить раба. Понятия латины-юнианы и латины-дедитиции исчезают при Юстиниане. Теперь раб освобождался «священным постановлением», в церковном собрании, в кругу друзей и «даже на пути, когда, например претор, или консул, или начальник идет в баню или в театр» (С.Ј. 1,5; Inst. I,5) [18, с. 119–121]. Что касается освобождения в церкви, то Константин I пишет в постановлении, адресованном епископу Протогену: «Уже давно принято, что господа их рабам в церквях правильной веры могут подарить свободу, если они делают это перед лицом народа и в присутствии христианских священников (С.Ј.1,13). Данная конституция Константина, сделавшего христианство государственной религией, очевидно натолкнула некоторых ученых, в частности М. Касера, на мысль, что смягчение положения рабов произошло под влиянием христианского вероучения [19, с. 125]. Относительно же предоставления свободы перед лицом чиновников этот император предписывает префекту города Максиму в следующем законе: «Почтительные рабы могут по воле их господ получить свободу перед нашим советом, или от консулов, преторов, наместников, магистратов городов, которые имеют на это право» (С.Ј.7,1,4). Законодатель Дигест Юстиниана от имени юриста Павла идет еще дальше и указывает, что достаточно, чтобы должность чиновника была выше должности патрона (Dig.40,1,14). Такое освобождение называлось виндиктом.

Уважительной причиной для отпуска считалось желание жениться на рабыне или назначение раба управляющим (Gaius I,19; Inst. I,6,5). Кроме того, раб мог освободиться даже в том случае, если наследник продал свое наследство до того, как оно было ему официально передано (C.J.7,10,3). Однако, несмотря на все вышеуказанные отмены ограничений по отпуску рабов, оставался запрет. Согласно Гаю это был единственный запрет, который касался иностранцев в отношении освобождения раба (Gaius I,47): нельзя было освобождать рабов во вред кредитору (Gaius I,37; Inst., I,7). Итак, здесь мы сталкиваемся с единственным ограничением по освобождению рабов, так как все препятствия к тому времени уже были устранены, а сама процедура, насколько это только было возможно, упрощена. Поэтому в данном контексте следует более детально рассмотреть группу законов, относящихся к этому ограничению, и ответить на вопрос, действительно ли это было единственное ограничение и могло ли оно в реальности приостановить наделение рабов свободой?

М. Касер пишет, что закон Фуфия-Каниния был отменен в Восточной империи, вследствие чего там нельзя было отпускать рабов только в том случае, если это причиняло вред кредитору, в то время как в Западной империи по-прежнему существовал закон Фуфия-Каниния, мешавший свободно отпускать рабов на волю [19, с. 137]. В действительности же данный закон был отменен только при Юстиниане в VI в. (Inst.I,7), когда Западная Римская империя уже канула в Лету. Пока же две империи соседствовали друг с другом, законодательство было, по крайней мере в данном отношении, общим и принимало во внимание закон времен Августа. Нормы же, касающиеся этого ограничения, начали разрабатываться во II–III вв., т. е. во время существования многих других ограничений на предоставление свободы рабам. Так, в 223 г., Александр Север постановил: «Если выполнены условия заимодавцев, заложенные и освобожденные рабы становятся свободными и если освобождающий осмеливается заявить, что сделал это во вред кредиторам... пусть ни он, ни его наследники не будут выслушаны» (C.J.7,8,5). Дигесты предписывают возвращать в рабство последних из освобожден-

денных рабов, если должник освободил слишком много рабов так, что нанес вред своим заимодавцам (Dig.40,9,24). Кодекс Гермогениана позволяет освобождать при наличии согласия кредитора, но требует, чтобы раб был совершеннолетним (Dig.40,9,27§1). Ульпиан также разрешает освобождать по фидеикомиссу отданную в залог рабыню, если об этом просит кредитор (Dig.40,5,45). Этот же юрист в книге «К эдикту» допускает освобождение при двух условиях:

1. Удовлетворение требования давших в долг.

2. Отсутствие передачи наследства в фиск, иначе освобождение ни по фидеикомиссу, ни через завещание не имеет юридической силы (Dig.40,5,4§19). Дело в том, что отпуск рабов на волю в ущерб фиску и городу строго запрещается (Dig.40,9,11; Dig.40,9,16§13), однако рабы окончательно приобретают свободу, если фиск сразу же не потребовал наследство (Dig.40,5,4§20). Точно так же Юлиан отказывает неплатежеспособному господину в праве освободить рабов по завещанию, даже если наследник богат (Dig.40,9,5). Тем не менее, Гай отказывается принять во внимание, беден ли завещатель и насколько богат наследник, и заставляет иметь в виду только интересы давших долг. Диоклетиан в конституции 290 г. разъясняет Теренцию: если после фискальных и частных долгов «что-либо осталось, то основы права не позволяют чинить препятствия отпущенникам, в любом случае легаты и фидеикомиссы (по которым эти отпущенники были освобождены) сохраняют юридическую силу с оговоркой закона Фальцидия», по которому допускалась продажа трех четвертей наследства за долги (C.J.6,37,15), (C.J.6,37,16–18), (C.J.6,37,23–26,42). Единственное исключение из закона дает Сцевола, позволяющий пренебречь завещанием и не отпускать раба, если он – единственное имущество (Dig.40,9,6). Теперь мы снова вернемся к нашему единственному ограничению. Итак, неплатежеспособный должник не может освобождать рабов, поскольку тем самым он наносит вред заимодавцам (Dig.40,9,10; Dig.40,9,16§2; Dig.40,9,18; Dig.40,1,21) и даже не имеет права освобождать раба из приданного (Dig.40,1,21), причем во всех вышеперечисленных статьях сходятся такие юристы, как Гай, Павел, Папиниан. Однако институция Юстиниана I,6,3 перечеркивает

мнения этих юристов, утверждая, что отпуск состоится, если хозяин – несостоятельный должник, но не имеет злого умысла (Inst. I,6,3), а Марциан допускает продажу раба с условием освобождения, даже если все имущество заложено (Dig.40, 8,6). Таким образом, Юстиниан, отменивший закон Фуфия-Каниния, сделал менее строгим и это ограничение, которое ранее было более серьезным препятствием на пути достижения свободы рабом. Мы видим, что все эти законы, облегчающие процедуру освобождения раба, появляются именно в IV–VI вв., однако они не могли подчеркнуть разницу между свободными и рабами, поскольку свобода для раба становится легкодостижимой при соблюдении минимального количества правил.

Попытаемся вкратце ответить на вопрос, насколько легко можно было лишиться свободы и перейти в наиболее бесправное состояние. Следует обратить особое внимание на то, что в позднем Риме была запрещена продажа детей. В 294 г. Диоклетиан постановляет: «Ребенок не может быть передан кому-либо другому ни через продажу, ни через дарение, ни как залог, ни другим способом, ни под предлогом незнания принимающего, таково действующее законодательство» (C.J.IV,43,1). Константин I в 329 г. допускает торговлю детьми, но только в случае крайней нужды, и разрешает выкупить ребенка обратно, причем это можно было сделать только с новорожденными. «Если кто-либо из-за большой бедности, нужды и голода продал сына или дочь, поскольку они еще новорожденные, то продажа должна иметь силу только в этом случае, и покупатель имеет право удержать этого раба, но тот, кто его продал... должен иметь право вернуть его в статус свободнорожденного... поскольку он предлагает цену, которую тот может стоить или отдает для этого другого раба» (C.Th. V,10,1; C.J.IV,32,2). Видимо, в 329 г., когда вышел процитированный выше указ, в империи разразился голод, потому что через четыре года этот же император вообще запрещает продажу детей: «Предки ценили свободу столь высоко, что отцы, которым ранее принадлежало право на жизнь и смерть детей, не могут их лишить свободы» (C.Th. IV,8,6; C.J.VIII,46,10). Этот запрет подтверждался и позже, а по конститу-

ции Феодосия I проданное дитя возвращалось бесплатно (C.Th. III,3,1), и за 1/5 стоимости согласно новелле Валентиниана (Nov.Val.XXXII,1), а Юстиниан запретил обращать в рабство даже подкинутых детей (C.J.I,4,24). На основании всего перечисленного выше становится очевидным, что законы IV–VI вв. скорее ограничивают продажу детей, чем легализируют ее. Исключение составляет только одно – постановление Константина I, вскоре отмененное другим законом этого императора.

Как отмечают ряд исследователей, у кредиторов имелась возможность продать неудачливого должника в рабство [13, с. 21; 18, 100]. Однако Юстиниан запретил лишать свободы за долги [18, с. 129]. Следует уточнить данное высказывание П.Ф. Жирара при помощи Кодекса Юстиниана: запрет этот установил еще Диоклетиан в 294 г.: «Законы не допускают, чтобы свободные люди из-за долгов вынуждены были служить своим кредиторам» (C.J.IV,10,12).

Попытаемся, наконец, ответить на вопрос, с какой целью законодательство способствует освобождению рабов. Для этого нам следует снова обратиться к Кодексу Юстиниана. Прежде всего, представляет интерес закон Валентиниана I, запрещающий уводить чужого либерта: «Тот, кто принял чужого либерта, должен возместить его службу штрафом» (C.J.VI,3,13). Однако прямой ответ на наш вопрос содержится в другом постановлении этого императора: «Если беглые рабы, либерты и колоны из наших владений, так же как и их дети и внуки, если они достигли другой службы, должны потерять свое новое положение и быть возвращены нам, так как не принимается во внимание любой срок давности» (C.J.VII,38,1). В этом законе либерты не только перечисляются наряду с колонами, но и их потомки также остаются прикрепленными к патрону. Впрочем, еще за полвека до Валентиниана I император Константин в 319 г. запрещает вольноотпущенникам города покидать места своего постоянного жительства: «Если либерты, искусные в каком-либо ремесле, были уговорены к бегству, то они должны быть возвращены городу в том же виде» (C.J.VI,1,5). Точно так же Ульпиан позволяет удержать отпущенника под предлогом, что он может начать бродяжничать (Dig.38,2,16).

Таким образом, освобожденные рабы подобно колонам оказываются прикрепленными к своему месту жительства и роду занятий и сами фактически превращаются в колонов. Очевидно и то, что на протяжении IV–VI вв. их численность уменьшается и вытесняется сословием колонов. Положение рабов этой эпохи существенно отличается от предыдущих периодов. Во-первых, меняется отношение к рабам, у них появляется некоторая социальная защищенность, а в правовых источниках появляются рассуждения о «возвращении в первоначальное положение», согласно которым люди изначально были свободны (Dig. 40,11,1); и о происхождении слова *servus* от *servare* (сохранить), «так как полководцы обыкновенно берегут их и не убивают» (Inst.I,3). Государство допускает наличие у раба собственного имущества – *пекулия*, при помощи которого раб может самостоятельно добывать себе пропитание и является материально заинтересованным в производительности собственного труда. Более того, сельские рабы прикреплялись к своему земельному участку, с которого хозяин уже не мог их прогнать (C.Th.II,20,1; C.Th.III,30,3; C.J.XI,48,7), и точно так же превращались в колонов. Мы видим, что в данном случае государство оберегает свои фискальные интересы и стремится защитить земледельцев, являвшихся основным источником пополнения фиска. Кроме того, Константин признает рабский брак и рабскую семью, которую раб должен был кормить при помощи своего *пекулия* (C.Th.II,25,1; C.J.III,38,11; Dig.21,1,35; Inst.I,10,10). Здесь законодатель, судя по всему, преследует две цели: увеличение производительности *пекулия* – земельного надела и решение проблемы низкой рабской рождаемости. Немаловажным является и то, что раб становится более независимым от хозяина благодаря своему *пекулию* – он теперь может заключать сделки (Dig. 33,8,9; 33,8,10; 33,8,15; 33,8,24).

Мы едва ли можем говорить об исчезновении рабовладельческого строя в IV, или даже в VI столетии. Рабы по-прежнему существовали, в юридических сборниках сохраняется хорошо разработанное законодательство о рабах. Однако система рабо-

владения подвергается серьезным изменениям, появляются новые законы, отменяются многие старые конституции, регулирующие отношения между свободными и рабами. Все большую роль начинает играть система колоната, которая достаточно активно вытесняет использование рабов в сельском хозяйстве. Итак, совершенно очевидно, что позднеимперское государство взяло четкий курс на изживание рабства.

Список литературы

1. Theodosiani libri XVI cum constitutionibus sirmondianis / ed. Th. Mommsen et P.M. Meyer. – Berolini, 1905;
2. Codex Justinianus // Corpus iuris civilis / recogn. P.Krueger, ed. Stereotypa octavae volumen II. – Berolini, 1906;
3. Corpus inscriptionum latinarum / A.Mav et C.Zangemeister. – Berlin, 1909;
4. Digesta Justiniani // Corpus iuris civilis / recogn. Th.Mommsen, ed. Stereotypa octavae volumen I. – Berolini, 1908;
5. Zosimus comes et exadvocatus fisci. Historia nova / Recensuit L. Mendelssohn. – Leipzig, 1887.
6. Аммиан Марцеллин Римская история / пер. и прим. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. – 3-е изд. – СПб., 2000.
7. Юстиниан Дигесты // Законы XII таблиц, Институции Гая, Дигесты Юстиниана. – М.: Зерцало, 1997.
8. Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты / пер. и прим. И.С. Перетерского.
9. Институции императора Юстиниана / пер. Д. Расснера. – Вып. 1–6. – СПб., 1888–1890.
10. Институции Гая // Законы XII таблиц, Институции Гая, Дигесты Юстиниана. – М.: Зерцало, 1997.
11. Корсунский А.Р. Проблемы измерения социальных явлений в исторических источниках и литературе // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. – М., 1975.
12. Курбатов Г.Л. К проблеме рабства в ранней Византии // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. – Вып. 2. – М., 1978.
13. Лебедева Г.Е. Социальная структура ранневизантийского общества. – Л., 1980.
14. Липшиц Е.Э. О путях формирования феодальной зависимости и феодальной зависимости в балканских и малоазиатских провинциях Византии // ВВ. – 13. – 1958. – С. 37.

15. Липшиц Е.Э. Право и суд в Византии в IV–VIII вв. – Л., 1976.
16. Сюзюмов М.Я. Закономерный переход к феодализму и синтез // Античная древность и Средние века. – Вып. 12. – Свердловск, 1975.
17. Штаерман Е.М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. – М., 1957. – С. 55–57.
18. Girard P.F. Manuel elementaire de droite romain. 5 ed. – P. 1911.
19. Kaser M. Das römische Privatrecht, 2 Auf, 2 Bd. – München, 1975.

УДК 94(44).082

ББК 63.3(4Фр)53-6

П. А. Гостенков *

Ж. Кайо в период Агадирского кризиса

В статье рассматриваются проблемы эволюции внутренней политики Франции на фоне усиления франко-германских противоречий в Марокко в 1911 г. Выясняются возможности изменения курса французской внешней политики. Характеризуется деятельность Ж. Кайо по урегулированию Агадирского кризиса. Анализируется аргументация сторонников и противников франко-германского сближения.

This article discusses the problem of the evolution of France's internal policy against the backdrop of strengthening the Franco-German tensions in Morocco in 1911. The possibility to change the course of French foreign policy is verified. The article characterizes the activities of J. Cayo to resolve the Agadir crisis. We analyze the reasoning of supporters and opponents of the Franco-German rapprochement.

Ключевые слова: Франция, Германия, Марокко, внешняя политика, Агадирский кризис, геополитика, Антанта, Кэ-д'Орсе, «младотурки», министерство иностранных дел.

Key words: France, Germany, Morocco, foreign policy, the Agadir crisis, geopolitics, the Entente, Ke-d'Orse, Young Turks, Ministry of External Affairs.

* **Гостенков Пётр Анатольевич**, старший преподаватель кафедры истории Отечества, науки и культуры, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (Технический университет).

Среди французских политических деятелей первых десятилетий XX в. Жозеф Кайо нам представляется весьма любопытной и недооцененной фигурой. Его геополитические убеждения в определенной степени отражают двойственную геополитическую природу Франции, пребывающей между атлантической и континентальной традицией. Подобная размытость французского геополитического кода отчетливо проявилось в ходе Второго марокканского или Агадирского кризиса.

До 1911 г. по роду своей деятельности, преимущественно в сфере внутривластной и финансовой, Ж. Кайо сравнительно мало занимался внешнеполитическими проблемами [17, с. 33], что не помешало ему (как члену кабинета Ж. Клемансо) поддержать подписанное в 1909 г. франко-германское соглашение о Марокко [7, с. 99]. Примечательно, что уже тогда против компромисса с Берлином выступили руководители Кэ-д'Орсе и французский посланник в Танжере [18, с. 291]. Как мы позднее увидим, именно руководство центрального аппарата французского МИДа в ходе марокканского кризиса занимало устойчивую антигерманскую позицию, в отличие от Ж. Кайо, пытавшегося найти компромисс с Берлином.

В своем выборе внешнеполитического вектора Франции он был не одинок. Видный британский историк А. Дж. П. Тейлор даже называл сторонников примирения на экономической почве с восточным соседом «школой Рувье» [5, с. 469]. По его мнению, «радикалы из школы Рувье домогались франко-германского финансового сотрудничества, при котором на долю Германии достались бы все опасности, грозящие обыкновенному держателю акций, а Франция была бы держательницей надежных долговых обязательств; эту партию возглавлял теперь министр финансов Кайо. Ее позицию усиливали социалисты, которые не одобряли реакционную Россию и с восхищением смотрели на германскую социал-демократию, являющуюся самой сильной и самой ортодоксальной марксистской партией в Европе» [5, с. 469–470].

В определенные моменты склонность искать пути франко-германского примирения проявлял видный французский журналист, политик (рекордсмен по количеству премьерств в Третьей респуб-

лике !), финансист спекулятивного толка Ж. Тардьё. Его точка зрения на отношения с Берлином постоянно менялась. Будучи политическим обозревателем «Тан», он ратовал за экономическое сотрудничество с Германией, а «решение марокканского вопроса (франко-германское соглашение 1909 г.) высокопарно оценивал как «решающую дату в истории Европы» [9, с. 233]. В феврале 1909 г. ему в унисон писали французские газеты «Le Siècle» и «La République Française»: франко-германское урегулирование в Марокко может быть распространено и на другие регионы [9, с. 233]. Видный немецкий историк Г. Хальгартен называет Кайо врагом Тардьё, в беседе историка с бывшим премьером, состоявшейся в 1934 г. последний признался, что он был сторонником сближения с Германией, но не в целях обогащения Тардьё [6, с. 488].

Как было сказано выше, руководство французского МИДа в период, предшествовавший Агадирскому кризису, и в его ходе в целом придерживалось антигерманской ориентации. К явным герmanoфобам в период 1909–1911 гг. следует отнести группу французских дипломатов и ответственных чиновников Кэ-д’Орсе, названную британским историком М. Хэйном «младотурками». Это М. Эрбетт, Э. Бапст, А. Конти и Э. Рено [14, с. 199].

Никто из них никогда не был министром иностранных дел, не был послом в ведущих державах Европы и, тем не менее, они в значительной мере вершили судьбы французской дипломатии. Как же подобное могло происходить? Ответ следует искать в особенностях политического режима Третьей республики и своеобразном характере функционирования внешнеполитического ведомства Франции того времени.

По Конституции 1875 г. президент республики был наделен представительскими функциями в международных делах. Однако до Ф. Фора, совершившего в 1897 г. первый для президентов Третьей республики зарубежный визит – в Россию, этим правом пользовались весьма ограниченно. После Ф. Фора каждый президент Франции обязательно совершал визиты в Россию и Великобританию, некоторые еще и в Италию.

Хотя по конституции именно президент назначал послов республики, в реальности он этим не занимался. К тому же информацию о внешней политике он получал прежде всего от министра иностранных дел, а ее объем и характер целиком зависел от доброй воли министра [16, с. 25].

Согласно ст. 8 Конституции 1875 г. президент республики при заключении договоров с другими государствами информирует парламент, «насколько это позволяют интересы и безопасность государства». По ст. 3 ему предоставлялось право назначения гражданских и военных лиц [3, с. 92]. Однако и в этом случае в реальной практике функционирования режима Третьей республики мнение президента не являлось определяющим при создании нового кабинета и выборе кандидатуры министра иностранных дел. Последнего выбирал председатель совета (иначе говоря, премьер-министр), хотя нередко он сам забирал себе портфель главы внешнеполитического ведомства.

Таким образом, президент в период существования Третьей республики во Франции «берет на себя ответственность за действия нашей внешней политики как представитель всей нации...Пути и способы его ответственности не поддаются никакой кодификации» [12, с. 95].

Премьер-министр Франции в это время обладал куда более реальной властью. Следует отметить, что далеко не каждый из глав кабинетов лично занимался вопросами внешней политики, однако нередко брала верх другая тенденция: в период с 1871 по 1914 г. из тридцати одного председателя Совета министров пятнадцать одновременно брали себе и портфель министра иностранных дел [16, с. 31].

Министр иностранных дел был не только политической фигурой, но и должен был поддерживать отношения с послами, аккредитованными в Париже, и с французскими дипломатическими представителями за границей, отвечать на депутатские запросы (интерпелляции) в парламенте, впрочем, нечастые, руководить своей администрацией.

Главную роль в администрации министра иностранных дел играл глава его кабинета. Обычно им становился человек, приближенный к министру, его политический сторонник или родственник. Главы кабинета отличались деловыми качествами, нередко сами были дипломатами. Что особенно ценно, они в условиях постоянной смены кабинетов и министров иностранных дел олицетворяли традиции и преемственность французской дипломатии [10, с. 46].

По реформе министерства иностранных дел 1907 г. ключевая роль в проведении курса внешней политики страны отводилась директору политических дел. По всей видимости, этой должности хотели придать значение, аналогичное статусу британского постоянного помощника министра [17, с. 26]. Хотя эта идея не получила полного воплощения, поскольку во французской дипломатической практике значительно большую роль, чем например в британской, играли послы, чей авторитет был иногда неоспоримо весомей (что подтверждает в указанный период пример братьев Камбонов и К. Баррера), чем даже авторитет министра, политические директора получили в свои руки механизм, легко позволявший манипулировать министром иностранных дел или по меньшей мере противодействовать его политике.

В июне 1909 г. произошла замена политического директора МИДа: Жоржа Луи, назначенного послом в Петербург, сменил бывший посланник в Пекине Эдмон Бапст, считавшийся специалистом по странам Востока. У него не сложились деловые отношения с министром иностранных дел С. Пишоном, который к тому же постоянно отсутствовал в Париже. По всей видимости, и премьер-министр А. Бриан находился под определенным влиянием политического директора [14, с. 202]. Не в последнюю очередь отсутствие единства помешало французской дипломатии противодействовать заключению потсдамских договоренностей между Россией и Германией [14]. Очевидно, что Париж был задет русско-германским соглашением.

Бапст, хотя и был противником франко-германского и франко-испанского сотрудничества в Марокко и не считал себя связанным франко-германским соглашением 1909 г. о Марокко, при определенных обстоятельствах именно он из всей группы «младотурок» был более всех склонен к компромиссу с Германией [14, с. 206].

Гораздо большим германофобом, чем Бапст, был его заместитель по европейским делам А. Конти. Как и его соратники, он не признавал вышеупомянутое соглашение с Германией, поскольку полагал, что «Франция не обязана делиться Марокко ни с кем, не говоря уже о Германии» [14, с. 206]. По утверждению Хэйна, враждебность к немцам сформировалась у Конти в немалой степени под влиянием известного германофоба Мориса Эрбетта [14].

М. Эрбетт был сыном Жюля Эрбетта, в 1890-е гг. посла Французской республики в Берлине, приложившего, как и один из создателей франко-русского союза Ш. Фрейсинэ, немало усилий для продвижения Мориса по служебной лестнице. В результате М. Эрбетт, родившийся в несчастном для Франции 1870 г. (не отсюда ли его германофобия?) в 1907 г. стал руководителем пресс-бюро МИД. Рычаги влияния на прессу помогли ему, когда он стал главой кабинета министра иностранных дел при Круппи и де Сельве. Ж. Кайо отмечал в своих мемуарах склонность Эрбетта к интригам [8, с. 149].

Реальная власть Эрбетта в министерстве проистекала из его влияния на неопытных в дипломатических хитросплетениях Круппи и де Сельва (особенно первого), контроля над персоналом министерства. От него зависела и дипломатическая корреспонденция [14, с. 207].

Эрбетт был, можно сказать, убежденным германофобом, критиковал германские (пруссские) внутренние порядки с их антидемократическим и реакционным духом. В трехсотстраничном докладе «Отношения с Францией, 1904–1908», посвященном отношениям Германской империи с Парижем, он всю вину за перманентные проблемы двусторонних отношений возлагал целиком на восточного соседа [14, с. 208–209]. Он полагал, что заключать с Германией соглашение какого-либо рода нецелесообразно, поскольку ей невозможно доверять, а цель европейской политики Берлина состоит в том, чтобы отделить Францию от России и Великобритании [14, с. 208].

Противником Берлина и сторонником экспансионистского курса в Марокко был и французский посланник в Танжере Э. Рено. Прав-

да, в 1911 г. он, очевидно по тактическим соображениям, был склонен идти на временный компромисс с Германией по Марокко [14, с. 213].

Таким образом, сторонникам взвешенного курса внешней и колониальной политики Франции, учитывавшим интересы других стран, в том числе и Германии, приходилось преодолевать серьезное противодействие со стороны французских дипломатов, занимавших устойчивые ключевые позиции в центральном аппарате Кэ-д'Орсе. Причем эта антигерманская направленность внешнеполитического ведомства Франции имела уже определенную традицию: по утверждению М. Хэйна, еще Ж. Луи и его коллеги создали коллектив «единомышленников антигерманской направленности» [14, с. 116].

Основные перипетии Второго Марокканского кризиса изучены достаточно основательно и нет необходимости лишней раз повторять изложение известных всем фактов. Остановимся лишь на одном аспекте: внутренней полемике и борьбе во французском руководстве по проблеме Марокко в ходе событий 1911 г.

Напряженность во франко-германских отношениях 1911 г. из-за Марокко возникла после непродуманного и, как оказалось, провокационного шага французского руководства – отправления французского отряда в Фес. Непродуманного, как нам представляется, по нескольким причинам. После заключения соглашения от 9 февраля 1909 г., которое А. Дж. Тэйлор называет с полным, на наш взгляд, основанием победой школы Рувье [5, с. 470] (а значит, и Кайо тоже), наметилась тенденция не только взаимовыгодного урегулирования не столь уж неразрешимой марокканской проблемы, но и некоторого улучшения отношений Парижа и Берлина в целом.

Вялотекущие переговоры по Марокко не привели к весне 1911 г. ни какому позитивному результату. На наш взгляд, ответственность за это в большей степени лежит на французской стороне. В нашу задачу не входит изучение этих переговоров, однако следует отметить, что Ж. Кайо, будучи в тот момент министром финансов согласился их вести, в частности, по железнодорожным проблемам, лишь при условии французского преобладания, что делало бы германское участие в возможном предприятии проблематичным [15, с. 726]. В

итоге, как полагает крупнейший во Франции знаток проблемы Ж.-К. Аллен, «диалог прерывается по этому вопросу, как и по всем другим областям (финансы, рудники и т.д.) в ожидании нового глобального франко-германского соглашения, обсуждение которого, впрочем, не началось» [15, с. 727].

Непрекращавшиеся внутренние распри в Марокко дали повод французам решить в свою пользу марокканский вопрос, не слишком считаясь с мнением других держав. Французская сторона неоднократно на словах подтверждала свою приверженность духу и букве Альхесирасского акта 1906 г. По подсчетам современника этих событий, известного британского пацифиста Э. Мореля, французский парламент с конца 1906 г. до начала экспедиции в Фес девять раз принимал резолюции с подтверждением намерения Франции соблюдать Альхесирасский акт [2, с. 99]. При этом англичанин, знаток дипломатического и не только закулисья, писал: «Парламент говорил: «Защищайте права Франции, но соблюдайте Алжесирасский акт». Действующие за кулисами темные силы говорили правительству: «Если вы не будете действовать, мы вас сбросим». Лица, имевшие в руках власть, предпочли удержать ее» [2, с. 99].

Очевидно, что весной 1911 г. Париж выбрал для себя наступательную тактику действий в Марокко. Поводом для французского вооруженного вмешательства в дела этой страны стала осада мятежными марокканскими племенами столицы Феса. Решение о посылке французского военного отряда в Фес принимало уже новое руководство МИД: 2 марта 1911 г. С. Пишона сменил бывший главный адвокат Кассационного суда, затем министр торговли в кабинете Клемансо Ж. Круппи. Новый глава правительства Э. Монис предложил пост министра иностранных дел не готовому к этой должности человеку, возможно от безысходности, поскольку многие видные политики от этого поста отказались. Не последнюю роль в его назначении сыграло и то обстоятельство, что он «был включен в правительство, чтобы обеспечить сбалансированное представление парламентских групп» [14, с. 210]. Неудивительно поэтому, что он быстро попал под влияние мидовской группировки «младотурок». Как отмечает французский исследователь Ж. Суту, Ж. Круппи,

министр иностранных дел Франции в начале Второго Марокканского кризиса, «не взвешивал международные риски» [10, с. 453]. Британский историк Хэйн утверждает, что на решение Круппи отправить французский отряд в Фес повлияли его эмоциональность и неопытность в международных делах. Под эмоциональностью он понимает его ответственность перед европейской колонией в марокканской столице, под неопытностью – представление, что силовое решение не приведет к изменению статус-кво в Марокко [14, с. 211]. Однако, на наш взгляд, вероятно не Круппи был главным инициатором французской наступательной инициативы в Марокко. На главу Кэ-д'Орсе помимо прочего оказывали давление французские военные круги, в частности военный министр Берто. Своим решением идти на Фес Круппи и Берто фактически поставили кабинет перед свершившимся фактом [18, с. 291]. Очевидно, что они отдавали себе отчет в том, что их решение не встретит единодушного положительного ответа коллег. В силу этого они, как нам представляется, выбрали наиболее подходящий момент: президент республики Фальер, ключевые министры Делькассе и Памс находились в это время в Тунисе, Кайо – в Лондоне. В результате решение было сообщено только премьер-министру Э. Монису, который его одобрил (но не обсуждал! – П.Г) [14, с. 34–35]. Трудно сказать, искренне заблуждался Ж. Круппи или был неправильно проинформирован (смеем думать, что оба предположения недалеки от истины), говоря кабинету министров, что Германия, дескать, не возражает против экспедиции в Фес [9, с. 236]

Итак, решение о походе на марокканскую столицу было принято 22 апреля, но французская дипломатия хотела придать ему видимость согласованных действий с марокканским султаном. Следовательно, ей было необходимо «обращение султана о помощи...и таким образом оправдать законность французского выступления «во имя и вместе с магзеном», поскольку марокканский отряд в нем участвует» [15, с. 727–728].

Выступление французского генерала Муанье в Фес, а затем и оккупация марокканской столицы, т. е. по сути предпоследний шаг к французскому протекторату встретили, как и следовало предпола-

гать, неоднозначную реакцию в Европе. Дипломатическую поддержку французскому демаршу оказал лишь Лондон, впрочем, в традициях британской дипломатии весьма неопределенную. Об этом свидетельствует тот факт, что во время подготовки экспедиции в Фес Круппи хотел выступить в сенате (3 апреля) с заявлением об общности интересов Франции и Великобритании «перед лицом всякой случайности». Британский посол в Париже Берти, которому Круппи вручил проект этой депеши для последующей передачи Грею, высказался против декларации, поскольку она «может дать повод для неудобных вопросов в палате общин» [4, с. 202]. Грей согласился с послом, а в личном письме к Берти от 10 апреля 1911 г. откровенно заметил, что он британскому парламенту «формулировал ответ так, чтобы не дать понять, что обязательство 1904 г. не может быть при известных обстоятельствах истолковано как имеющее более широкие следствия, чем его буква» [4, с. 203].

В Париже больше всего опасались реакции как всегда непредсказуемых в марокканских вопросах испанцев. Наиболее влиятельные французские дипломаты проявили сдержанность, не одобряя, но и не осуждая демарш. Посол республики в Риме К. Баррер занял выжидательную позицию, его берлинский коллега Ж. Камбон не хотел, чтобы в результате похода на Фес наступил крах франко-германского соглашения 1909 г. и очень опасался испанской реакции [18, с. 293]. Как оказалось, не напрасно. Испания воспользовалась своим правом по франко-испанскому соглашению 1904 г. заняв порт Лараш и 3 июня – Ксар эль-Кебир. Явно ущемленной ощущала себя Германия. Как пишет Тейлор: «Кидерлен опасался, что французы захватят Марокко, прежде чем они уплатят за него Германии обещанную цену, а провал планов компенсации, казалось, подтверждал его опасения» [5, с. 471]. В германском руководстве также решили прибегнуть к демонстративным мерам: 3 мая 1911 г. кайзер одобрил идею морской демонстрации [15, с. 728]. 12 июня канцлер А. Кидерлен-Вехтер предложил направить к берегам Марокко четыре военных корабля. Вильгельм II с неохотой согласился, не желая осложнений из-за Марокко и вполне резонно полагая: «Военными кораблями мы ничего не добьемся» [1, с. 248]. Впрочем, Париж и

Берлин были склонны пойти на компромисс: незадолго до своей отставки Круппи рассматривал возможность уступок в пользу Германии. Глава Кэ-д'Орсе дал понять германской стороне, что он готов вести переговоры о свободе рук для Франции в Марокко в обмен на компенсацию, которую определяют сами немцы [10, с. 38].

Но в дело франко-германского урегулирования марокканского вопроса вмешался очередной правительственный кризис во Франции, в результате которого премьер-министром 27 июня 1911 г. стал Жозеф Кайо, а министром иностранных дел спустя одиннадцать дней – Жюстен де Сельв. Надо признать, что выбор новым главой правительства министра иностранных дел не назовешь удачным. Де Сельв, как и его предшественник, будучи адвокатом занимал пост директора почт и телеграфов, стал в 1895 г. сенатором, не обладал серьезными познаниями в области внешней политики. Объяснить подобный выбор Кайо может, пожалуй, лишь тем обстоятельством, что на предложение занять пост министра, ему отказали пять видных политиков: Буржуа, Пуанкаре, Сарр'ен, Клемансо (кстати, враг Кайо) и Монис [10]. Со 2 по 8 июля 1911 г. (т. е. во время «прыжка «Пантеры» и первой реакции на него) исполняющим обязанности министра иностранных дел был сам Кайо.

Правда, вполне возможно, что глава правительства, назначая на ответственный пост довольно заурядную фигуру, рассчитывал сам контролировать внешнюю политику Франции [14, с. 216]. Следует иметь в виду, что назначая де Сельва министром, новый глава правительства не предполагал, что Марокко может создать его кабинету серьезные затруднения [7, с. 99]. Это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что даже такой опытный политик, как Кайо не ощущал опасность конфликта с восточным соседом из-за Марокко. Следовательно, весьма влиятельные силы либо искусственно раздували франко-германские разногласия, либо не желали достижения компромисса. Среди них были стоявшие за спиной Сельва «младотурки» из МИД.

«Прыжок германской канонерской лодки "Пантера"» (вместо четырех ранее предполагавшихся судов к берегам Марокко отправили три – кроме «Пантеры», легкие крейсера «Эбер» и «Берлин») в юж-

номарокканский порт Агадир 1 июля 1911 г. явно «лил воду» на мельницу «ястребам» с Кэ-д'Орсе, хотя и преследовал совершенно противоположную цель. В письме к г-же Марине Иониной Кидерлен 19 октября 1911 г. писал: «Это маленький возможный план», если переговоры провалятся». Несмотря на то, что сам по себе Агадир не представлял серьезного стратегического интереса (по расчетам Вильгельмштрассе, выбиравшего порт для демарша, он находился достаточно далеко от тщательно оберегаемого англичанами ключа от западного Средиземноморья – Гибралтара и таким образом их возражения (что в Берлине всегда учитывали) по поводу занятия этого порта были бы необоснованны), акция Берлина должна была продемонстрировать Парижу (а заодно и Лондону), что в марокканском вопросе еще не все предрешено, а вполне возможно, и оказать давление на Францию в случае вероятных двусторонних переговоров. Таким образом, это был своего рода демонстративный жест со стороны А. Кидерлен-Вехтера.

Как на него отреагировали в Париже? Надо отметить, что довольно спокойно. Сам факт отплытия (1 июля) и прибытия (3 июля) официально сообщался германскими дипломатическими лицами. Едва назначенный министр иностранных дел де Сельв вместе с президентом республики Фальером уехал в Голландию, вернувшись в Париж лишь 7 июля. Если бы ситуация казалась настолько уж тревожной, подобный визит едва ли состоялся. К тому же неопытному во внешнеполитических делах министру нужно было элементарно войти в курс дела.

Кайо и не собирался отказываться от попыток достижения компромисса с Берлином. Как уже было сказано выше, он был сторонником широкомасштабного франко-германского сотрудничества, причем не только в Марокко. Поэтому он «соглашался предложить сотрудничество французов в строительстве Багдадской железной дороги, если Германия откажется от своих интересов в Марокко» [5, с. 472]. Мало того, у французского политика возникла и другая идея, явно вступающая в противоречие с духом и буквой колониального соглашения с Испанией, и что гораздо более важно, с духом и буквой «Сердечного согласия»! Как утверждает тот же Тейлор, у Кайо

«была и другая мысль: если Франция приобрела бы Марокко с одобрения Германии, она могла бы пренебречь теми обещаниями, которые она дала Англии и Испании, и захватить все Марокко целиком, не считаясь с предполагаемой испанской зоной. Это удовлетворило бы французское общественное мнение, и франко-германское примирение было бы полным. Но для подобных переговоров нужна была дружественная атмосфера; со стороны Кидерлена было чистейшим безумством в бисмарковском стиле предполагать, что Кайо легче пойдет на компромисс, если ему сперва пригрозить» [5, с. 472].

Но пригрозить оказалось не так-то просто. По свидетельству современников событие известие о «прыжке "Пантеры"» не произвело первоначально ожидаемого Кидерленом ошеломляющего эффекта на Париж. Так например, Ж. Бернар не без удовольствия отмечает 5 июля, что «в другое время (такое событие) перевернуло бы жизнь Парижа. Сегодня, больше не возмущаются, размышляют, ждут» [10]. Германский дипломат Розен в феврале 1912 г. с горечью сообщил бельгийскому коллеге, что «некогда нам было достаточно легко повергнуть Францию в ужас и мы прибегали к этому средству несколько раз (в 1905 г. особенно). Сегодня это средство больше не имеет успеха» [10]. В декабре 1911 г., т. е. уже после окончания кризиса депутат французского парламента М. Семба заявил с парламентской трибуны о том, что «приходится признать, что большинство органов французской прессы отнеслись к отправке военного судна в Агадир не как к враждебному акту, а как к желанию Германии договориться об этом деле до конца. Говорилось, что этим актом Германия как бы позвонила в колокольчик... Когда произошло это событие, у всех получилось впечатление (такое впечатление у меня получилось не только при чтении газет изо дня в день; я испытал то же и вчера, когда я перечел эти газеты подряд), будто отправкой «Пантеры» Германия хотела успокоить французскую публику, что само по себе было недурно; но не только это – она в успокоение как будто говорила нам: «Разве вы не понимаете? Все это для того, чтобы возобновились переговоры о консорциуме. Не

думайте, что здесь просто что-то другое, не тревожьтесь. Тут речь идет только о деле» [2, с. 127].

Ж. Кайо понимал, что какой-то ответ на германский демарш должен последовать. Де Сельв, подталкиваемый своим кабинетом («младотурками»), склоняется к симметричному военно-морскому ответу – посылке на юг Марокко французских судов. Кайо и военно-морской министр Т. Делькассе (один из «творцов» Первого марокканского кризиса) отказывались от военных мер. Как справедливо подметил современный французский историк: «Кайо не поддался безумию» [18, с. 294]. От военно-морского ответа французы решили отказаться. Что заставило Париж пойти на это? На наш взгляд, целый ряд причин. Главная, пожалуй, состояла в том, что Париж в случае военно-морской демонстрации мог остаться в дипломатической изоляции. На кого Франция могла рассчитывать? Вероятно, на своего партнера по Сердечному согласию – Великобританию и на союзную Россию. Однако ситуация в начале июля 1911 г. сложилась не в пользу Парижа. Как писал Аллен: «французское правительство тогда оказалось в положении просителя и должно опасаться, как бы ее партнеры не злоупотребили тем, чтобы произвести ревизию своих отношений с ней в Марокко или в любой другой части света» [10, с. 2070].

Так, в России сочли момент благоприятным для решения в свою пользу китайского финансового вопроса (Кайо в Китае поддерживал антирусскую финансовую операцию [5, с. 473]) и возможно для того, чтобы вновь открыть вопрос проливов [5, с. 2071]. Британская позиция была как почти всегда при Э. Грее двусмысленна. Еще 4 июля 1911 г. Грей заявил германскому посланнику, что «создалось новое положение» и что британское правительство «не признает никакого решения, которое могло бы быть принято без его участия» [2, с. 121]. Премьер-министр Асквит 6 июля в палате общин заявил, что так как Британия, по его мнению, примет участие во франко-германских переговорах, «мы должны обратить должное внимание на защиту наших интересов и на выполнение наших договорных обязательств по отношению к Франции, хорошо известных палате» [2, с. 121]. С другой стороны, французскому послу в Лондо-

не Полю Камбону, высказавшемуся в пользу совместной франко-британской военно-морской демонстрации, Грей ответил отказом [18, с. 294].

В передовице влиятельнейшей «Таймс», занимавшей устойчивую антигерманскую позицию с момента англо-бурской войны и до начала Первой мировой войны [13, с. 21] 6 июля было напечатано недвусмысленное предупреждение сторонникам франко-германского компромисса: «Мы не привыкли отступать от данного нами обязательства или позволять другим державам вести за нашей спиной переговоры, затрагивающие наши важные интересы...Ничьи «права» не должны быть признаны, никаких «компенсаций» международного характера не должно быть дано, если они непосредственно и глубоко нас затрагивают, без нашего участия и нашего согласия» [2, с. 129].

Следует отметить, что пресса, особенно британская, сыграла немаловажную роль в ходе кризиса, в его углублении, о чем достаточно убедительно пишет авторитетный историк О. Хэйл: «В течение лета 1911 года в прессе Антанты распространялся миф о том, что германское выступление было неожиданным и грубым и что стиль его выступления привел к последовавшему кризису» [13, с. 381].

Таким образом, французам полностью рассчитывать на Великобританию и Россию в возможном конфликте с Германией в первые дни июля не приходилось. Свою существенную роль в сглаживании ситуации и начале франко-германских переговоров сыграли и некоторые французские дипломаты. Если Эрбетт как глава кабинета де Сельва и в июльские дни 1911 г. проявлял крайнюю степень бескомпромиссности в отношении Германии, то ряд видных французских дипломатов склонялись к иному варианту. К представителям второго направления следует отнести посла республики в Берлине Жюля Камбона. В отличие от своего старшего брата, многолетнего французского посла в Лондоне Поля Камбона, Жюль не был настроен антигермански, хотя и к германофилам его тоже не отнесешь. Он, однако, сумел найти общий язык с Кайо, что стало немаловажным фактором при решении французской стороны искать

мирный исход франко-германского разногласия по Марокко. Как отмечает Хэйн: «его способность повлиять на Кайо была очень значительна, и он поэтому предпочел работать скорее с премьером, чем с де Сельвом» [14, с. 221]. По словам того же историка, между Кайо и дипломатом существовала довольно тесная взаимосвязь: Ж. Камбон постоянно консультировал Кайо, а последний использовал Камбона в качестве транслятора и интерпретатора своей политики [14, с. 221]. В чем конкретно это выразилось? Посол старался внушить премьер-министру обоснованность германской реакции на действия Франции в шерифской империи. В качестве поддержки своих аргументов, Жюль использовал огромный авторитет в дипломатических кругах своего брата Поля, который, несмотря на некоторое несоответствие взглядов с младшим братом по отдельным вопросам, стратегически его поддерживал. Так, в частности, поскольку братья вели между собой переписку в обход центрального аппарата министерства, «лондонский» Камбон, получив письмо от «берлинского» Камбона о возможности провала франко-германских переговоров, тотчас же пишет де Сельву и упрекает его в этом [14, с. 221].

Однако картина взаимоотношений Ж. Кайо и Ж. Камбона была далека от идиллии. Посол в Берлине не держал премьера в курсе самых важных дел, через Кайо пытался заставить центральный аппарат министерства и «младотурок» изменить позицию, обвинял их в саботировании французской политики [14, с. 222]. Братья Камбоны (особенно Поль) были весьма невысокого мнения о человеческих качествах Кайо. Об этом свидетельствует письмо Поля Камбона Жюлю 24 октября 1911 г.: «Мы имеем дело с безумцем [Кайо] и мошенником [де Сельвом]. Безумец не более опасен, но все же способен на многие гадости. Я тебе писал некоторое время назад, чтобы сказать, что он ненадежен. Я только что узнал, что, говоря невпопад о деле Конго и предложениях, сделанных немцам, он позволил себе высказаться своему собеседнику, который мне повторил его слова: «Вы кажется хотите, если произойдет неудача с переговорами, свалить ее на посла в Берлине? – Конечно, – отвечает он. Это и мое намерение» [18, с. 298]. Тем не менее, несмотря на непростые личные взаимоотношения, Ж. Кайо и Ж. Камбон выстраивали общую

внешнеполитическую линию на достижение компромисса с Германией: Кайо – стратегическую, Камбон – тактическую.

Итак, как уже было сказано, де Сельв вернулся из зарубежной поездки в Париж 7 июля. В тот же день он встретился с Ж. Камбон (который уже вел консультации с Кайо через голову министра иностранных дел). В ту же ночь Ж. Камбон уехал по месту своей работы в Берлин [2, с. 129]. С этого момента фактически начинаются франко-германские переговоры. По мнению того же Э. Мореля: «имеются серьезные основания предполагать, что почва для соглашения была подготовлена еще до начала официальных переговоров, быть может еще в июне, когда французскому правительству и дипломатическим кругам стало известно, что Германия замышляет какое-то выступление, и когда Камбон был послан в Киссинген (20-го июня) для свидания с германским министром иностранных дел. Другой такой случай мог быть во время трехдневного отсутствия де Сельва в Голландии, когда премьер Кайо взял в свои руки заведование министерством иностранных дел» [2, с. 131].

Мы не будем подробно останавливаться на франко-германских переговорах, начатых 9 июля 1911 г. Отметим лишь некоторые существенные для нас детали. Переговоры, продолжавшиеся четыре месяца, велись сразу по нескольким каналам. Кроме официальных дипломатических, у премьера был и свой канал с деловыми кругами Германии: Артуром Гвиннером – директором Дейче банка, видными банкирами Паулем Швабахом и Гинзбургом. Председатель французского Совета министров выходил на прямой контакт с Кидерлен-Вехтером через отправленного в германскую столицу Франсуа Пьетри, члена кабинета премьера. Подобное дублирование со стороны Кайо обычных дипломатических каналов было не лишено оснований: центральному руководству МИД Кайо определенно не доверял. Эрбетт ему казался «пузатым дурачком», премьер опасался его «германофобии, граничащей с фанатизмом» [7, с. 101]. Переговоры Кайо вел и за спиной Ж. Камбона.

В начале франко-германских переговоров первоочередной задачей сторонников компромиссного курса во Франции была их локализация (в сущности, недопущение к ним Великобритании, а возможно и Испании). Де Сельв и его влиятельные советники рато-

вали за Париж как место переговоров и даже за созыв конференции. Кайо и Ж. Камбону удалось не допустить этого. Наиболее убежденным противником созыва конференции по Марокко проявил себя посол в Берлине [14, с. 222]. Как полагал Ж. Камбон, в результате конференции германское присутствие в стране лишь усилится. Он же всеми силами противился посылке французского крейсера в качестве ответа на «прыжок «Пантеры»: по его предположению, будущее французских коммерческих интересов в Марокко предпочтительнее отправки крейсера, такая политика устраним опасность со стороны марокканской оппозиции, укрепит контроль Парижа над шерифской монархией, а ответственность за кризис целиком будет возложена на Германию. Подобная дипломатическая тактика была одобрена премьер-министром [14, с. 222].

В то время как центральное руководство МИД Франции всячески противилось уступкам в Экваториальной Африке Германии в обмен на Марокко, Ж. Камбон утверждал, что уступка в пользу Берлина «речушек» и «островков» несравнима с получением Марокко [14, с. 222]. В этом вопросе сторонники компромиссной линии одержали верх.

Послу в Париже не удалось договориться с Кайо по вопросу экономического сотрудничества с Германией. Камбон предлагал проект совместного строительства марокканских железных дорог, но он не получил одобрения премьер-министра [14, с. 223]. Вполне вероятно, это произошло потому, что Кайо в это время вел свою финансово-экономическую игру с Германией.

Противостоять интригам де Сельва и «младотурок» Ж. Кайо и Ж. Камбон не смогли и по вопросу проекта окончательного текста франко-германского соглашения по Марокко: он был пронизан духом недоверия к Германии [14, с. 223].

Стоит немного сказать об одной из причин уступчивости Кайо в отношении Германии летом 1911 г. Одним из побудительных мотивов, заставивших Кайо пойти на переговоры с Берлином, была относительная слабость французской армии. К тому же в ней именно летом 1911 г. начались перестановки высшего командного состава. Военный министр А. Мессими, дрейфусар, когда-то продвигаемый в депутаты «под сильной масонской защитой» [11, с. 164], не ладил с

верхушкой генералитета, в частности с видным генералом, Мише-лем, «апостолом резервов», т. е. сторонником укрепления резервов на случай войны с Германией. В результате закулисной борьбы верхушки французского генералитета точка зрения «апостола резервов» не возобладала. Косвенно это может свидетельствовать о нежелании французской армии воевать в условиях сложившейся летом 1911 г. непростой внешнеполитической конъюнктуры. Однако, когда в разгар кризиса в армии начинаются широкомасштабные дебаты высшего командного состава, это говорит о несовершенстве всей военной структуры страны.

Как утверждает Аллен: «В первой редакции своих мемуаров (составленной между 1922 и 1931 гг. – П.Г.) Кайо пишет, что дезорганизация высшего командного состава, нехватка тяжелой артиллерии, сомнения относительно внешней поддержки, диктуют ему «долг настолько отчетливый, настолько же и ясный», сделать всё, насколько это сообразуется с честью и интересами Франции, чтобы избежать конфликта» [10, с. 2096]. Уже после публикации мемуаров Жоффра Кайо подтверждает эту оценку, сопроводив её эпизодом, якобы произошедшим 28 июля 1911 г. Находясь рядом с президентом страны Фальером, Кайо спросил у генерала Жоффр: «Есть ли у нас 70 % шансов на победу, если ситуация приведет нас к войне? Жоффр на это ответил: «Нет, я полагаю, что у нас их нет». После этой оценки последовала известная фраза Кайо: «Хорошо, тогда будем вести переговоры» [10, с. 2096]. Жоффр датирует эту беседу первыми числами августа, доверять в этом случае датировке Кайо у нас нет серьезных оснований. Скорее следует согласиться с версией Аллена, утверждающего, что подобная беседа могла состояться в конце августа 1911 г. и совпала бы с началом известного биржевого маневра Кайо [10, с. 2096].

Таким образом, разногласия, царившие в высших кругах парижской правящей элиты в период Агадирского кризиса, продемонстрировали наличие двух тенденций во французской внешней политике: пробританской (ее олицетворяли прямо или косвенно министры иностранных дел и «младотурки», с оговорками П. Камбон) и прогерманской (Ж. Кайо и его сподвижники). Несколько особняком здесь стоит, пожалуй, Ж. Камбон, в целом, однако, стратегически

склонявшийся к пробританской ориентации. В результате Агадирского кризиса удалось избежать войны, на которую, собственно говоря, правящие круги Франции и Германии ещё не были настроены. Однако был упущен может быть исторический для Европы шанс на достижение прочного германо-французского согласия. Косвенным свидетельством победы пробританских сил стала последующая отставка главного французского творца компромисса с Германией Ж. Кайо.

Список литературы

1. Виноградов К.Б. Вильгельм II Гогенцоллерн и внешнеполитический курс кайзеровской Германии // Монархи, министры, дипломаты XIX – начала XX века: сб. ст. / под ред. К.Б. Виноградова. – СПб., 2002.
2. Морель Э.Д. Десять лет секретной дипломатии. – М., 1924.
3. Петров В., Владимиров Ю. Кэ д'Орсэ (Краткий очерк дипломатической службы Франции). – М., 1966.
4. Полетика Н.П. Возникновение мировой войны. – М.-Л., 1935.
5. Тейлор А.Дж. П. Борьба за господство в Европе в 1848–1918 гг. – М., 1958.
6. Хальгартен Г. Империализм до 1914 года. – М., 1961.
7. Bredin J-D. Joseph Caillaux. – P., 1980.
8. Caillaux J. Mes mémoires. – Т. II. – Paris, 1943.
9. Carroll E.M. French Public opinion and foreign affairs 1870-1914. – New-York-London, 1931
10. Dictionnaire des ministres des Affaires étrangères. – P., 2005.
11. Doise J., Vaïsse M. Diplomatie et outil militaire 1871–1969. – P., 1987.
12. Faure F. Le ministère Leon Bourgeois et la politique étrangère de Marcelin Berthelot au Quai d'Orsay (2 novembre 1895 – 29 mars 1896) / Revue d'histoire diplomatique. – Avril-Juin – 1957.
13. Hale O.J. Publicity and Diplomacy. – N.-Y.-L., 1940.
14. Hayne M.B. The French Foreign Office and the origins of the First World War 1898–1914. – Oxford, 1993.
15. Histoire de la diplomatie française. – P. 2005.
16. Les affaires étrangères et le corps diplomatique française. – Т. II. – Paris, 1984.
17. Vallet P. Dans l'ombre d'Édouard et de Delcassé : les fonctionnaires britanniques et français vis-à-vis de l'Entente cordiale 1902-1914 // Relations internationales. – 2004. – № 117.
18. Villate. La République des diplomates. Paul et Jules – Cambon, 1843–1935. – P. 2002.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47)"19"

ББК 63.3(2)6

Н. Д. Козлов *

Россия в XX веке

Анисков В.Т. Советская Россия от становления, исторического величия, до надлома вех. В контексте ярославского краеведения: учеб.-методологическое издание. – Ярославль: Канцлер, 2008. – 488 с.

В 2008 г. вышло в свет историко-методологическое инновационное издание известного ученого, заслуженного деятеля науки России, доктора исторических наук, профессора Ярославского государственного университета имени А.Г. Демидова В.Т. Анискова. Ведущий исследователь истории русской деревни периода Великой Отечественной войны, всесторонне раскрывший жертвенный подвиг крестьян, пополнил отечественную историографию трудом, в котором нестандартно рассмотрел узловые проблемы отечественной истории XX в., тесно связав их с прошлым верхневолжского региона.

Монография едина в своей сущности, оригинальности замысла и нестандартности исполнения, отличается историографической насыщенностью, нетрадиционными научно-мировоззренческими, методическими, методико-педагогическими и историко-краеведческими подходами.

Содержание характеризуется четкостью авторской гражданской позиции, методологической наступательностью, бескомпромиссностью к фальсификациям, публицистичностью, остротой и нестан-

* **Козлов Николай Дмитриевич**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

дартностью, а порой и дискуссионным характером выводов, оценок и обобщений. Следует отметить, что в обращении к читателям предыдущих изданий автор справедливо замечал, что «разброс мнений о мере закономерности (равно как и субъективности) ныне минувшего, но не забытого, обрекает всю соответствующую историографию на пульсирующее непостоянство, а то и непримиримость...».

В.Т. Анисков не скрывает собственных взглядов и научных предпочтений. В доказательство он приводит как новые свидетельства и документы, так и аргументы историков и обществоведов, воспоминания современников событий, материалы периодической печати и другие источники.

В то же время книга не склоняет читателя к навязываемым схемам и далека от категоричности. К тому же автор обращает внимание на изменения собственных прежних оценок, которые он пересмотрел под влиянием углубленного научного анализа. «В выступающих дилеммах в конечном итоге вывод пусть остается за самим читателем, – подчеркнул автор. – Иначе не должно быть».

Предпринята, на наш взгляд, удачная попытка рассмотреть фундаментальные и масштабные процессы и явления в истории России XX в. в контексте инвариантных путей развития, обусловленных объективными и субъективными факторами предопределявшими возможные альтернативы.

Все проблемы и сюжетные линии пронизывают объективно-патриотические подходы, аргументы и оценки. Среди сюжетных линий одно из центральных мест занимают проблемы защиты Отечества. В этой связи обращают на себя внимание приводимые свидетельства масштабных всесторонних преобразований в стране в 30-е гг., признание готовности СССР к сражениям против фашистской Германии и милитаристской Японии, убедительные аргументы, касающиеся подлинной оценки пакта Молотова-Риббентропа 1939 г., опровергающие оценки и мифы, утвердившиеся в литературе и массовом сознании на рубеже XX – XXI вв. Авторская позиция и анализ получили официальное подтверждение в материалах круглого стола, состоявшегося в Государственной думе 17 октября 2008 г. В докладе генерал-майора в отставке, историка Л. Соцкова

на основе содержания ряда рассекреченных документов, убедительно доказано, что за две недели до начала Второй мировой войны И. Сталин, пытаясь создать антинацистский альянс, на встрече с представителями делегаций из Великобритании и Франции, предложил объединиться. Предлагая помощь Англии и Франции, Сталин был готов перебросить к границе Германии более миллиона солдат, чтобы сдержать агрессора ещё до начала Второй мировой войны. Однако руководитель британской делегации заявил, что он уполномочен только вести переговоры, но не подписывать конкретные соглашения. «Только поэтому, – считает Л. Соцков, – СССР, оставшись в одиночестве, вынужден был повернуться в сторону Германии и подписать договор о ненападении, чтобы получить дополнительное время для подготовки к зреющему конфликту» [2, с. 23].

В.Т. Анисков логикой изложения, аргументами, глубоким анализом и выводами отстаивает преемственность русского и советского исторического сознания, разоблачает противников российской державности, которые тщатся «доказать», что у русских в XX в. не было национальной истории (страна двигалась в тупик мировой цивилизации, в никуда), не было легитимной государственности (антинародный тоталитарный режим) и на основе этого «обосновать» правомерность любых военных вмешательств, внутренних мятежей и сепаратизма. Особое внимание маститый ученый уделил разоблачению активно внедрявшейся в конце XX – начале XXI в. мифологии о единстве всемирных целей двух тоталитарных режимом, соперничавших за мировое господство. Автор расширяет и углубляет анализ и подкрепляет аргументами известное положение Н.А. Нарочницкой о том, что отождествление Советского Союза с гитлеровским режимом «служит изменению смысла войны и праву пересмотреть итоги Ялты и Потсдама», ставит целью обесценить «подписи СССР под важнейшими международно-правовыми актами и всем – основание территориальных реалий и военно-стратегических симметрий, включая оставшуюся договорную систему вооружений и Устав ООН с его принципами невмешательства и

суверенитета, отторжение Калининградской области, вытеснения России с Балтики, Черного моря и Тихого океана» [1, с. 17–21].

Трудно не согласиться с анализом характера и результатов развязанной Западом «холодной войны». В результате жертвенных усилий советского народа и выбора его руководства, СССР в кратчайший срок не только преодолел отставание от США в ракетно-ядерном вооружении, но и лишил натовцев инициативы развертывания мировой ядерной войны. Новаторски звучит вывод о том, что в итоге и на финише «холодную войну» не столько выиграли США, как проиграли Н. Хрущев и последующие руководители страны.

В книге приводятся и анализируются как достижения нашего народа во всех сферах жизнедеятельности, так и трудности, просчеты, ошибки и нерешенные вопросы. Весьма удачны и результативны региональные сопоставления по всем рассматриваемым проблемам.

Привлекает внимание не только содержание, но и оригинальная манера авторского повествования, яркая и образная авторская стилистика.

Отечественная историография пополнилась глубоким и оригинальным исследованием. Это тем более важно, что вторая половина XX в. до сих пор не стала предметом серьезных исследований. Думается, что дискуссионные и нестандартные положения и оценки, выдвинутые автором, послужат толчком к дальнейшему всестороннему изучению исторических событий недалекого прошлого, со временем будут уточнены и развиты и получат признание научной общественности.

Список литературы

1. Нарочницкая Н.А. За что и с кем мы воевали. – М.: Минувшее, 2005.
2. Российская разведка открыла довоенные архивные документы // Аргументы недели. – 2008. – 23 окт.

Сведения об авторах

Бенда Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника отдела военно-гуманитарной подготовки учебного военного центра при Санкт-Петербургском государственном университете аэрокосмического приборостроения, e-mail: bvn.1962@mail.ru

Бойкова Татьяна Юрьевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: itropov@ya.ru

Вакурова Ольга Александровна – кандидат исторических наук, Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова, член-корреспондент Академии военно-исторических наук, e-mail: ovakurova@mail.ru

Гостенков Пётр Анатольевич – старший преподаватель кафедры истории Отечества, науки и культуры, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (Технический университет), e-mail: p.gostenkov@mail.ru

Гусман Леонид Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, e-mail: blummer@mail.ru

Иванченко Нелли Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, член-корреспондент академии Военно-исторических наук e-mail: nelli00@list.ru

Капустина Ольга Владимировна – соискатель, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: 209o@mail.ru

Козлов Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: kozni49@mail.ru

Мурадова Гульнара Якубовна – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: zizib@mail.ru

Тропов Игорь Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, e-mail: itropov@ya.ru

Шевченко Александр Александрович – соискатель кафедры истории Древней Греции и Рима, Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: ashevchenko@rambler.ru

Шишкина Марина Николаевна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры физики, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ». e-mail: marinaSH06@mail.ru

Яковлева Ольга Александровна – кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, e-mail: svlanaz@ya.ru

Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина принимаются статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов исторических наук.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5: 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,

Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 479-90-34

Для заметок

Для заметок

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина
№ 3**

серия история

Редакторы: *В. Л. Фурштатова, Т. Г. Захарова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 18.08.2008. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10. Тираж 500 экз. Заказ № 190

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а